

**ВЪ БУДНИ
И ВЪ ПРАЗДНИКЪ.**

**МОСКОВСКІЕ ПРАВЫ
ГЛЪБА УСПЕНСКАГО.**

**САКТПЕТЕРБУРГЪ.
1867.
Изданіе В. Е. Генкеля.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 декабря 1866 г.

Въ типографіи В. Спиридонова (Б. Подъячская, № 19).

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВСТРѢЧИ,

I.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Москва, въ качествѣ опытной, давнишней хозяйки, завела вездѣ на Руси свои порядки. Вездѣ самая бойкая улица называется «Московской» — лучший трактиръ «Москва», и т. д. Порядки, заведенные Москвою, ощутительны въ самыхъ незамѣтныхъ отрасляхъ ея хозяйства; возьмемъ для примѣра дорогу въ Москву. Отчего на самыхъ бойкихъ трактахъ изъ центра Россіи на Москву, не ходитъ почтовыхъ каретъ и дилижансовъ? Почтовые кареты, вслѣдствіе продолжительныхъ убытковъ казнѣ, были отданы въ частныя руки за безцѣнокъ; затѣмъ частныя руки прогорѣли, вслѣдствіе отсутствія пассажировъ, и перешли дорожное дѣло въ другія частныя руки, которыя, въ настоящее время, тоже не процвѣтають ибо, вмѣсто лошадей, запрягаютъ въ громадныя дилижансы, — только *живцы*, т. е. кровавые скелеты какихъ то животныхъ, съ едва замѣтными признаками жизни. Отчего, повторяю, весьма удобныя почтовые кареты остаются пустыми, а лошади, по причи-

нѣ голода, едва успѣваютъ къ концу года ѣзды удержать въ себѣ только *живыи*? Очень просто: такихъ экипажей и такой ѣзды не желаетъ Москва, — и они не существуютъ. Сообщенія производятся другимъ образомъ — московскимъ. Если вамъ нужно ѣхать въ Москву, — то спросите у перваго встрѣчнаго: «гдѣ московское подворье?» Встрѣчный объяснитъ вамъ мѣстоположеніе подворья въ одно мгновеніе такъ, что черезъ нѣсколько времени вы остановитесь около каменнаго двухъ-этажнаго дома, который и будетъ именно то, что вы искали; объ этомъ вамъ заявить вывѣска надъ воротами, по бѣлому фону, блѣднокрасными буквами изображающая такъ: «*Московское подворье Якова Ковришкина съ доставкой къ сроку и отпускаемъ экипажи какъ-то: въ Москву, въ Харьковъ и куда угодно по трактамъ на Москву на Харьковъ састандвай*». На вывѣску такого рода обратитъ вниманіе человѣкъ, незнакомый съ московской ѣздой и съ конторами ямскихъ экипажей. Человѣкъ бывалый узнаетъ «московское подворье» съ одного взгляда на этотъ двухъ-этажный домъ: внизу такого дома, по обѣимъ сторонамъ воротъ, помѣщается, по обыкновенію, харчевня съ замавленной дверью, гдѣ вмѣсто стеколъ вставлены жестяные листы, — и пекарня «хлѣбовъ»; домъ московскаго подворья замавленъ и старъ; онъ осѣлъ посрединѣ, надъ воротами, рамы 2-го этажа перекошились, даже обветшали, такъ что бурья кисейныя занавѣски, раз-

вѣшенныя на окнахъ, не могутъ подновить его полумертвой фигуры. Около харчевень и пекарень на лавкахъ, сворочанныхъ изъ тесаннаго веневаго камня, возсѣдаетъ цѣлая орда ямщиковъ, въ огромныхъ сапогахъ, въ армякахъ или тулупахъ, едва накинутыхъ на плечи. По ихъ лѣнивымъ и соннымъ лицамъ видно, что всѣ они ждуть кого-то и тоскуютъ; неопытному человѣку покажется, что они притаились и ждуть удобной минуты, чтобы напасть на кого-то.... Это предположеніе оправдывается тотчасъ-же, какъ только вы, т. е. проѣзжающій, останавливаетесь около воротъ: вся орда обступаетъ проѣзжающаго кругомъ и увлекаетъ подъ ворота; оглушительные крики: «Староста! Иванъ Филипычъ! Хозяинъ! Ай онъ провалился?», — стукъ множества сапогъ, подкованныхъ желѣзными подковами, — всѣ эти звуки, сдавленные въ узкомъ корридорѣ воротъ, оглушаютъ проѣзжающаго и приводятъ въ ужасъ.... Наконецъ дверь обитая истрепавшейся рогожей и носящая на себѣ надпись «*фкантору*», отворяется, и изъ облака хлынувшаго оттуда тепла, вырастаетъ плотная красная фигура, въ тулупѣ изъ романскихъ овецъ....

Это — староста.

— Вамъ въ Москву? спрашиваетъ онъ.

— Въ Москву....

— Когда готовы?...

— Къ вечеру....

— А нельзя-ли вамъ до завтрава, до утра?

— Нѣтъ, нельзя....

Настаетъ общее раздумье..

— Иванъ Филипычъ! совѣтуютъ ямщики, посади его съ барыней-то!... Велика бѣда....

— Въ самомъ дѣлѣ!... Съ барыней, вы не побрезгаете?

— Нѣтъ, отчего-же....

— Ну такъ къ вечеру-съ! Можно-съ!.. Я къ тому, — многіе обижаются съ дамами-то.... стѣсненіе!... хе хе.... Ну такъ съ барыней.... вещей много-ли?...

— Нѣтъ, вещей немного.

— Ну, такъ съ барыней.... полковница! Мужъ говорилъ, чтобы.... Иванъ Филипычъ, говоритъ, чтобы вы мою супругу, въ лучшемъ видѣ.... Васъ можно.... ничего!...

Начинаются торги.... заламываютъ шесть цѣлковыхъ, дѣло оканчивается на трехъ. Затѣмъ проѣзжающій желаетъ посмотрѣть экипажъ, въ которомъ онъ поѣдетъ. По прежнему, окруженный толпою ямщиковъ, онъ входитъ на огромный дворъ, окаймленный навѣсами и заставленный разнаго рода экипажами: тутъ и зимнія кибитки съ перевернутыми вверхъ заржавѣвшими полозьями; тутъ и тарантасы со сломанными у верха шалнерами, съ кузовомъ, наклонившимся въ бокъ, и съ колесами, касающимися земли, подъ угломъ, слишкомъ острымъ;

всѣ эти экипажи запылены, залѣплены бѣлой, шоссе-сейной грязью, ободраны; оглобли, съ ослабѣвшими тяжами, воздвигнуты къ небу или въ изнеможеніи растянулись по землѣ, въ разныя стороны. Вотъ наконецъ и ващъ экипажъ—московскій. Представьте себѣ двѣ необыкновенно-длинныхъ слѣги, лежащихъ другъ около друга, параллельно, на разстояніи двухъ четвертей; концы этихъ слѣгъ или жердей, довольно тонкихъ, лежатъ на передней и задней осяхъ, длиною въ полтора аршина. Посрединѣ этихъ жердей посажено громаднѣйшее зданіе, въ полторы квадратныхъ сажени, тяжестію своею пригнувшее жерди чуть не до земли и сильно подавшееся на сторону, словно остановившееся надъ пропастью, въ ужасѣ за каждую минуту. Узкій ходъ, маленькія скривившіяся колеса, жерди, треснувшія и связанныя веревками,—все это невольно обниметъ проѣзжающаго ужасомъ: «Если теперь, будетъ онъ думать, когда тарантасъ почти пустъ,—смотрѣть на него страшно, потому что отъ одной тяжести бузова, жерди, на которыхъ держится онъ, готовы переломиться,—то что-же будетъ, когда сюда нагрузятъ чемоданы, подушки, сядутъ попутчики и т. д.» Какъ бы то ни было, вы съ глубокою грустью соглашаетесь ѣхать, и вручаете деньги.... На требованіе квитанціи въ полученіи ихъ—вамъ отвѣчаютъ: «Будьте покойны! Али мы?... Слава Богу...» Вы предъявляете тотъ резонъ, что безъ квитанціи могутъ взять съ

вась другія деньги, — вамъ опять отвѣчаютъ, —
«Будьте покойны... Али мы... и т. д.»

Но всѣ муки ваши скоро окажутся совершенно напрасными. Въ минуту отъѣзда оказывается, что деньги ваши цѣлы, это во первыхъ, и во вторыхъ, что тарантасъ, хотя и подался, вслѣдствіе поклажи, еще болѣе на бокъ—но доѣхать пожалуй какъ-нибудь можно. Толпа ямщиковъ, укладывавшая внутри тарантаса вещи, тяжестію своею не нанесли ему большаго вреда. Черезъ минуту вы еще разъ убѣждаетесь, что «авось, какъ-нибудь!» Вы сидите въ тарантасѣ, вашъ попутчикъ купецъ—получилъ какую-то квитанцію отъ старосты съ просьбою передать ее въ Лопаснѣ Радивону, и объявилъ всѣмъ попутчикамъ, чтобы они не беспокоились: «Я это дѣло знаю довольно, говоритъ купецъ, ѣзжу пятнадцать годовъ, и всегда слава Богу...» Тарантасъ, покачиваясь и прихрамывая, выѣзжаетъ въ ворота; каждую минуту вамъ кажется, что онъ зацѣпится осью за тротуарный столбъ, что у него сломается шкворень, что онъ опрокинется въ канаву,—вырытую сбоку шоссе... Сердце ваше стучить... Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мира и любви сходитъ въ вашу душу: все идетъ слава Богу; каждую минуту вы убѣждаетесь, что погибнуть нельзя и наконецъ, ѣзда въ такомъ тарантасѣ дѣлается необыкновенно пріятною: чувствовать каждую минуту всѣ симптомы гибели—и знать, что погибнуть рѣшительно невозможно—ощущеніе слиш-

комъ хорошее... Не успѣли вы отъѣхать и пяти верстѣ отъ города, какъ тарантасъ сдѣлался вашимъ любимцемъ. Жаль расстаться... И если въ эту минуту мимо васъ проползетъ какой-нибудь цилижансъ, везомый *живцами*, вы засмѣетесь вмѣстѣ со всѣми попутчиками и ямщиками, отъ чистаго сердца.

Изъ множества особенностей, встрѣчаемыхъ туристомъ на московской дорогѣ, я укажу только на нѣкоторыя; такъ, прежде всего проѣзжающаго поражаетъ обиліе кабаковъ на всемъ протяженіи пути отъ Орла (въ особенности) до Москвы. Туристъ ѣдетъ всю дорогу среди какого-то сплошнаго кабака. Постоялые дворы или станціи московскихъ ямщиковъ помѣщаются въ домахъ богатыхъ крестьянъ. Дома эти въ деревняхъ—деревянные, но состроенные на широкую руку; въ нихъ нѣтъ ни номеровъ, ни общихъ комнатъ, ни буфета, а такъ, что-то смѣшанное; тутъ семейство укладывается спать,—и тутъ-же незнакомые купцы собираются пить чай... Если вамъ захочется чтонибудь съѣсть, то при вашемъ вопросѣ: «Нѣтъ-ли чегонибудь?» хозяйка сначала вытаращитъ глаза, словно отъ роду неслыхала она, что такое называется съѣстнымъ. И потомъ, когда пройдетъ первая минута испуга, неторопливо подымется съ своего мѣста и пойдетъ

«поискать чего-нибудь!» Хорошо, если поиски ея увѣнчаются успѣхомъ: вы, въ такихъ случаяхъ, можете рассчитывать на полученіе яицъ, молока; но, избави Богъ, если «все вышло!» вамъ некуда дѣться. Но какъ же,—спросятъ меня,—исконные московскіе ѣздоки обходятъ эти трудности. Очень просто. Настоящій, бывалый путешественникъ, — непременно захватитъ съѣдобное съ собой, изъ дому: въ сипей сахарной бумагѣ у него непременно завернута икра, балыкъ, бѣлорыбица, а въ кулекѣ булки и разные хлѣбы; кромѣ того, въ сапогѣ у него хранится складной ножъ, которымъ онъ и орудуетъ въ нужныхъ случаяхъ: этимъ ножомъ онъ отрѣжетъ икры, и имъ-же вырѣжетъ кнუтовице, если ямщикъ обронитъ кнуть, и проч. Такимъ образомъ настоящій членъ московскаго хозяйства не страдаетъ ни на волосъ.

Въ селахъ и городахъ, попадающихся на пути въ Москву, станціи московскихъ ямщиковъ помѣщаются въ домахъ каменныхъ, большею частію новыхъ, двухъ-этажныхъ... Дома эти, несмотря на недавнюю постройку и изящную отдѣлку — скоро принимаютъ какой-то пустынный видъ. Бѣлыя стѣны подъ воротами и около кухни изрисовываются множествомъ цифръ, изображающихъ овесъ, сѣно и т. д., а иногда просто какими то рожами и глубокомысленными изрѣченіями извѣстнаго свойства. Грязь скоро покрываетъ по-

вую липовую лѣстницу и нарастаетъ слитками въ корридорахъ; пыль обезображиваетъ мебель въ номерахъ и незамѣтно въ два, три года, новый постоянный дворъ ветшаетъ и старѣетъ. Къ разрушенію его способствуетъ особенно трактиръ, гдѣ съ утра до ночи идетъ плясъ и оранье пѣсень отечественнаго производства, въ перемежку съ мотивами изъ «Травіаты», которыми угощаетъ публику новая московская машина. О разгульной жизни этихъ постоянныхъ дворовъ и этихъ трактировъ можно заключить по тому, что къ проѣзжающему, во всякое время дня и ночи, лезутъ половые съ самыми эротическими предложеніями... Къ довершенію общей картины дороги въ Москву, мнѣ слѣдуетъ упомянуть о дородныхъ откормленныхъ дворничихахъ, дворникахъ и ихъ дочкахъ, съ особенною ревностію стремящихся сорвать съ проѣзжаго молодца, — поцѣлуй и гривенникъ... Но болѣе этого прибавить, кажется, уже ничего не слѣдуетъ...

Итакъ, дорога въ Москву идетъ для новичка самымъ веселымъ образомъ. Подъ самой Москвой, верстъ за десять отъ городской заставы, начинаются подмосковныя слободы, зажиточныя русскія деревни, съ богатыми постройками, раскрашенными самыми яркими цвѣтами; кабаковъ безчисленное множество. Наконецъ тарантасъ въѣзжаетъ въ

Москву. Потянулись богатые дома Замоскворѣчья, Ордынки, Солодовки. Ваши попутчики-кушцы, принимаются собирать свои узелки, приготавливаясь выдѣзти вонъ.

— Вы, господа, спрашиваетъ ямщикъ, гдѣ остановитесь? Въ Кокоревскомъ али?..

— Нѣтъ, куда намъ!... отвѣчаютъ попутчики.

— Тамъ тоже номера въ тридцать копѣекъ есть! продолжаетъ ямщикъ.

— Нѣтъ... Ну ихъ!.. Мы въ Елецкое... Вы ба-тюшка куда?

— Мы на Курскомъ подворьѣ останавливаемся изъ-поконъ вѣка...

— Эхъ, кушцы! говоритъ ямщикъ. Охота вамъ меня мучить, путаетесь по Москвѣ... Стали бы у Кокорева, и дешево, и близко, и порядокъ...

— Нѣтъ, дружокъ, Богъ съ нимъ... Мы, тутъ на Елецкомъ-то, болѣ пятнадцати годовъ останавливаемся...

Ямщикъ, изъ боязни не получить на водку, неперечить кушцамъ-проѣзжающимъ, и съ Чугуннаго моста поворачиваетъ на-право, на Елецкое подворье, оттуда на Курское, съ Курскаго на Тульское и т. д., смотря по мѣсту родины господъ проѣзжающихъ. Во всемъ этомъ читатель не видѣлъ бы хозяйничанья Москвы, если-бы я не объявилъ ему, что всѣ эти курскія и елецкія подворья до такой степени неудобны, до того отвратительно-

грязны, что жить здѣсь, или даже ночевать — возможно только по необходимости, изъ страха наказанія Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, превосходное подворье Кокорева до сихъ поръ чуждо купеческому сословію, которое по прежнему не покидаетъ свои, давно знакомыя, подворья. Здѣсь все дѣлается по знакомству, за-панибрата и ради этого панибратства, проѣзжающій терпитъ множество неудобствъ.

— Гдѣ-бы, другъ, говоритъ проѣзжающій, попавшій на знакомое Курское подворье,—гдѣ-бы номерочка?...

— Сію минуту-съ, сію минуту-съ, батюшка Радивонъ Иванычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались... восторженно восклицаетъ корридорный. Я, признаться, все васъ поминаль... Ей-ей-съ!... Гдѣ-жъ это ключъ-то? Никакъ я его тутъ на окнѣ оставилъ... Иванъ! не видалъ-ли ключа?...

— Я почему знаю... отвѣчаетъ Иванъ.

— Что за чудо!... Да вы, Радивонъ Иванычъ, ужъ будьте столь добры, положьте чемоданъ-то тутъ въ корридоръ... я пока ключа поищу...

Радивонъ Иванычъ укладываетъ узлы и подушки на полу, и безъ ропота принимается ждать, а корридорный упражняется въ отыскиваніи ключа: онъ заглядываетъ подъ столъ, въ печку, запускаетъ руку въ вьюшкѣмъ, шаритъ повсюду, по минутно говоритъ: «Что за чудо?» ругается съ кѣмъ-то на дворѣ.

Проѣзжающій все ждетъ.

Поиски эти могутъ продолжаться столько, сколько того потребуеть отдаленное мѣсто-пребываніе ключа. Въ утѣху проѣзжающему, корридорный за то отворить ему тотъ самый номеръ, въ которомъ этотъ проѣзжающій останавливался ровно годъ тому назадъ.

Точно съ такими же удобствами, по нѣскольку часовъ, приходится ждать самовара и т. п. Но, повторяю, все это дѣлается по знакомству и поэтому все сходитъ съ рукъ.

—

По пріѣздѣ въ Москву, прежде всего предстоитъ вытерпѣть муку, отыскивая какого-нибудь знакомаго. Кривыя, перепутанныя и перерѣзанныя безчисленными переулками улицы, самыя названія этихъ улицъ, иногда совершенно одинаковыя въ разныхъ концахъ Москвы—все это причинитъ не мало мученій, даже въ самомъ центрѣ города. Но упаси Богъ, если тѣ же самыя рѣзыски по адресу придется дѣлать гдѣ-нибудь на Плющихѣ, на Козихѣ и т. д. Тутъ ужъ просто и ума не приложишь, какъ быть.

Въ прежнее время, для того, чтобы въ подобныхъ мѣстностяхъ отыскать знакомаго, непременно нужно было знать его кличку; съ этимъ

познаіемъ стоило только спросить у перваго лавочника.

— Гдѣ тутъ Иванъ Петровичъ *храмой* живетъ? (или кривой, или рыжій, — какъ угодно.)

И вамъ тотчасъ же скажутъ:

— Пожалуйте, за уголь на-лѣво, третій домъ на правой рукѣ..

Но, съ теченіемъ времени, началіи и въ Москвѣ сажать на домахъ номера. Въ закоулкахъ это произвело невѣроятныя вещи: одинъ домъ былъ съ номеромъ, три безъ номера, наконецъ были и такіе, у которыхъ никакъ не разглядишь гдѣ прибитъ номеръ? Въ эту пору розыски по адресу были сопряжены съ удивительными трудностями.

— Гдѣ здѣсь, другъ любезный, 17-ый №? спрашивали, напримѣръ, лавочника.

— А, ужъ ей Богу и не могу вамъ этого сказать... разставляя въ недоумѣніи руки,—отвѣчалъ онъ.

Приходилось идти въ другое, въ третье мѣсто и вездѣ то же недоумѣніе. Нужно было ждать счастливаго случая...

Однако, мало-по-малу, такая безурядица окрасилась обще-московскимъ колоритомъ, и для человѣка знающаго розыски не представляютъ никакихъ трудностей; для этого стоитъ только обѣ крайности—то есть клички и номера, соединить въ одно.

— Гдѣ здѣсь 17-ый №?

— Это рыжій?

— Да.

— На лѣво-съ...

Но, еще разъ, для человѣка неопытнаго, адресъ въ Москвѣ — вещь непреоборимая.

Не могу не сказать двухъ словъ объ экономическихъ условіяхъ московской жизни. Всѣ они могутъ сводиться къ слѣдующему: Тотъ, кто не имѣетъ возможности «кутить» въ Москвѣ, тотъ, кто не имѣетъ возможности завести все свое—не имѣетъ никакихъ правъ на жизнь удобную, умѣренную, точно такую, какою живетъ почти весь Петербургъ. Вамъ нужна комната — есть комнаты въ 3 руб., въ 6, въ 8 — но дешевизна этихъ комнатъ говоритъ уже объ ихъ неудобствахъ, которыя въ дѣйствительности такъ велики, что и эта ничтожная плата за нихъ можетъ быть названа безбожною. Вы хотите такую комнату, каковую въ Петербургѣ можно имѣть за 15 руб., — такихъ нѣтъ, — а есть въ 50 руб., въ 100 (въ послѣднсе только время устроено очень много дешевыхъ и хорошихъ квартиръ). Точно такого-же свойства крайности и во всемъ другомъ; извощикъ — или гитара, которая везетъ васъ за гривенникъ 10 верстъ, но на которой невозможно сидѣть, по

причинѣ неудобства экипажа,—или лихачъ, который за четверть версты беретъ два цѣлковыхъ. На чемъ-же ѣздятъ москвичи? На своихъ, свои экипажи и лошади. Гитары предоставляются нищета, лихачи—блудящему населенію и наплывающему со всѣхъ концовъ ухарству. Та же самая исторія во всемъ. Обѣдъ—или въ 15 коп., или въ 3 цѣлковыхъ; въ 50, въ 75 коп. не отыщете... ит. д. Словомъ, въ Москвѣ нужно имѣть все свое, чтобы жить умеренно, на тѣ средства, которыя въ Петербургѣ дають жизнь вполне достаточную.

II.

ПЕРВАЯ КВАРТИРА.

1.

... Претерпѣвъ множество неприятныхъ и комическихкихъ столкновѣній, неизбежныхъ для провинціала, впервые попавшаго въ такой запутанный городъ, какъ Москва, — я наконецъ нашелъ себѣ маленькую работу и отыскалъ столь же маленькую, какъ и работа моя, комнату. Между множествомъ разнаго рода неряшливыхъ и отвратительныхъ съемщицъ, которыхъ удавалось видѣть мнѣ во время поисковъ квартиры, Марья Петровна, теперешняя моя хозяйка, могла смѣло первенствовать; въ пользу ея опрятности говорило, во-первыхъ то, что она считала себя *мадамой*, то есть содержательницей бѣлошвейной мастерской; во-вторыхъ то, что она была чиновницей, супругой театральнаго чиновника; въ третьихъ—она была молода, и наконецъ въ четвертыхъ, — водила знакомства съ благородными мужчинами... О чемъ мы впоследствии постараемся узнать съ большими подробностями.

Всѣ эти качества, неизвѣстныя мнѣ въ первый моментъ посѣщенія ея квартиры, — не имѣли однакоже той чарующей силы, которая бы могла уничтожить во мнѣ отвращеніе, возбужденное ея

фигурой. Это была еще молодая, но истрещанная личность, съ матеженами на физиономіи, съ рѣдкими облѣзлыми волосами; я ее засталъ въ самомъ растерзанномъ утреннемъ костюмѣ, и тѣмъ ввелъ въ неописанный ужасъ; желая поправить, очевидно невыгодное, впечатлѣніе, произведенное ею на меня, она старалась прикинуться наивною дѣвочкою,—улыбалась ангельскимъ образомъ, куталась въ изодранную блузу, и не упустила при этомъ случаѣ распахнуться и пощеголять тощими прелестями собственныхъ плечъ, рукъ и т. д. Любезность ея была изумительна, грація неподдѣльна; испуганный этими качествами «мамамы», я быть можетъ снова пустился бы на поиски другой квартиры, но комнатка, которую показала она, понравилась мнѣ, была недорога, удобна, и притомъ же, тотъ домъ, гдѣ работалъ я, былъ отсюда недалеко. Я остался...

Комнатка эта находилась на антресоляхъ; здѣсь же помѣщалась мастерская, биткомъ набитая швейцами,—и въ то время, когда хозяйка показывала мнѣ комнату, молодыя лица ихъ, съ особеннымъ вниманіемъ и улыбками разсматривали, въ полуотворенную дверь, новаго жильца.

Жилецъ былъ радъ такому сосѣдству, потому что любилъ деревенскія пѣсни, а здѣсь надѣялся услышать ихъ въ изобиліи, ради чего, въ тотъ же вечеръ и перебрался на московскую квартиру.

Окончивъ работу, я въ тотъ же вечеръ сидѣлъ въ своей комнаткѣ на подоконникѣ: окна были какія-то маленькія, квадратныя, лѣпились почти около пола, какъ обыкновенно бывають окна на антресоляхъ, и поэтому, для того, чтобы увидѣть хоть клочекъ неба, необходимо было садиться на подоконникъ.

Стоялъ душливый лѣтній вечеръ. Кусочекъ неба, который выглядывалъ изъ-за крышъ огромныхъ домовъ, былъ какого-то отвратительно - желтаго пѣвта; московская пыль тучей стояла надъ городомъ и застилала небо. Изъ переулка и съ улицы доносился трескъ колесъ. На дворѣ кто-то пѣлъ... Я высунулъ голову въ окно; на корридорѣ нашей квартиры, угломъ, поворочивавшимъ отъ кухни, на растворенномъ окнѣ, сидѣли всѣ швеи госпожи Поляковой, моей хозяйки, и вели разговоры... Замѣтивъ меня, они замолкли, но черезъ нѣсколько времени разговоры начались снова, только немного тише...

— Я-бъ ему за это показала! храбро говорилъ молодой голосъ... Барскіе помои!... Ежели-бъ онъ такъ со мной, какъ съ Дуняшей...

— Молчи! перервалъ шопотомъ другой голосъ, по всей вѣроятности голосъ Дуняши...

— Слестеха этакой! Селедочникъ! продолжала первая...

— Погоди, попадешься и ты! замѣтила кухарка, что я узналъ по грубому голосу, который слышалъ утромъ.

— Я-то?

— Ты и есть...

— Ну, это вотъ! Видишь вотъ это? Это вотъ на-ко...

— Ладно!... Твой вѣкъ, Татьяна, не очень-то тоже дологъ, продолжала кухарка... Будь ты въ этомъ покойна; и даже такъ, что совсѣмъ твой вѣкъ коротокъ... Татьяна захрабрилась пуще прежняго. Она просыпала въ отвѣтъ такое множество словъ, и притомъ такъ скоро, что я ровно ничего не могъ слышать хорошенько: изъ храбраго тона ея голоса я, впрочемъ, могъ смѣло заключить, что Татьяна твердо вѣритъ въ свой долгій вѣкъ. Храбрыя рѣчи свои она закончила какимъ-то отрывистымъ смѣхомъ, тотчасъ же звонко затянула какую-то пѣсню и вдругъ бросилась за кѣмъ-то по корридорю—догонять. Черезъ минуту слышно было, какъ бѣгущіе строчили по лѣстницѣ. Они вылетѣли на дворъ и принялись ловить другъ друга, оглашая внутренность двора звонкимъ смѣхомъ.

На окнѣ, въ корридорѣ, остались Дуняша и кухарка Акулина; онѣ долго молчали, Акулина почесывала голову, зѣвала и неизвѣстно у кого спрашивала «который-то, теперича, часъ?» Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, удовлетворяя собственному любопытству,—такъ же сонно отвѣчала себѣ:

— Теперь надо быть часъ девятый!

И успокоивалась.

Дуняша вздыхала, но вздыхала такъ, что рѣшительно не было возможности сдѣлать какую-нибудь связь между этимъ вздохомъ и тѣмъ проступкомъ противъ нее *кого-то*, про который упомянула Татьяна: что-то вялое, неопредѣленное слышалось въ ея вздохѣ...

— Поди, кильцу-то самоваръ пора, лѣниво заговорила Акулина.

— Ты понесешь? спросила Дуняша...

— Да хучь и ты... неси!...

— Семъ я! кто такой? Скубентъ какой-нибудь?...

— Куды-то ходить... Говорить отсюда близко... Богъ его знаетъ!

— Мы, Акулинѣшка, вяло говорила Дуняша, — мы вмѣстѣ самоваръ-то понесемъ.

— Нукштожь!... Кто его знаетъ! Сразу человѣка не распознаешь... Чужой человѣкъ, — кто онъ? Богъ его знаетъ...

Кухарка и Дуняша зѣвали и почесывались... Дуняша попрежнему вздыхала какимъ-то звонкимъ вздохомъ...

— Котораго человѣка и знаешь, да и то надумаешься...

— И-и ка-акъ!

— То-то и есть... Вотъ Андрюшка твой...

— Выжига! перебила Дуняша...

— Выжига! А былъ небось не выжига!.. Кажется не одинъ день знала, а когда вполнѣ оказался... то-то и есть!.. Понесемъ самоваръ-то... О-охъ батюшки, что-то меня мутитъ какъ... Бери... тьфу, Господи! то-бишь,—неси чашки-то! О-о-о...

Кухарка и Дуняша исчезли; исчезли, впрочемъ, очень медленно; Дуняша, поднимаясь съ подоконника, не упустила случая вздохнуть...

Я сталъ ждать посѣщенія двухъ дамъ, съ которыми еще не имѣлъ счастья познакомиться... Сидя, попрежнему, на подоконникѣ, я слышалъ какъ въ кухнѣ, находившейся подъ моими ногами, постоянно хлопала дверь и швей толпами возвращались сюда изъ корридора; они разговаривали, звонко смѣялись, затягивали пѣсни... Въ промежуткахъ этихъ разговоровъ и смѣха слышался грубый голосъ Акулины, раздававшійся всякій разъ, какъ только труба самоварная грохалась объ землю, чему въ особенности способствовала непрерывная бѣготня посѣтительницъ. Въ отвѣтъ на суровыя предостереженія Акулины, раздавался смѣхъ, еще болѣе громкій и дружный, снова затягивалась пѣсня и все шло по старому... Должно быть, благодаря этому смѣху, и постоянно обрушивавшейся трубѣ, самоваръ прибылъ ко мнѣ очень поздно, — но за то, вмѣсто двухъ дамъ, которыхъ я ожидалъ, къ моимъ дверямъ подвалила цѣлая ватага.

Посѣщеніе это я впрочемъ предвидѣлъ, потому

что по говору и шлепанью по лѣстницѣ ногъ, — чувалъ, что грядетъ сила несмѣтная; среди задавленнаго, затаеннаго шопота и смѣха, слышалось звяканье чашекъ, звѣрское шишѣнье самовара, и голосъ Акулины, усовѣщивавшей кого-то нести свѣчу на виду. Затаенная тишина, приближавшейся толпы, перерывалась чьимъ-нибудь ударомъ по платью, звонкимъ смѣхомъ и паденіемъ съ лѣстницы. Наконецъ все затихло передъ моими дверями...

— Фу, батюшки! слышался вздохъ Акулины! Танька! отвори дверь... отвори что-ль...

Никто, почему-то, не исполнялъ ея приказаній. Слышалось фырганье.

— Дуняша, отвори ты!

Но и Дуняша, не отворяла.

— У-у, безстыжія! зарычала Акулина, толкая дверь ногою, — нашли мѣсто хихикать... О, Господи... отворите, сдѣлайте милость, обратилась Акулина, повидимому ко мнѣ, потому что говорила особенно ласково и звонко. Я исполнилъ съ удовольствіемъ ея просьбу, потому что и самъ сдѣлалъ бы это съ перваго слова Акулины, обращеннаго къ своимъ спутницамъ насчетъ двери, еслибы не казалось мнѣ, что дверь отворится сію минуту; кромѣ того, я рѣшительно не зналъ, почему они не хотятъ отворить.

— Покорнѣйше благодарю-сь! возгласила Акулина, появляясь въ комнату съ самоваромъ.

— Сдѣлайте милость, ужъ извините... Обезпокоились... Наши дѣвки—дуры... Испугались...

— Чего же?..

— Да вѣдь нѣшто они понимаютъ!... Ну, жилецъ, новый... Богъ его знаетъ?.. И бояться!

Акулина помѣстилась у притолки и очевидно жсала со мною покороче познакомиться...

— У насъ вамъ будетъ покойно, заговорила она... тихо. У насъ тихо... Шуму этого, гаму нѣтъ... Пѣсни иной разъ дѣвки запоютъ, — это развѣ? Да и то запретесь—не слышать.

Я возился около самовара, внимательно слушая Акулину... Между тѣмъ дверь начала пріотворяться; явились двѣ-три фізіономіи слушательницъ...

— Эта комнатка у насъ счастлива, — продолжала Акулина... Не пустуетъ. Любятъ... У насъ покойно... Потому у насъ тихо и никогда чтобы чегонибудь... Все больше чиновники живутъ... Скубенты случается... Ну, рѣдко. Все чиновники больше... Вы какіе будете?..

Я сказалъ, что служу.

— А-а-а... Чиновники! такъ — такъ... Вотъ у насъ жилъ чиновникъ тоже... Кузмичовъ... Не знаете?

— Нѣтъ, не знаю...

— Ихъ вѣдь много, не узнаешь всѣхъ-то...

Дверь отворилась совсѣмъ почти; слушатели тѣснились у стѣны, въ темнотѣ...

— А то, оживляясь заговорила Акулина,—быль у насъ одинъ жилецъ,—такъ это ужъ только одно удивленіе что за жилецъ такой!... Въ первый разъ въ жизни я такого и видѣла... Сумасшечій что-ли онъ, или ужъ Богъ его знаетъ какой такой! Чиновникъ...

— Онъ не служилъ... слышалось изъ темноты...

— Отставной-съ... За это сумашествіе его, надо быть, и отставили... И что только онъ дѣлалъ! Бывало всѣ животики надорвешь!.. Иной разъ, слышь, зоветь меня... Придешь къ нему, а онъ, Акулинушка, говорить, — есть у меня хвостъ? — «Да и какой еще большой, говорю!».. Просто смѣхи-— смѣхи неописанные...

Въ темнотѣ громко смѣялись...

— А рыбу-то? подсказалъ кто-то оттуда...

— Да мало-ли! отозвалась Акулина... Хоть это примѣрно рыба... Уморушка да и только! Прибѣгаетъ въ кухню:—«Акулинушка! Акулинушка! Что я тебѣ покажу! Пойдемъ!» Думаю: Господи Иисусе Христе! Что такое? Какая-нибудь еще выдумка... Иду. Прихожу. Виситъ вотъ на этомъ самомъ окнѣ клѣтка, а въ клѣткѣ рыба... Издохлая должно быть рыба-то— глазищи выпучила...—«Это еще что-жъ такое, говорю?...»—«Птица, говорить... Неужто не видать?»—Какъ не видать, теперь разглядѣла... И какая, говорю, пріятная у васъ Осдоръ Петровичъ

птица... «Шишш!» грозитъ пальцемъ: «молчи!» За-
молчала я. И онъ молчитъ и палецъ около уха
держитъ... Прислушивается... Помираю со смѣху.
Молчу...—«Слышишь?» говорить. — Что такое?—
«Поеть... Слышишь! слышишь!»—Слышу-сь! Какая
говорю, у васъ Федоръ Петровичъ, предубопытная
птичка... Какая такая? Откуда вы ее...— «А это
говорить...» Какъ онъ ее, забыла совсѣмъ, назвалъ-
то.. ахъ ты...

— Сирень! крикнули изъ тьмы.

— Такъ! такъ! Сириновая, говорить, птица...
Такъ я и померла со смѣху!

— Это Солошинъ женихъ! раздалось робко въ
темнотѣ.

— Что такое Солошинъ? Еще что?

— Обнаковенно твой! полно отпираться-то!...

Ишь!..

— Стыдно!

— Хе-хе-хе! засмѣялась Авдотья... Шутятъ!...

— Онъ ей, продолжали въ темнотѣ, — ковригу
хлѣба въ имянины подарилъ.

— И чемоданъ!

— Ври!

— Ты-то не ври!.. Ты больше знаешь!

— Кому звать, какъ не тебѣ... А вотъ я сейчасъ
про Андрю...

Очевидно было что кому-то зажали ротъ на
полсловѣ...

Бесѣда въ подобномъ родѣ тянулась долго и знакомство наше быстро подвигалось впередъ. Разговоры въ темнотѣ, къ концу визита Акулины, шли во всеуслышаніе, хоть разговаривающіе еще не рѣшились показать своихъ фізіономій.

Акулина долго рассказывала про своихъ жильцовъ. Когда запасъ матерьяла, съ которымъ она считала нужнымъ меня познакомить, истощался, она снова, для округленія бесѣды, свела рѣчь на теплоту и всякія удобства квартиры, очень обстоятельно объяснила, какимъ образомъ нужно кликать ее, Акулину если понадобится что-нибудь, или когда нужно въ лавочку послать. Все это она вызывалась сдѣлать съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А за сапоги, заключила она, выступая на лѣстницу,—за сапоги, когда почистить случится—тамъ ужъ какъ-нибудь... Что пожалуете... Приятнаго сна вамъ... Покойной ночи!

Мы разстались...

3.

Дальнѣйшее знакомство мое съ хозяевами и другими сожителами, продолжалось не въ такой уже степени быстро, какъ въ первый день переезда. Большею частію я дома не бывалъ, забѣгая только на минутку, чтобы выкурить папиросу, отдохнуть и полежать. Этими короткими минутами и ограничи-

вались всё мои отношенія къ сосѣдямъ и хозяйкѣ. Хозяинъ и хозяйка были люди примѣрные во всѣхъ отношеніяхъ: смотря на нихъ, какъ на мужа и жену «изъ московской жизни» я естественно не могъ себѣ представить, чтобы между ними были хоть сколько нибудь добропорядочныя отношенія. Я ждалъ рычанья и стычекъ ежеминутно... Каково же было мое удивленіе, когда ни рычанья, ни стычекъ даже хоть бы словесныхъ, ничего этого и въ поминѣ не было. Обстоятельство было тѣмъ удивительнѣе, что, для упомянутыхъ стычекъ, у хозяевъ моихъ были весьма основательные поводы.

Въ благоустроенныхъ семействахъ, стычки и иногда драка, происходятъ единственно изъ одной скуки, объюродѣнія и ужъ безъ всякихъ поводовъ. Здѣсь поводы эти, повторяю, были весьма и весьма обстоятельные, и мужъ и жена имѣли на сторонѣ множество исторій, неприличныхъ званію супруговъ: сальная и постоянно заспанная фізіономія супруга, позднія возвращенія домой, преимущественно не въ весьма полномъ разсудкѣ, говорили очевидно противъ него. Съ своей стороны, отъ подвиговъ главы не отставала и супруга. Поднималась она обыкновенно часовъ въ двѣнадцать и принималась за туалетъ: за моей стѣной шло хлясканье воды; въ то же время Марья Петровна не упускала случая показать, что она *мадамъ*, громко, какъ можетъ кричать разозленная баба, кричала на мастерицъ

и иногда вылетала изъ своей комнаты въ мастерскую, давала пощечину кому слѣдуетъ, и снова возвращалась къ туалету. Часто за моими дверями слышался робкій плачь. Удары и пощечины приходились преимущественно на долю двѣнадцати-лѣтней дѣвочки Анѣ, — которая была еще ученица, слѣдовательно, по одному уже принципу Марьи Петровны требовала пощечинъ. Ради этого Аня всегда ходила съ опухшей щекой или губой, красными глазами и лицомъ, измазаннымъ черными засохшими потоками слезъ.

— Тебя бьетъ она? спрашивалъ я Аню...

— Чертовка! отвѣчала она шопотомъ, утирая носъ, мокрый отъ слезъ...

— За что она тебя бьетъ? допытывался я.

— Чертовка этакая... твердила Аня.

Такъ я никогда и немогъ допытаться: за что ее бьютъ. Если я съ тѣмъ же вопросомъ обращался къ мастерицѣ, то получалъ отвѣтъ:

— За дѣло!..

— Что же она такое дѣлаетъ, что ее каждый день колотятъ?...

— Ничего! говорила мастерица, словно и неслышавшая моего вопроса... насъ тоже били! Это еще не битые!

— Это что! подтверждали другіе...

— Вонъ поди ко у Капитоники, на Тверской!
А это что!...

— Не сахарная! Оно лучше...

Этимъ заканчивались всѣ мои свѣдѣнія насчетъ причины битья. Закативъ Анѣ соотвѣтственную своему званію, затрецину,—Марья Петровна снова принималась за туалетъ, и пообѣдавъ какой-нибудь дрянью (ѣли они всѣ ужасную дрянь, такъ какъ всѣ вырученныя за работу деньги, хозяйка проигрывала въ карты),—и такъ, пообѣдавъ, Марья Петровна отправлялась въ гости къ купчихѣ Секундовой, у которой она и оставалась часовъ до трехъ ночи. Г-жа Секундова была вдова, состоятельная женщина, значительно закутившая на старости лѣтъ. У ней собирались ухарскіе офицеры, шла игра въ карты и время проводилось очень весело; между дамами, шатавшимися сюда, иногда, изъ-за ревности, происходили драки...

Такимъ образомъ мужъ моталъ и транжирилъ свои деньги, Марья Петровна — свои: встрѣчаясь другъ съ другомъ, они перекидывались двумя-тремя словами въ родѣ, напр. который часъ? или, сегодня кажется четвергъ, — и исчезали каждый по своему благоусмотрѣнію. Они такъ отвыкли отъ семейной жизни, что единственнаго своего ребенка отдали куда-то на воспитаніе, и по полугоду не видали его въ глаза.

Всѣ обязанности по хозяйству лежали, такимъ образомъ, на Акулинѣ, которая и была дѣйствительною хозяйкою: она варила мастерицамъ обѣдъ,

мыла полы, присматривала и прикрикивала на кого слѣдуетъ, и въ промежуткахъ неустанно кляла Марью Петровну, какъ мотовку, потаскуху и какъ нищую. Причиною этого неудовольствія Акулины на хозяйку — былъ неплатежъ денегъ и нежеланіе хоть что-нибудь прикинуть къ двугривенному, котораго оставляла она на прокормленіе всей своей огромной семьи швей. Вообще, Марья Петровна не любила платить долговъ и съ обычною своею граціею, о которой я уже упомянулъ, отвиливала болѣе полугода отъ хозяина, которому должна была за квартиру, по крайней мѣрѣ мѣсяцевъ за шесть или за семь. Когда являлся управляющій съ требованіемъ уплаты долга, Марья Петровна очаровывала его своимъ respectableмъ обхожденіемъ; управляющій—еще очень молодой человекъ—таялъ отъ этого обхожденія и съ удовольствіемъ рѣшался ждать будущей недѣли, но и черезъ недѣлю онъ по прежнему не дожидался ничего, кромѣ тѣхъ же восхитительныхъ ласкъ моей хозяйки. У супруговъ, такимъ образомъ, не было копеечки денегъ, — и Акулина справедливо кляла ихъ за это. Кромѣ попеченій о хозяйствѣ и о порядкѣ, Акулина была единственнымъ существомъ, къ которому всѣ швей обращались съ вопросами и отъ котораго получали всѣ свѣдѣнія о жизни. Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ швей, Акулина оказывала для нихъ, кромѣ того, услуги другаго рода... но, объ этомъ послѣ...

Тотчасъ по удаленіи хозяйки, мастерицы и ученицы, сидѣвшія за работой часовъ съ шести утра, опроретью бросились въ кухню, хохотали, — и въ эту пору иногда забѣгали ко мнѣ, чтобы прибрать комнату, принести воды и проч. и проч. Эти маленькія работы онѣ исполняли съ особеннымъ удовольствіемъ: тутъ у насъ шли разговоры, рассказы. До полной откровенности со стороны моихъ сосѣдокъ, — я дошелъ нескоро. Въ первое время онѣ были со мной очень конфузливы: не то боялись меня, не то подсмѣивались надо мной, какъ мнѣ казалось. Съ большою вѣроятностью, эту неподатливость ихъ на самыя простыя отношенія между нами, я могу объяснить тѣмъ, что всѣ онѣ предполагали во мнѣ наклонности къ атакѣ ихъ сердцецъ. Но мнѣ было не до атакъ; у меня столько было хлопотъ съ самимъ собою, что я рѣшительно не могъ интересоваться чѣмъ-нибудь постороннимъ. Послѣ довольно значительнаго промежутка «привыканья» другъ къ другу, мое независимое и вовсе «не жильцовское» поведеніе съ ними, расположило ихъ ко мнѣ, и въ послѣднее время я пользовался ихъ полною откровенностью... Такія отношенія дали мнѣ возможность познакомиться съ ихъ житьемъ-бытьемъ, которымъ я теперь исключительно и займусь.

Изъ довольно большаго кружка моихъ сосѣдокъ, я обращаю вниманіе читателя, преимущественно

только на три личности. Первое мѣсто между ними занимала та самая Татьяна, которая въ первый вечеръ моего пребыванія на квартирѣ, такъ крѣпко стояла за свой долгій вѣкъ; это была очень молодая, коренастая дѣвушка, бойкая, пѣвунья и разбитная; я не могъ примѣтить въ ней только одного качества, которымъ она должна бы обладать въ совершенствѣ,—смѣха: она и пѣла, и подтрунивала, и рѣзвилась какъ-то живо, проворно,—но серьезно, строго. Обязанности свои она исполняла исправно, то есть аккуратно отработывала заданный хозяйкой урокъ и потомъ ужъ принималась за пѣсни... Несимѣя за душой никакихъ «проковокъ» и продѣлокъ, она, какъ мнѣ казалось, не безъ гордости смотрѣла на своихъ подругъ. По всему было видно, что она очень свято хранила деревенскіе завѣты и увѣщанія. Видно было, что въ воображеніи ея еще слишкомъ ярко стоялъ образъ матери, которая такъ горько болѣла о предстоящей жизни своей дочери въ Москвѣ, и давала деревенскіе совѣты, на счетъ того, какъ «остерегаться. .» Вопросъ насчетъ этого сильно засѣлъ въ голову Татьяны, и сильно занималъ ее. Въ дни моего пребыванія жильцомъ Марьи Петровны, — Татьяна вся была поглощена недавнею исторіею Дуняши, и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась вернуть объ этой исторіи слово: примѣръ Дуняши и сознаніе собственныхъ силъ еще болѣе

укрѣпляли Татьяну насчетъ ея долгаго вѣка. Совсѣмъ не такого свойства была Дуняша; собой она была не дурна — въ русскомъ вкусѣ: полна, слишкомъ бѣла и слишкомъ румяна. Глаза маленькіе, голубые, съ какимъ-то кислымъ выраженіемъ; походка—всей ступней, разговоръ тягучій. Вообще въ ней была замѣтна какая-то вялость, какая-то неопредѣленная тоска...

Заходя иногда ко мнѣ, она или конфузилась при самыхъ невинныхъ моихъ вопросахъ, или неожиданно рассказывала всю подноготную своего недавняго романа, и въ то же время видимо удивлялась: что это она такое дѣлаетъ? При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ней, я могъ вполне убѣдиться, что это одна изъ числа того огромнаго класса русскихъ женскихъ натуръ, которыя рѣшительно не знаютъ, какъ собой распорядиться, если ихъ судьбою не завѣдуютъ родители и вообще люди, власть надъ ними имѣющіе. Такія русскія женщины безъ особеннаго ропота идутъ за людей, которые имъ положительно не нравятся, и, странное дѣло, — сознаніе собственнаго несчастія быть всю жизнь за нелюбимымъ мужемъ, — иногда бываетъ для такихъ женщинъ вещью, весьма спасительною, единственнымъ интересомъ жизни... Свободой такія женщины распорядиться не могутъ, не умѣютъ, да и не знаютъ, что такое свобода.

У Дуняши была мать, — но не въ Москвѣ, а въ

деревнѣ и притомъ такъ далеко, что видѣлись онѣ одниъ разъ въ два года; слѣдовательно, Дуняша была почти свободна: принадлежа къ сорту тѣхъ женщинъ, о которыхъ я только что упомянулъ,— она не могла ни любить, ни ненавидѣть глубоко,— потому что она умѣла только чувствовать, но не умѣла понимать... Отсутствие матери, мало-по-малу выхолодило въ ея сердцѣ страхъ къ угрозамъ, которыя та сулила ей *въ случаѣ, ежели...* Между тѣмъ подошли лѣта... Дуняша чувствовала, что ей пора замужъ; ей хотѣлось какой-нибудь перемѣны въ жизни. Все работа, да работа (хоть и не утомительная) ей надоѣла... И тутъ-то неожиданно случился романъ. Напичканный разными исторіями и о «паденіи» и неизбѣжной съ этимъ паденіемъ — борьбѣ—я, почему-то,—слушая исторію Дуняши, всѣми мѣрами добивался и хотѣлъ разузнать что-нибудь объ этой борьбѣ. Паденіе и притомъ окончательное я чуялъ, и впоследствии предчувствія мои оказались справедливыми вполне. Но теперь-то я допытывался отъ ея исторіи необходимыхъ мнѣ причинъ.

— Что же ты, спрашивалъ я у нее,—очень любила его?

— Любила... вяло произносила она въ отвѣтъ.

— И вовсе даже ты его ни чуточки не любила, вставляла Татьяна...

— Ну, ври...

— Да ей-Богу!

— Не любила! обидчиво вскрикивала Дуняша...
Что жь я изъ корысти что-ли.

— Да и не изъ корысти...

— Тьфу! прости Господи! сердилась Дуняша, аль я бѣшаная?

— И не бѣшаная?

— Ну да какъ же это?

Дуняша краснѣла...

— А Господь тебя знаетъ!.. Шутъ васъ разбереть...

— Это точно, вмѣшивалась обыкновенно Акулина... этого не разберешь... Наша сестра тѣмъ несчастна, что не знаетъ, когда потеряетъ, а когда найдетъ...—Этого не угадаешь... И съ Авдотьей вотъ тоже самое... Такъ вотъ тррр, тррр, колесомъ!..

И Акулина завертѣла руками, желая, повидимому, изобразить колесо...

— Будетъ вамъ, ради Бога! И все-то это неправда! говорила жалобно Дуняша.

— Какъ-же это такъ, неправда-то? Это же какими такими судьбами? возразила Акулина. Ну диви-бы онъ ужъ былъ красавчикъ какой, афицерикъ или что-нибудь... А т-то, — дѣлая отвратительную рожу и говоря какимъ-то отвратительнѣйшимъ голосомъ, продолжала она, — а т-то, — лакей, спичка, выжига пробаленая, уродъ...

— Уродъ? съ ужасомъ перебилъ я...

— Уродъ-сь! То есть вотъ вполнѣ вамъ объяснить—рожа... Картавить, ободранный... Ухо болить... Изъ уха у него льетъ что-то... Тьфу!... Даже противно! Ну и гдѣ-же ты его любила?

— Обыкновенно любила! крайне робко говорила Дуняша и видимо старалась понять, — какъ-же это такъ все случилось?

— И вѣдь изволите видѣть, продолжала Акулина, — скучаетъ-сь!.. И полагаетъ такъ будто-бы, по немъ-сь...

— По немъ... говорила Дуняша...

— Врешь!..

— Ань!..

— Врешь, говорю! перерывала Акулина съ сердцемъ... Врешь! просто у тебя дурь въ головѣ стоитъ... Вотъ!.. О—да Господи,—и не поймешь, что у нихъ тамъ въ головѣ-то... Сказано—дуры,— такъ и есть... Съ дуру ляпнетъ, — да потомъ — «люблю» вишь... Врунищи этакія! Вонъ Солоша (Соломонида) та по крайности прямо говоритъ мнѣ!..

— Такимъ образомъ, въ исторіи Дуняши, не было ни одного основательнаго повода, который бы могъ объяснить ея несчастье. Какъ-же это такъ? Погибнуть (Дуняша впоследствии погибла окончательно) безо всякихъ причинъ?

А вотъ какъ.

4.

Герой Дуняшина романа закончилъ послѣднюю главу его тѣмъ, что тихоничко отыскалъ другое мѣсто и переѣхалъ куда-то въ Грузины. Тайному побѣгу его способствовалъ дворникъ, хранившій тайну переселенія на другое мѣсто до тѣхъ поръ, пока переселеніе это не было устроено вполнѣ. Уладивъ это дѣло, дворникъ надѣлъ новую синюю чуйку, туго подвязалъ галстухъ, примазалъ саломъ бѣлобрысые волосы, даже кажется, смазалъ этимъ же саломъ встать и всю фізіономію и отправился въ мастерскую Марьи Петровны.

— Хозяйка дома? вѣжливо спросилъ онъ.

— Куда залѣзъ, закричали на него дѣвушки... Убирайся... Мужланъ!...

— Будьте такъ добры! вѣжливо говорилъ дворникъ. Что такое? Марья Петровна у сибѣ?

— Нѣту! Ступай!...

— А мнѣ-бы надо было. Дѣло есть.

— Ступай, ступай. Нечего проѣдаться...

— Я пойду... А Андрюшка-то (герой),— того... сбѣжалъ...

Дуняша ахнула и обмерла.

— Сталъ на мѣсто, не сказался гдѣ. Этакой падлецъ, продолжалъ дворникъ: какъ онъ про васъ, Дуничка, отзывался...

— Какъ? спрашивала плакавшая Дуня.

— Безобразно-съ! Ругаль, ругаль!... Ужь онъ васъ такъ-то-ли... Даже словъ нѣтъ...

— Ахъ онъ! вскрикнула Дуня.

— Да-съ. И не сказался. Сталь на мѣсто невѣстно гдѣ... Падлецъ!

Дворникъ постарался какъ можно лучше раскрасить Андрюшку, и когда убѣдился, что вполне достигъ этого, — почтительно раскланялся и ушолъ.

Такой, по истинѣ лакейскій, пассажъ героя, въ первое время занялъ вниманіе всей бѣлошвейной. Не знала только хозяйка: она вообще рѣшительно ничего не знала, что дѣлается у нея въ домѣ.

Дуняша, слишкомъ неожиданно получившая оскорбленіе, въ первое время, какъ будто-бы измѣнилась: изъ вялой и кислой, она стала рѣшительнѣе...

— Я ему подлецу сдѣлаю! говорила она стуча кулакомъ объ кулакъ, — когда по вечерамъ выходили всѣ на корридоръ.

Такія восклицанія, нѣсколько недѣль кряду, я слышалъ изъ моего окна постоянно.

— Погоди онъ! грозилась Дуняша, какъ будто затѣвая месть, самаго отчаяннаго свойства. Всѣ интересовались, что такое она слышитъ: очевидно, что она ровно ничего не сдѣлала, — но закаялась, закаялась, — на смерть.

— Ни въ жизнь, никогда! говорила она совершенно искренно и горячо.

— Ну, это ты пустяки разговариваешь! присовокупляла Акулина. Ты это Авдотья, такъ надо сказать, — совсѣмъ таки пустыя слова говоришь...

— Пустыя? Нѣтъ, вотъ какъ, восклицала Дуняша. Ежели я... то не видать мнѣ матери никогда.

— Ты съума сошла видно? Что ты очумѣла? Развѣ это можно, чтобы?... А ну, какъ матери-то не увидишь?... а? Скажите на милость, — обращалась Акулина ко всей публикѣ, — совсѣмъ вѣдь дѣвка-то ошалѣла?... ахъ ты Господи!

Но Дуняша крѣпилась, и на этотъ разъ видимо боролась даже; она такъ страшно повлялась на счетъ этого *никогда*, а между тѣмъ по прежнему находилась въ тѣхъ же печальныхъ условіяхъ, которыя устроили ея первый романъ. Условія эти хорошо знакомы всякому рабочему человѣку и вообще всякому человѣку неразвитому.

Нужно съ особенною внимательностью изучить всю трудную жизнь рабочаго человѣка, чтобы понять, какъ неизбѣжны были для Дуняши тѣ вещи, отъ которыхъ она заклалась. Только рабочій человѣкъ можетъ объяснить вамъ, — почему онъ такъ скотски напивается въ минуту отдыха и проч. Изъ объясненія его вы увидите, что заливаніе черезъ край извѣстнаго напитка, — совершается *большою частію* вовсе не съ горя... Это вещь очень простая. Неразвитому, неученому ра-

бочему, — некуда дѣть своего отдыха. Послѣ трудовъ, по большей части слишкомъ однообразныхъ, утомленные, ошалѣлыя нервы, возвращенныя наконецъ собственному благоусмотрѣнію, неизбѣжно, настойчиво жаждутъ пріятнаго. Чѣмъ болѣе утомителенъ трудъ, чѣмъ болѣе онъ однообразенъ, тѣмъ болѣе и болѣе сильное требуется ощущение пріятнаго. Человѣкъ развитый встряхнетъ свои утомленные нервы — книгой, театромъ и пр., да наконецъ самый трудъ развитаго, образованнаго человѣка, не таковъ какъ у чернорабочаго. Рабочему же, необразованному человѣку, нервы котораго для своего успокоенія пользуются минутами, нужно ощущение наслажденія мгновенное, сразу исцѣляющее, самое сильное и самое одуряющее.

Совершенно контрастныя усиленному и непомѣрному труду, пустота и бездѣйствіе имѣютъ тѣже печальные результаты, какъ и усиленный трудъ. Человѣкъ, оторванный отъ интересовъ жизни, поставленный въ необходимость жить интересами, совершенно чуждыми ему, въ свободныя минуты не огражденъ отъ самой звѣрской тоски. Вспомните мелкихъ чиновниковъ: оплетенный кругомъ канцелярскими обязанностями принужденный думать исключительно только о нихъ, посмотрите, что онъ дѣлаетъ по вечерамъ дома, въ семьѣ, чѣмъ развлекается? Только немногіе изъ

чиновниковъ способны уклоняться отъ разнаго рода оргій и спокойно рассказывать семьѣ свои канцелярскія тайны. По большей части, каждый изъ нихъ непремѣнно урвется въ трактиръ и наѣшится до послѣдняго издыханія. Некуда дѣться, нечѣмъ интересоваться, нѣтъ любимаго лица, нѣтъ любимаго предмета, любимой мысли... Пустота, канцелярія и невѣжество.

Въ такомъ же точно положеніи была и Дуняша. Работа у ней была не утомительная, но слишкомъ простая, однообразная. За работой не думала она ни о чемъ, и тѣмъ менѣе было пища для ея ума во время отдыха. Въ такую пору швеи выходили обыкновенно на корридоръ и для развлеченія имѣли передъ собою слѣдующую привлекательную и разнообразную картину: пустой и вонючій дворъ, по которому изрѣдка двигались люди; прямо передъ глазами каменная высочайшая, глухая стѣна сосѣдняго дома. И на этотъ вонючій дворъ и глухую стѣну, — смотрѣли всѣ сосѣдки мои, не одинъ уже годъ... Все та же стѣна!.. Все тотъ же дворъ! Господи! Какъ при такомъ одурѣніи, которое непремѣнно должно было явиться отъ такого безчеловѣчнаго однообразія въ жизни, какъ, повторяю, при такомъ одурѣніи, не сдѣлать самой страшной глупости? Утомленіе, производимое однообразіемъ, здѣсь могло потягаться съ утомленіемъ отъ самаго звѣрскаго труда. И еслибы не рассказы Акулины,

думаль я, то почемъ знать, что бы было съ этимъ дѣвушками еще годъ тому назадъ? Матери и отцы ихъ были далеко. Да въ Москвѣ и некуда дѣтъ деревенской науки. Гдѣ же новая то? Московская?

Послѣ заклятія, которое Дуняша наложила на себя, прогулки по корридорѣ и созерцанія стѣны продолжались по прежнему и слѣдовательно все шло по старому. Переждавъ первое время ненависти ко всѣмъ мужчинамъ, которою была охвачена Дуняша, дворникъ вторично напялил на себя новую синюю чуйку и выбравъ время, помѣстился посреди двора, противъ окна, на которомъ сидѣли бѣлошвейки.

Снявъ почтительно картузь, дворникъ раскланялся и произнесъ:

— Сѣ-ли, красавицы, въ добромъ здоровьѣ?

— Мужикъ! отвѣчали ему.

— Ахъ! шутливо воскликнулъ дворникъ. Что такое? Неужтожъ мужикъ не можетъ ничего?... Не угодно ли барышни папиросочекъ? Легкія-съ!

— Давай! кричали ему съ верху.

— Царь небесный! съ улыбкой воскликнулъ дворникъ. Слава Богу!

Черезъ минуту онъ былъ на корридорѣ.

— Что-же вы, Дунечка, какъ теперь?

— Ежели ты мнѣ только посмѣешь въ другой разъ, — я т-тебя...

— Ой! вскрикиваль дворникъ.

— Чуфыря!

— Это еще что такое?...

— Михрюк! вставляла Татьяна.

— Хряк! присовокупляла третья подруга.

Раздавался дружный хохотъ.

— Акулина Матвѣвна! говорилъ дворникъ, обращаясь къ кухаркѣ. Какъ меня-то? Изволите слышать?

— Дуры! рѣшала Акулина.

— Нѣтъ-съ! заступался дворникъ. Онѣ барышни, а мы мужики необузданные... Имъ обидно! Ну-съ до пріятнаго свиданія...

Уходя, дворникъ кивнулъ Акулинѣ.

Съ слѣдующаго дня,—быть можетъ благодаря совѣтамъ Акулины, — дворникъ принялъ другую методику атаки: онъ попрежнему расфранчивался, маслилъ волоса. но «мужицкихъ» своихъ разговоровъ не разговаривалъ. Аккуратно, въ извѣстный срокъ онъ появлялся по срединѣ двора и раскланивался.

— Иди сюда Иванъ! звала Акулина изъ корридора. Иди къ дѣвушкамъ...

— Зачѣмъ ты его зовешь! съ негодованіемъ восклицала Дуняша. Мужицкая образина!...

— И правду! подтверждала Татьяна. Этотъ еще хуже Андрюшки... Полѣно деревенское!

— Погляжу я на васъ, говорила Акулина, — и совсѣмъ-то вы ду-уры! Ей Богу! «Лучше Андрюш-

ки?» Ну, — какъ же ты это смѣешь говорить... Андрюшка, — прощальга, сдѣлалъ грѣхъ, а ушелъ не сказался, — а это человѣкъ строгій... Всегда онъ дома и уйдти ему некуда...

Входилъ дворникъ и робко помѣщался на кадушкѣ противъ Дуняши, помахивая картузомъ.

— Что вылупися! вскрикивала прямо въ глаза ему Татьяна.

Дворникъ, молча, подвигался на своемъ сидѣньѣ и не отвѣчалъ.

— У-у! рожа!

— Дура! какъ есть дура! Ты, Ваня, не смотри на нее... Скоро и она хвостъ подожметъ... Говорила Акулина.

— Какъ имъ угодно! Жалобно произносилъ дворникъ и по прежнему сидѣлъ молча и недвижимо. Такъ тянулось долго. Дѣвушки шопотомъ разговаривали между собою. Иванъ, котораго они терпѣть не могли, сдѣлался единственнымъ предметомъ для разговора.

— Иванъ! чтожь, угощай дѣвушекъ-то чѣмънибудь, командовала Акулина.

Мгновенно изъ кармановъ Ивана являлись папирсы, пряники, жамки, орѣхи.

Дѣвушки съ удовольствіемъ принимались за нихъ. Въ ту же минуту Иванъ вздыхалъ, поднимался, жалобно говорилъ «счастливо оставаться» и уходилъ.

По уходѣ его бѣлошвейки ѣли гостинцы и подсмѣивались надъ Иваномъ.

— Какъ это тебѣ Татьяна не стыдно! говорила Акулина, онъ всей душой къ вамъ, а вы надъ нимъ потѣшаться вздумали... И ты тоже Авдотья.

— А мнѣ что! гордо возражала Дунечка.

— Дура! заключала Акулина. Тѣфу! По мнѣ какъ хотите... Вотъ навернется другой Андрюшка, вспомнишь...

Дуняша не возражала: она боялась лишиться расположенія Акулины; боялась этого потому, что безъ совѣтовъ и утѣшеній Акулины, рѣшительно не знала, что съ собой дѣлать.

Такія появленія дворника происходили аккуратно каждый день, вечеромъ, и тянулись мѣсяца полтора. Впослѣдствіи, уходя домой, онъ свидѣтельствовалъ почтеніе почему-то только одной Дуняшѣ.

— Счастливо оставаться, Дунечка! говорилъ онъ уходя.

— Что онъ ко мнѣ прилипаетъ? досадовала Дуняша.

— Дура! отвѣчала на это Акулина.

Въ самомъ дѣлѣ, дворникъ ни для кого не былъ привлекательною личностію; кромѣ того, что онъ былъ нехорошъ собой, — во вредъ его сердечнымъ дѣламъ, главнымъ образомъ, служило то, что онъ былъ «дворникъ». Съ чиновникомъ, съ *ску-*

бентомъ, наконецъ съ купцомъ, — дѣлать сердечныя дѣла, — еще такъ и сякъ — можно-бы; но, — дворникъ, мужикъ... Кромѣ него въ Москвѣ развѣ мало пріятныхъ мужчинъ?

Къ несчастію, на нашемъ вонючемъ дворѣ — не попадалось пріятныхъ мужчинъ. Къ однообразію этого двора и вѣковѣчной каменной стѣнѣ, присоединилась фигура дворника, и вотъ уже полтора мѣсяца не сходитъ съ глазъ у изскачавшихся дѣвушекъ. При полномъ отвращеніи, котораго, по понятіямъ дѣвушекъ, онъ былъ достоинъ, — дворникъ незамѣтно зянялъ собою все вниманіе ихъ и въ особенности Дуняши. Онъ надъ нимъ подсмѣивались, выдумывали: какую-бы устроить противъ него каверзу (впрочемъ всегда невинную), но все таки думы эти и придумываны были для него, о немъ...

Иногда, желая отдѣлаться отъ него окончательно, всѣ онъ уходили изъ корридора на верхъ, и принимались пѣть пѣсни. Вдругъ Дуняша произносила:

— А Иванъ-то теперь ждетъ!

— Да чертъ съ нимъ! отрѣзывала Татьяна. И опять пѣли, и опять неожиданно кто нибудь спрашивалъ:

— Ждетъ Иванъ-то?

— Ждетъ!

- Посмотри-ко въ окно...

— Съмъ я посмотрю..

Всѣ разомъ высовывались въ окно, и разомъ восклицали:

— Ждеты!...

Дѣло оканчивалось тѣмъ, что всѣ шли на корридоръ; Акулина звала Ивана, и происходило обычное, молчаливое угощеніе.

Были минуты полнѣйшаго негодованія Дуняши на назойливость Ивана...

Иванъ видѣлъ это, но ни на іоту не измѣнялъ своего поведенія: въ извѣстныя минуты появлялся и безмолвно смотрѣлъ на Дуняшу, по временамъ вздыхая.

Акулина не возражала на ругательства Дуняши; она пережидала.

Наконецъ, мѣсто отчаяннаго негодованія заступило полнѣйшее равнодушіе и прежняя скука. Иванъ оправился, повсеселѣлъ и къ обычной своей фразѣ: «счастливо оставаться, Дунечка»,— началъ прибавлять:

— А я, Дунечка, все объ васъ думалъ!...

— А мнѣ какое дѣло...

— Право-съ!...

Встрѣтивъ Дуняшу гдѣ нибудь на дворѣ, онъ почтительно снималъ фуражку и какъ-то загадочно говорилъ:

— Дуняша!...

— Отстаны!

Дворникъ вздыхалъ.

Дѣла въ такомъ родѣ продолжались съ изумительнымъ постоянствомъ: Дуняша скучала; скука давно вытравила въ ея сердцѣ заклятіе, которое она наложила на себя. Дворникъ, по прежнему продолжалъ безмолвные визиты; Акулина глубокомысленно давала совѣты и особенное вниманіе обращала исключительно на Дуняшу. Между своими совѣтами и рассказами, она поминутно вставляла нѣсколько ругательныхъ фразъ насчетъ Андрюшки и прибавляла тотчасъ же словечко въ пользу дворника:

— Вотъ Вамя не такой!...

Услышавъ это, дворникъ, поднимаясь съ бочки, на которой обыкновенно сидѣлъ, трогалъ туго затянутую шею, ловко встряхивалъ волосами, и, крикнувъ, садился опять...

Одно и тоже повторялось каждый день. Дворникъ сдѣлался неизбѣжнымъ, для вниманія дѣвушекъ, предметомъ, какъ и вонючій дворъ, какъ и стѣна...

Дуняша, нѣкоторымъ образомъ вкусившая плодовъ любви — томилась.

Акулина подмѣтила эту минуту. Сидя по вечерамъ на окнѣ, я слышалъ какъ она, оставаясь наединѣ съ Дуняшей, заговаривала:

— Этоть не Андрюшка. По мнѣ какъ хочешь; мнѣ, что... А я тебѣ всей душой говорю. Это —

человѣкъ строгій... Онъ любитъ порядокъ... Чего добраго и замужъ возьметъ.

Такимъ образомъ дворникъ, благодаря разговорамъ Акулины, пріобрѣлъ вдругъ — неоцѣненное достоинство. На него начали смотрѣть благосклоннѣй. Даже Татьяна не огрызалась.

— Ну, ты женихъ! покрикивала она на него при случаѣ и этимъ только ограничивалась.

Дворникъ все молчалъ; все чего-то ждалъ и ждалъ, нужно сказать правду, съ убійственной стойкостію. Насчетъ свадьбы онъ не сказалъ еще ни одного слова; Дуняша попытала у него объ этомъ черезъ Акулину. Эта дама передала самый удовлетворительный отвѣтъ. Дуняша видимо обрадовалась этому извѣстію. Прибирала-ли она у меня въ комнатѣ, или гуляла на корридорѣ, только и разговору было, что про Ивана: какой онъ будетъ мужъ? будетъ-ли драться? Мало-по-малу Дуняша сроднилась съ мыслью, что она невѣста и смотрѣла на Ивана, какъ на жениха. Новое званіе, пріобрѣтенное Иваномъ, расположило къ нему всѣхъ. Отвращенія уже не было. Не было и равнодушія: Иванъ вѣдь рѣшался женитьбой прикрыть Дуняшинъ грѣхъ. Дуняша начала вступать съ нимъ въ разговоръ; сама приказывала какого именно принести гостинцу.

Мало-по-малу, при помощи скуки, пустоты и обѣщанія жениться — дѣло было такъ подведено,

что въ одинъ изъ вечеревъ произошла на корридорѣ слѣдующая сцена.

— А что Дуничка, заговорилъ дворникъ, вы все сидите? Все-бы когда по Тверскому прошлись... Публика любопытнѣйшая и опять же музыка.

— Я и не знаю, поддакнула Акулина—что это а дѣвки такія? Все дома, все дома... Диви-бы кто ихъ на цѣпи держалъ... ей Богу.

Дуняша покраснѣла.

— А и то! тихо сказала она. Татьяна ты пойдешь?

— О, да ну васъ...

— А тебѣ непременно Татьяну! Ты безъ Татьяны кажется шагу не сдѣлаешь? Присовѣтовала Акулина.

— Нашему брату, продолжалъ дворникъ,—нашему брату дѣло другое. Намъ ни на минуту отлучиться нельзя. А вы, — куда захотѣли, туда и пошли... Да право-съ?

— И то! весело сказала Дуняша, и бѣгомъ побѣжала на верхъ одѣваться. За ней и другія.

Тотчасъ по удаленіи дѣвушекъ, дворникъ быстро вскочилъ съ бочки и какимъ-то испуганнымъ шопотомъ, скороговоркой, говорилъ съ Акулиной. Та, не отвѣчая, вырвала изъ его рукъ картузь, поспѣшно наткнула его на голову Ивана, козырькомъ въ бокъ, и повернувъ его за плечи, почти спихнула съ лѣстницы. Черезъ секунду дворникъ

какъ молнія мелькнулъ по двору и скрылся подъ воротами...

Ни на другой, ни на третій день, Дуняша не показывала глазъ въ мою комнату. Въ мастерской было какое-то затишье; Акулина, напротивъ, всѣ эти дни была подъ хмѣлькомъ и чувствовала приливъ необыкновенной словоохотливости. Дворникъ на другой-же день скинулъ свой праздничный костюмъ и шатался въ одной распоясанной грязной рубахѣ. Онъ сдѣлался вдругъ разговорчивымъ, даже подсмѣивался надъ швеями, покрививъ имъ со двора:

— Эй, вы, мымры! Что приуныли?

И цѣлые дни горланилъ пѣсни самаго безмысленнаго свойства. Какъ, напр.

Мнѣ не жалко туфеля
Жалко бѣлаго чулка...

Или наконецъ просто оралъ на разные тоны.

Ахъ, ха, ха, Ахъ, ха, ха.
Хо, хо, хо, хо-ооо. . и т. д. безъ конца...

5.

Постараюсь пересказать впечатлѣнія первой московской квартиры, повоможности въ болѣе сжатой формѣ. Спустя довольно долгое время, по-

слѣ втораго романа Дуняши (къ которой вернусь въ слѣдующей главѣ), произошла удивительная исторія съ Татьяной, оправдавшая вполнѣ предсказанія Акулины. Исторія эта до такой степени удивительна, что я, не рѣшаясь и не имѣя никакой возможности объяснить ея происхожденіе, берусь передать дѣло такъ, какъ оно произошло по точнымъ рассказамъ всего швейнаго міра.

Дѣло происходило такимъ удивительнымъ образомъ.

Какъ я уже сказалъ, Татьяна была самая разсудительная изъ всѣхъ швей, работавшихъ у Марьи Петровны. Каждое сердечное несчастье той или другой изъ подругъ ея, еще болѣе укрѣпляло Татьяну въ увѣренности, что ея вѣкъ дѣйствительно очень дологъ. Да и кромѣ того, обращеніе ея съ мужчинами показывало, что она подозрѣваетъ почти всѣхъ мужчинъ въ мірѣ, въ самыхъ грязныхъ поползновеніяхъ; она, не робѣя, отталкивала непрошеннаго обожателя, если тотъ предлагалъ пройтись подручку или былъ настолько предупредителенъ, что охотно брался проводить ее до дому. Съ такими-то предохранительными средствами, Татьяна спасовала въ одномъ, повторяю, совершенно невѣроятномъ событіи.

Однажды, часа въ два дня, возвращалась она изъ лавки съ тесемками въ рукахъ. Въ это время кто-то, не говоря ни слова, подхватилъ ее подручку, и спокойно произнесъ:

— Куда-же, налѣво или направо?

Татьяна въ испугѣ бросилась отъ своего кавалера, но тотъ вѣрѣе держалъ руку ея и улыбаясь говорилъ:

— О, глупая!

— Отстаньте! крикнула Татьяна.

— Цссс.. Что ты орешь? Куда идти?

Татьяна начала отбиваться, и наконецъ вырвалась. Тотчасъ же она юркнула подъ ворота, господинъ въ пуховой шляпѣ, съ сѣроватыми усами, улыбался и шолъ за ней слѣдомъ. Наконецъ она добралась къ двери своей квартиры. Господинъ остановился рядомъ съ ней.

— Здѣсь? спросилъ онъ.

— Уйдите ради Бога! убѣдительно просила его Татьяна, боясь хозяйки, которая въ эту пору обыкновенно бушевала въ мастерской. Хозяйка дома, она увидитъ... Подумаетъ...

— Что-жъ такое? Какъ ее звать?..

Танечка рѣшительно не знала, что дѣлать. Вдругъ она отворила дверь, юркнула въ кухню и заперла дверь на крючокъ... Въ корридорѣ послышалось какое-то рычанье.

— Слава Богу! говорила Татьяна, очутившись къ кухнѣ и дрожа отъ испуга...

Въ это время неожиданно раздался звонокъ съ параднаго хода...

— Татьяна отвори! приказала Агулина.

— Ну-ко онъ?

— Отвори.

Звонокъ повторился. Татьяна отворила: это былъ *она*.

— А! вотъ и ты! куда-жь это-ты убѣжала... Ну, проводи меня въ комнату...

— Баринъ, голубчикъ... Тутъ хозяйка...

— Ну, въ *вухню*. Хозяйка! Чтожь такое? Гдѣ кухня?

Баринъ прошолъ въ переднюю и потомъ въ *вухню*.

— Кто тамъ? кригнула сверху хозяйка.

— Это... къ Акулинѣ, отвѣчала Таничка.

Между тѣмъ, баринъ усѣлся въ кухню на лавкѣ; снялъ шляпу, закурилъ, не спѣша, папирску — и разговорился съ Акулиной. Баринъ былъ такъ простъ съ ней, не смотря на то, что, повидимому, былъ очень богатъ, что Акулина тотчасъ-же растаяла передъ нимъ. Черезъ двѣ-три минуты, къ Татьянѣ, присутствовавшей въ кухню, присоединилось двѣ-три подруги съ верху — и баринъ просто обворожилъ ихъ. Онъ показывалъ, напримѣръ, ключикъ отъ своихъ золотыхъ часовъ: въ ключѣ была сдѣлана микроскопическая картинка клубничнаго свойства; дѣвушки смотрѣли и помирали со смѣху; дверь изъ кухни по этому заперли. Такого же свойства картинки были сдѣланы у барина въ палкѣ, въ папиросницѣ, и кажется во всѣхъ пуговицахъ

жилета. Баринъ все это показывалъ имъ и вмѣстѣ съ ними смѣялся. Въ заключеніе онъ показалъ свою палку; всѣ нашли, что въ палкѣ нѣтъ ничего особеннаго. Тогда баринъ изъ палки сдѣлалъ стулъ и каждая изъ дѣвушекъ считала обязанностію присѣсть. Даже Акулина попробовала ишла стулъ великолѣпнымъ.

Всѣ были въ восторгѣ.

Показавъ стулъ, баринъ опять сложилъ его въ палку, взялся за шляпу и сказалъ Татьянѣ весьма ласково:

— Такъ ужъ, милая Таничка, въ четвергъ я у васъ буду опять.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ.

— Буду, буду-съ!... Непремѣнно-съ!... Къ пяти или къ шести часамъ будьте готовы.

— Что вы! что вы! Закричали всѣ дѣвушки.

— Непре-мѣн-но-съ! Къ шести часамъ!

Баринъ скрылся.

Таничка, да вообще весь швейный міръ, рѣшительно не знали, что подумать объ этомъ и что тутъ дѣлать. Самое вѣроятное было то, что храбрая Татьяна начала бояться незнакомаго господина — какъ *барина*.

Акулина не могла ничего присовѣтывать. Сказать хозяйкѣ, та не пойметъ въ чемъ дѣло, разорется, подумаетъ Богъ знаетъ-что и изобьетъ. Я присовѣтывалъ прогнать — всѣ возопили.

— Онъ-те прогнать! говорила Таничка.

Цѣлую недѣлю вплоть до четверга, она ходила въ какомъ-то забытѣ, въ лихорадкѣ. Я старался ее разувѣрить, что баринъ не прїѣдетъ и не посѣтитъ ничего сдѣлать, и Таничка немного успокоилась. Пришолъ четвергъ. Пробыло шесть часовъ — барина не было. Я ушелъ изъ дому, въ полной увѣренности, что онъ не будетъ совсѣмъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не могъ себѣ представить, чтобы на бѣломъ свѣтѣ могъ существовать подобный ловецъ.

Вечеромъ, однако я узналъ слѣдующее:

По уходѣ моемъ Таничка была совершенно спокойна. Она вмѣстѣ съ другими сидѣла въ кухнѣ и пѣла пѣсни. На дворѣ шелъ дождь.

— Не придетъ! говорили всѣ.

Вдругъ дверь отворилась и баринъ мокрый съ зонтикомъ вошелъ въ кухню. Всѣ обомлѣли, въ буквальномъ смыслѣ слова. Закоченѣли, замерли.

— Готова? спросилъ баринъ.

Татьяна была блѣдна какъ полотно.

— Ну что же? съ сердцемъ повторилъ баринъ. Готова-ли, говорю...

— Башмаковъ... нѣту... едва внятно произнесла Татьяна.

— Такъ, чертъ-же подери! Дайте кто-нибудь башмаки! Эй ты, дай ей башмаки.

— Авдотья, дай! шопотомъ приказала Акулина,

рѣшительно не понимавшая, что дѣлается кругомъ.

— Надѣвай! Только, ради Бога, скорѣй!...

Таничка непомня что дѣлаетъ, торопливо надѣвала башмаки.

— Это несносно, горячился баринъ. Дайте-же ей, чѣмъ нибудь накрыться... Это чертъ знаетъ, что такое!... Лошадь ждетъ!... Дайте хоть платокъ...

Мигомъ принесли всѣ; Таничка сама торопливо укуталась, а Акулина сказала:

— Готова-сь!

— Слава Богу! Пойдемъ! Скорѣй, ради Бога...

Баринъ съ сердцемъ толкнулъ дверь, вывелъ Таничку за руку и скрылся.

Всѣ были поражены и рѣшительно не могли ничего сообразить.

Я воротился часовъ въ 11 ночи. Въ кухнѣ, противъ обыкновенія, былъ огонь. Всѣ швей сидѣли вокругъ стола и молча смотрѣли на Татьяну, которая была вся въ слезахъ.

— Таничка, что съ тобой, спросилъ я.

— Убирайтесь вы! неистово закричала она на меня.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ тихонько явилась Акулина и шопотомъ передала только что случившуюся исторію.

Послѣ такихъ тревоженій, возмущившихъ спокойствіе нашей квартиры, настало совершенное затишье: Дуняша спокойно путешествовала въ дворницкую; Таничка притворилась, **какъ-будто** съ ней ничего и не бывало; хозяйка попрежнему не платила денегъ, и къ **внѣшней тишинѣ** и спокойствію нашей квартиры,—даже не являлся управляющій. Хозяинъ попрежнему возвращался подъ хмѣлькомъ, на зарѣ, и т. д. Все шло какъ нельзя лучше. Солоша, третья личность, на которую я хотѣлъ обратить вниманіе,—все шепталась о чемъ-то съ Акулиной, и въ кухнѣ начали появляться какія-то старухи; слышно было, что Солошѣ сулятъ счастье и благоденствіе. Въ послѣднее время даже у Татьяны завелись какія-то тайны, по вечерамъ и она исчезала куда-то, вмѣстѣ съ Дуняшей. Все это дѣлалось втихомолку, тайкомъ, украдучись...

Несмотря на это, повторяю, въ нашей квартирѣ было полное затишье. Такъ тянулось мѣсяца три. Затишье сдѣлалось до такой степени несносной вещью для всѣхъ, что вся квартира наша жаждала какой-нибудь переменны.

Судьба положила предѣлъ этой тишинѣ,—катастрофой, ужасной и трагической.

Началось дѣло съ того, что въ одинъ вечеръ Дуняша явилась ко мнѣ подъ хмѣлькомъ, и едва

ворочавшимся языкомъ объявила, что Иванъ обманулъ. Онъ отпирается отъ своихъ словъ насчетъ женитьбы. — «Ты, говорилъ онъ Дуняшѣ,—несоответственнаго поведенія... Мнѣ этаго нельзя...» Дуняша плюнула по этому случаю дворнику въ бороду и убѣжала искать стараго друга Андрюшку. Кромѣ отказа отъ женитьбы, дворникъ сдѣлалъ еще другую безобразную вещь: онъ утаилъ адресъ Андрюшки, который уходя въ Грузины далъ его для передачи Дуняшѣ.

Дворникъ, убѣдившись, что послѣдовалъ разрывъ, разславилъ Дуняшу на весь домъ, и не давалъ проходу черезъ дворъ. Андрюшка, котораго Дуняша нашла-таки, изобразилъ изъ себя обиженнаго челоуѣка и обошелся холодно.... Чтобъ отдѣлаться отъ старой подруги своей, онъ напоилъ ее до пьяна и отправилъ на извожикѣ домой.

Съ этого дня начались ссоры и брань. Дуняша ругалась съ Акулиной. Акулина утверждала, что она никогда не говорила Дуняшѣ насчетъ женитьбы Ивана и тоже ругалась Дуняша снова заклалась, но черезъ день прошолъ слухъ, что ее сманилъ старикъ-табатёръ, сдѣлавшій ей шелковое платье. Дуняша начинала являться домой все чаще и чаще подъ хмѣлькомъ.

Въ эту пору на нес было противно смотрѣть.

За этой неожиданной катастрофой Дуняши, послѣдовало другое неожиданное открытіе въ обла-

сти разныхъ тайнъ, опутавшихъ въ послѣднее время нашу квартиру.

Въ одно утро на дворъ съ грохотомъ влетѣла арлетка, и скоро въ кухню вбѣжалъ трактирный половой въ чуйкѣ.

— Здѣсь дѣвица? шопотомъ спросилъ онъ.

— Ты отъ кого? спросила въ свою очередь Акулина.

— Изъ трактиру Ростовъ.... Здѣсь черезъ Анну Филиповну рекомендовали одному купцу — даму, Соломону...
— Здѣсь...

— Пожалуйте. Они требуютъ... Такъ какъ они желаютъ ихъ для услуженія... Опять — же деньги получены...

— Половину денегъ получили... только; гдѣ-же остальные?

— На мѣстѣ-съ.

Разговоръ этотъ происходилъ шопотомъ, но я слышалъ его стоя на лѣстницѣ и приготовляясь отнести въ кухню графинъ... Все, что только услышалъ я, — испугало меня. Я тотчасъ же отправился въ залу, чтобы объяснить Марьѣ Петровнѣ все, что у нея дѣлается. Марья Петровна была любезна сверхъ силъ... Я надѣялся высказать ей много, — какъ неожиданно раздался звѣрскій звонокъ, и спустя нѣсколько минутъ явился управляющій.

Марья Петровна встрѣтила его съ обычной вос-

хитительной улыбкой, но управляющей, къ удвлеченію ея, не улыбался, даже не поклонился. Она прямо подошла къ ней и съ сердцемъ сказалъ:

— Извольте выѣхать немедленно съ квартиры.

— Н-но...

— Немедленно, прошу васъ.

→ Однако, вы говорите дерзости...

— Я терпѣль-съ; былъ снисходителенъ... Но мѣра изъ границъ вышла... Извольте выѣхать... Долгъ взыщуть чрезъ полицію...

Хозяйка сидѣла блѣдная, какъ смерть и дрожала отъ злости.

— Кромѣ того, у васъ... у мастерицъ развиваются болѣзни... г-нъ докторъ!

Изъ передней выступилъ полицейскій докторъ.

— Потрудитесь осмотрѣть.. мастерицъ...

Начался общій плачъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣды заразной болѣзни были очевидны. Даже у маленькой Ани — голова была въ стружьяхъ.

Ударъ для всѣхъ былъ неожиданный... Дѣвушки, узнавъ, что къ нимъ придутъ еще доктора, — бросились къ матерямъ, которыя жили въ Москвѣ. Явились матери и отцы: начались слезы, ругательства, проклятія... Гамъ и вопль стоялъ во всей нашей квартирѣ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ хозяинъ, цѣпанный, разбилъ голову и его принуждены были свезти въ больницу... Купчиха Секундова, узнавъ что дѣлается въ заведеніи Марьи Петров-

ны, — боялась принимать ее къ себѣ. Марья Петровна рыдала. Съ квартиры гнали съ удивительною настойчивостью...

Не было силъ жить болѣе въ этомъ омутѣ. Я переѣхалъ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ только что рассказанной исторіи, и однажды мнѣ снова довелось встрѣтить одну изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, именно Дуняшу. Встрѣча эта была возмутительна. Разъ шель я по Страстному бульвару, на срединѣ его у загородки выходящей на Сѣнную площадь — что за Страстнымъ монастыремъ — столпилась огромная толпа всякаго проходящаго народа. Нѣкоторые смѣялись, большинство же стояло молча или разговаривало не громко. Я пробрался черезъ толпу къ бульварной загородкѣ и увидѣлъ слѣдующую картину: на каменной мостовой сидѣло нѣсколько женщинъ извѣстнаго сорта и выщипывали руками траву, проросшую между камнями. Женщины эти были разодѣты въ полуразодранныя шелковые юбки, зачачканныя рубашки съ почернѣвшимъ тюлемъ на рукавахъ и вороту; головные платки, завязанные концами на спинѣ, — были спереди надвинуты на глаза для того, чтобы скрыть отъ зрителей фізіономіи. Всѣ эти женщины были еще

очень молоды и нѣкоторыя изъ нихъ, не смотря на свой позоръ, находили возможность даже хохотать, перекидываясь остротами съ зрителями Страстного бульвара. Тутъ же поодаль отъ нихъ стоялъ городской и какой-то жидъ съ бадьей воды; день былъ жаркій и жидъ поминутно подносилъ эту бадью то къ той, то къ другой изъ женщинъ. Въ одной изъ нихъ я, не безъ сожалѣнiя, узналъ Дуняшу.

Изъ разговоровъ, происходившихъ въ толпѣ, я узналъ, что несчастныя эти наказываются за ограбленiе какого-то купца, который нѣсколько дней гулялъ и пировалъ въ ихъ жилищѣ.

— Доволь, говорилъ кто-то, — не выщиплуть всю площадь... привязано...

— И слѣдуетъ, слѣдуетъ... Ей-Богу!

— Скажите на-милость, со вздохомъ произносилъ еще кто-то, — при всемъ томъ, многiе еще находятся—жалѣютъ! Ахъ, вы грабительницы этакия!

—

III.

ТОВАРИЩЪ.

... Бывали у меня и другiя встрѣчи въ Москвѣ...

Послѣ двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ от-

сутствія изъ Москвы, довелось мнѣ опять заглянуть въ нее. Въ одну изъ свободныхъ минутъ вышелъ я на улицу и безъ цѣли пошелъ куда глаза глядятъ. Снова нередко мной была та же неизмѣнная московская кривая улица, утонувшая въ тучѣ раскаленной лѣтнимъ зноемъ пыли; снова трескъ тысячи колесъ и какой-то непереставаемый грохотъ осадили меня со всѣхъ сторонъ и отуманили мою голову, почти уже отвыкшую отъ всего этого. Давка и толкотня на тротуарахъ, по обыкновенію, была не совмѣстная. Нѣсколько пинковъ, пущенныхъ прохожими въ мою грудь и бока, заставили меня осматриваться на каждомъ шагу, сторониться и попристальнѣе разглядѣть, что такое творится тутъ кругомъ? Лавируя такимъ образомъ между волнъ народа и иногда разрѣшая и себѣ движеніе локтемъ въ ту или другую сторону, я неожиданно замѣтилъ въ толпѣ одну фizioномію, которая показалась мнѣ знакомою...

— Черепковъ! Черепковъ! закричалъ я.

Фizioномія повернулась назадъ, и я, дѣйствительно, узналъ одного изъ моихъ школьныхъ товарищей.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже крѣпко жали другъ другу руки...

— Ну что, какъ дѣла?.. Давно-ли?.. Какими судьбами? и пр. и пр. сыпалъ мой товарищъ, не выпуская моей руки...

Не могу похвастаться, что я особенно точно отвѣчалъ на всѣ возгласы Черепкова. При видѣ его я могъ только въ изумленіи вытаращить глаза и мѣрять этими изумленными глазами фигуру моего пріятеля снизу вверхъ и сверху внизъ: я немогъ не дѣлать этого потому, что вмѣсто рубища и рвани, въ которой пребывалъ Черепковъ въ мою бытность въ Москвѣ, я теперь видѣлъ на немъ щегольскую красную рубашку, бархатную поддевку и шаравары, сапоги съ бураками и шляпу съ маленькимъ павлиньимъ перушкомъ... Онъ франтилъ.

Черезъ пять минутъ мы были въ гостиницѣ.

— Какъ же это ты, братъ, разжился? пыталъ я. Уроки что ли хорошіе подыскалъ?

— Подыскалъ! улыбаясь произнесъ онъ. Тутъ вотъ какой урокъ — гляди!

При этомъ онъ согнулъ указательный палецъ и придвинулъ его къ моимъ глазамъ: на пальцѣ горѣлъ перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ.

Черепковъ согнулъ палецъ на другой рукѣ, и я увидалъ другой перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ опять.

— Видѣлъ.

— То-то!.. Вотъ-тѣ урокъ!.. Объ этой мелюзгѣ я и не говорю! при этомъ онъ вдругъ заболталъ

передъ моими глазами всѣми десятью пальцами, сразу сверкнувъ, такимъ образомъ, десятками колець, менѣе значительныхъ, и заключилъ:

— Вотъ какъ! Это — урокъ!

Изумленный и недоумѣвающий, откуда все это, — сидѣлъ я въ шумной трактирной залѣ. Барабанила машина, отхватывая польку, звякали чашки, тарелки; половые совались изъ стороны въ сторону и вообще кругомъ было какое-то пиршество, напоминавшее торжество пировъ блуднаго сына, чему, кромѣ безобразія, способствовалъ костюмъ половыхъ — бѣлыя длинныя рубашки. Половые напоминали библейскихъ рабовъ.

— Однако, Черепковъ... началъ было я что-то, но Черепковъ перебилъ меня:

— Ты меня тутъ называй Вьюгинъ.

— Какъ?

— Я тутъ такую фамилію ношу. Меня такъ всѣ тутъ знаютъ.

Оказалось дѣйствительно, что всѣ половые знали его за Вьюгина и величали по имени по отчеству, кланялись въ поясъ и вообще, видно было, что онъ здѣсь не въ первый разъ.

Это подтвердилъ и самъ пріятель мой.

— Я, братъ, всѣ трактиры прошелъ вдоль и поперегъ... вездѣ почетъ... Ъшь!..

Я ѣлъ.

Вьюгинъ упорно молчалъ, повидимому доискиваясь, что бы сообщить?

— Ахъ да! палку мою видѣлъ? наконецъ радостно произнесъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Э, братъ! Что же ты послѣ этого видѣлъ? На-ка!..

Палка дѣйствительно была хороша.

— Двѣ по всей Москвѣ было.

Я усумнился.

Черепковъ произнесъ клятву, приличную герою «знакомыхъ незнакомцевъ».

— А вотъ булавка, посмотри, — продолжалъ онъ и вслѣдъ за тѣмъ показалъ мнѣ булавку, ключикъ отъ часовъ, посвисталъ въ него, повертѣлъ такъ, что ключъ издалъ нѣкоторый трескъ, что составляло одно изъ его многочисленныхъ достоинствъ. Видно было, что въ настоящіе годы Черепковъ только и жилъ этимъ счастьемъ обладанія кольцами, цѣпочками и проч.; отнять бы это и Черепковъ, можетъ быть, считалъ бы полный проигрышъ во всѣхъ статьяхъ.

Выпивъ какого-то вина, мы рѣшились ѣхать къ нему въ домъ; въ дверяхъ онъ остановился передъ половымъ, отвѣшивавшимъ ему земной поклонъ, и произнесъ:

— Знаешь?

При этомъ онъ показывалъ себѣ въ грудь.

— Какъ не знать, батюшка, Семень Гаврилычъ, оченно вашу милость знаемъ-сь.

— Семену Гаврилычу! произнесъ буфетчикъ, протягивая Вьюгину руку. Сколько лѣтъ — сколько зимъ...

— Да, давненько...

Мы пошли.

— Видѣль? спросилъ меня Черепковъ, показывая пальцемъ черезъ плечо и намекая, какъ видно, на этотъ разговоръ.

— Видѣль.

— То-то... Пойдемъ.

Скоро мы неслись на извоцигѣ и, мало-помалу, забирались въ такіе извилистые и невѣдомые переулки, въ которыхъ я во всю бытность свою въ Москвѣ не бывалъ ни разу; вдали виднѣлось Ходынское поле. Наконецъ, среди лачугъ, передъ нами выросъ обширный деревянный домъ съ мезониномъ. Такіе дома изображали наши романисты, поселяя въ нихъ семью столбовыхъ.

— Я, братъ, живу въ мезонинѣ, говорилъ Вьюгинъ, когда мы шли съ нимъ по двору. — У меня все отдѣльно... внизу *сама*.

Тутъ Вьюгинъ быстро поднесъ свои губы къ моему уху, защитилъ рукою и мое ухо и свои губы, и шопотомъ произнесъ:

— Полговница... помѣщица... вдова.

Я начиналъ понимать въ чемъ дѣло.

Мы вошли въ мезонинъ.

Вьюгинъ помѣщался въ трехъ комнатахъ, уст-

ланнхъ коврами, уставленныхъ диванами. На стѣнахъ висѣли картинки, изображавшія женщинъ, занимавшихся исключительно постановкою себя въ разнообразныя позы. Вьюгинъ отодвинулъ отъ стола кресло, пихнулъ кулакомъ въ сидѣнье и произнесъ:

— Все, братъ, на пружинахъ... Садись! и самъ повалился на диванъ.

— Ну, что жъ? ѣсть что-ли будемъ?

— Я сытъ.

— Ну пить? Эй!

При этомъ Вьюгинъ стучалъ каблукомъ въ полъ и говорилъ:

— У меня, братъ, безъ церемоніи, что хочешь... всего по горло.

Явился лакей.

— Скажи барынѣ, что у меня гость... Посмотри, какъ разугостить, добавилъ онъ, когда ушелъ лакей. Она у меня добрая... Старовата немного.. Любить...

Вьюгинъ улыбался.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Я тутъ управляющимъ для виду считаюсь — понимаешь, какъ-то неловко...

Молчимъ.

Въ головѣ моей шумѣли размышленія о судьбѣ Вьюгина. Какимъ образомъ такъ скоро охватила

его эта цыганская пляска, постоянная ярмарка, и какой будетъ конецъ этому счастью? думалъ я.

Вьюгинъ снова не находилъ что сказать.

— Ахъ, да! вотъ, я тебѣ хотѣлъ показать еще халатъ... Вслѣдъ за этимъ началось показыванье платья—всего во множествѣ экземпляровъ,—и лѣтнее, и зимнее, и осеннее — для дня, для ночи, для вечера... Потомъ показывались опять кольца, медальоны, табакерки, своей внѣшностью говорившіе длинныя исторія разрушающихся теперь столбовыхъ гнѣздъ. вмѣстѣ съ тѣмъ снизу таскали подносы съ разнообразнѣйшими яствами.

Барыня, дѣйствительно, разугостила.

Толковать оставалось ровно не о чемъ; Вьюгинъ зацѣлъ:

Но когда полюбя,
Ты обманешь меня,
То влянусь, — и т. д.

Но и это надоѣло. Машинально взялъ онъ яблоко, подошелъ къ окну, открылъ форточку, и выждалъ случая, въ кого-бы запустить этимъ яблокомъ. Посреди дороги шелъ разнощикъ съ лоткомъ на головѣ. Вьюгинъ попалъ въ лотокъ, который, круто закружившись, брякнулся на-земь. Мужикъ заоралъ во все горло, а Вьюгинъ хохоталъ, хватаясь за животъ, и не забывъ тотчасъ же захлопнуть форточку.

На минуту онъ остановился, прислушался, мужикъ ругался по прежнему; Вьюгинъ подкрался къ окну, заглянулъ однимъ глазкомъ на улицу и произнесъ:

— Подбираетъ семгу... всю въ пыль своротилъ...

И покатился снова со смѣху...

— Это тебѣ доставляетъ удовольствіе? спросилъ я.

— Да что же, братъ, дѣлать? Я недавно что: тутъ въ одной библіотекѣ бабы сидятъ, торгуютъ книжками; я забрался съ пріятелями, да такую штуку отмочилъ,—ахъ-ти мнѣ... Это что? Хочешь, я сейчасъ эту вазу шаркну.

Я молчалъ...

— Ты, можетъ быть, не вѣришь?

— Не вѣрю.

— Такъ я тебѣ докажу. Вьюгинъ схватился за вазу.

— Вѣрю, вѣрю, — кричалъ я.

Но ваза уже грохотала по крышѣ и потомъ дребезгами зазвенѣла на дворѣ, спугнувъ куръ и собаку. Вьюгинъ покраснѣлъ, и смѣхомъ хотѣлъ это спрятать.

Тоска душила меня.

Черезъ нѣсколько минутъ я прощался съ хозяиномъ; проходя по двору, я въ окнѣ увидѣлъ женскую фигуру. Это была старуха, съ сѣдыми локонами на вискахъ. Она грозила, провожавшему меня Вьюгину и улыбалась.

— *Сама!* — сказалъ онъ шопотомъ.

Мы разстались. —

Эти сцены, такъ быстро пронесшіяся другъ за другомъ, напомнили мнѣ сцены другія, — сцены печальныя. Мнѣ вспомнился Черепковъ въ бѣдной каморкѣ на Бронной; вспомнилась поголовная нищета всего нищенскаго населенія конуръ съемщицы Василисы. Здѣсь царствовала тѣснота, о чемъ свидѣтельствуешь *потолокъ*, на которомъ волоса Черепкова, во время ходьбы, расчистили копоть и нарисовали млечныя пути. Здѣсь царствовалъ голодъ, который только изрѣдка побѣждала Василиса, занимая у сосѣдки, черезъ улицу тарелку другойшей... И хоть щи эти, къ концу своего путешествія, едва не замерзали, все-же доброе дѣло Василисы цѣнилось вполнѣ.

При такой обстановкѣ застаемъ мы Черепкова. Положеніе его было печальное: не хватило у него заплатить въ университетъ. Сознавай, онъ, что университетъ разрѣшитъ его завѣтные вопросы, можетъ быть, пустился бы онъ на урокъ за десять всрсть, принялся бы переписывать бумаги по гривеннику за листъ... Но вопросовъ этихъ не было. Ихъ не было никогда, потому что не было любви ни къ чему: въ гимназій зубрилось и училось все потому, что впереди видѣлась послѣдняя страница книги, дальше которой зубрить нечего было; за концемъ этой книги виднѣлся университетъ. А здѣсь, — все! Что такое это было *все*, — неизвѣстно.... При-

слушиваясь въ эти минуты къ тоскованію своего сердца, — Черепковъ рѣшительно не могъ съ любовью вспомнить даже фигуръ своего отца и матери; въ дѣтствѣ онъ находился въ отношеніи къ нимъ въ такомъ же точнó положеніи, какъ человѣкъ наемнѣй; его опости, кормили, одѣвали, но сердце его не было влюблено въ ихъ слова, наставленія, страданія, лица и т. д. Чиновническій бытъ, который обстоятельствами поставленъ въ неизбѣжное положеніе, опираться въ существованіи своемъ, на неправыя дѣла, на неправыя, отталкивающія свѣжаго человѣка, убѣжденія, не могъ поселить въ сердцѣ Черепкова ни любви, ни отвращенія, онъ обезсилѣлъ его, сдѣлалъ апатичнымъ... Эта апатія не поднимала Черепкова и не гнала его куда-то, не заставляла его честно переносить страданія, ради осуществленія какой нибудь горячей привязанности своего сердца, и университетъ, такимъ образомъ, все уходилъ да уходилъ. Кругомъ была смерть или, по крайней мѣрѣ, медленное за́мерзаніе; ничто не подзадоривало, ничто не побуждало торопиться бѣжать... Всѣ обитатели квартиры Василисы, отъ самой хозяйки, до темной личности, проживавшей безъ прописки, все это жило на-авось. Но въ пользу этихъ людей нельзя не сказать, что и они когда-то хотѣли чего-то и боролись за что-то. У нихъ было, изъ рода въ родъ переходившее горе, и, можетъ быть теперешнее положеніе и возмож-

ность прокормиться — ихъ конечное счастье. Быть можетъ, эти грязные ухваты, сломанные самовары, даже званіе съемщицы и хозяйки, все это делали, обставляющія, когда-то мечтаемую, но теперь вполне осуществленную картину счастья... У Черепкова существовало одно желаніе — не быть въ такомъ подломъ положеніи, въ какомъ онъ находился. Есть *идь-то* такое житье, думалось-ему тогда, гдѣ не можетъ быть этихъ терзающихъ думъ. Гдѣ такое житье?—сказать невозможно... Но есть... Кто-то долженъ придти и дать счастье, или вообще счастье это придеть само... Идти за нимъ некуда; да и не видать, откуда начинается дорога туда...

Родина иногда рисовалась ему въ формѣ толстыхъ, сытныхъ пироговъ, и, являсь въ такомъ соблазнительномъ видѣ, терзала Черепкова еще страшнѣе. Голодъ и нищета играли имъ, какъ кошка мышью; въ то время, когда у него мерзли отъ холода ноги, и въ дирки сапоговъ глядѣли пальцы, стоило ему пройти по улицѣ, чтобъ не встрѣтить ни одной особы, которая страдала бы тѣми же недугами. Всѣмъ, казалось, было тепло... Когда желудокъ его неумолкаемо говорилъ трогательные монологи о помощи, и когда Черепковъ выходилъ на улицу развлечь сердитаго оратора, съ перваго же шага, если не попадался ему господинъ что-нибудь жевавшій, то, какъ на зло, казалось, что вся улица увѣшана вывѣсками: «свѣстная», «свѣстная». Черепковъ на-

чиналъ окончательно убѣждаться, что все вооружилось противъ него.

Между тѣмъ этотъ *кто-то*, отъ кого ждалось счастье — не приходилъ... И борьба Черепкова съ несмѣтнымъ полчищемъ враговъ, продолжавшихъ являться въ образѣ незнакомыхъ и терзающихъ думъ, росла, росла и становилась наконецъ невыносимою.

— Что вы все лежите? спрашивала разъ Черепкова Василиса.

— Да что жъ дѣлать-то?

— Какъ что? мѣстечка бы себѣ поискали... Баринъ вы молодой... ножки у васъ молоденькія, побѣгали-бы, поспросили.

— Куда же бѣжать?.. гдѣ, какія мѣстечки?..

— Мѣстовъ много... Вотъ позвольте, спрошу я, есть тутъ одна полковница... Любитъ она книжки читать... Старушка она, видитъ-то плохо, — ну и ищетъ такого человѣчка, который-бы читалъ ей... Я поспрошу.

— Спросите пожалуйста.

— Вотъ вамъ бы... Она молоденькихъ любитъ...

Василиса разузнала, распросила... Сходилъ Черепковъ и сталъ читать книжки полковницѣ. Дѣло сдѣлалось просто; сердце не лишалось ни одного изъ своихъ сокровищъ: ихъ и не было...

IV.

ФОКУСНИКЪ.

Только что рассказанная исторія приводитъ мнѣ на память другую провинціальную встрѣчу, которую я нахожу весьма умѣстнымъ рассказать здѣсь.

Было блестящее лѣтнее утро. По случаю праздника въ церквяхъ шелъ громкій звонъ, среди котораго особнно ярко выдавались вѣскіе и тягучіе удары соборнаго колокола; на улицѣ, куда выходили окна моего номера, по обоимъ тротуарамъ валилъ народъ; мѣщане въ новыхъ синихъ чуйкахъ, въ новыхъ картузахъ съ сверкавшими козырьками и въ блиставшихъ на солнцѣ сапогахъ съ бѣраками; чиновники съ женами въ фильдековскихъ перчаткахъ, и проч., и проч... Общее оживленіе праздничнаго дня пополнялось суматохой, происходившей посреди улицы: здѣсь опрометью мчались порожняки съ подгулявшими мужиками и разфранченными бабами; шло хлестанье лошадей, слышалась брань, скрипъ колесъ, изнемогавшихъ подъ напоромъ громаднаго воза сѣна, слышалось мычанье теленка съ прикрученной къ телегѣ головой...

Любуясь этой утренней суматохой, я присѣлъ на окно и закурилъ папиросу... На столѣ у меня весело кипѣлъ самоваръ. Въ эту минуту дверь въ

мою комнату пріотворилась и вслѣдъ за тѣмъ, сквозь образовавшееся отверстіе, высунулась рука съ бумагой, сложенной въ формѣ прошенія... Я только - что хотѣлъ было встать, чтобы рассмотреть тайнаго обладателя таинственной руки, какъ въ корридорѣ раздался строгій голосъ половаго, дверь захлопнулась и рука исчезла.

— Куда прешь? Куда прешь-то? бушеваль корридорный... Нѣтъ у тебя языка спроситься?

— Будьте такъ добры, извините, кротко говорилъ неизвѣстный посѣтитель.

— Видишь, никого нѣту, а прешь... Вашего брата здѣсь много пачается... Вонъ столовыя ложки пропали разъ...

— Помилуйте-съ! Мы не воры! Сохрани Богъ...

— Ну, этого намъ разбирать некогда, воръ ты, или ты какой благородный... сердито говорилъ корридорный, поплеывая на сапогъ и шаркая по немъ щеткой... Намъ этого, продолжалъ онъ, разбирать не время... У насъ вонъ двѣнадцать номеровъ... въ одной половинѣ... Всякому принеси саковаръ, да сапоги иной разъ вычисти... У насъ этого, братъ...

— Доложите по крайности! Сдѣлайте вашу милость...

— Такъ-то!.. У насъ этого нѣтъ, чтобы... А то преть не знамо куда У насъ благородные останавливаются... На каждой соринкѣ взыскиваютъ...

День-деньской какъ лошадь, прости Господи, ни тебѣ уснуть, ни тебѣ...

— Ива-а-анъ! загорланили на дворѣ.

— Тфу! Чтобъ вамъ... Расхватываетъ же ихъ чертей.

— Ива-а-анъ! Ты оглохъ?..

— Сейча-съ! О! о, чтобъ васъ разорвало... Сейча-асъ-съ!.. Давай бумагу-то,—швыркнувъ сапогъ въ уголь, заключилъ Иванъ и торопливо вошелъ въ мой номеръ.

— Вонъ бумагу принеси, сказалъ онъ, сунувъ ее въ мои руки. Почитайте ко-съ... Надо быть, на бѣдность просить... А ты, любезный,—говорилъ онъ въ корридорѣ,—ты въ другой разъ сказывайся... Намъ этого нельзя... Шутъ тебя знаетъ, воръ ты... Сейча-асъ! гаркнулъ онъ на дворъ и бросился по корридору.

Я развернулъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

*Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, на короткое время прибывшій въ г. Н., честь имѣетъ доложить высокопочтеннѣйшей публикѣ, что, имѣя искусство въ египетской, арабской, ефіопской, индѣйской, халдейской и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и привраковъ тайной и натуральной увеселительной магіи,— что давая оныя представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ,

съ аппаратами и безъ аппаратовъ, попури изъ міра чудесъ, кабалистика и чревоувѣщеваніе по весьма сходнымъ цѣнамъ; также индійское екскамонтирование, гирлянда розъ, — невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и пр.; и пр., и пр.. »

Въ концѣ было прибавлено, «лстя себя надеждой» и красовалась подпись: «Пиро, и, гидро, техникъ Капитонъ Ивановъ... Сего числа...»

Фокусовъ въ подобномъ родѣ было насчитано несмѣтное количество. Они до такой степени поражали своей магической нелѣпостью, что мнѣ смертельно захотѣлось поскорѣе и покорооче познакомиться съ ихъ авторомъ; кромѣ того, мнѣ было весьма интересно видѣть соотечественника, поднимающагося на такія штуки; интересно потому, что условія русской, и въ особенности провинціальной жизни, не могутъ быть, казалось мнѣ, столь печальными, чтобы заставить человѣка изъ-за насущнаго хлѣба ломать голову надъ гирляндою розъ и надъ попури изъ міра чудесъ... Да кромѣ того, таинственный чародѣй и ефіопскій магъ интересовалъ меня просто какъ Капитонъ Ивановъ, какъ бѣднякъ и, слѣдовательно, человѣкъ страдающій, видѣвшій кое-что на своемъ вѣку. и наконецъ, просто потому, что этого Капитона Иванова можно посадить на диванъ и напоить чаемъ...

Я такъ и сдѣлалъ. Капитонъ Ивановъ, робко и

поминутно раскланиваясь, вошелъ въ мою комнату. Таинственный магъ весьма походилъ на мѣщанина, о чемъ главнымъ образомъ свидѣтельствовала серебряная сережка въ ухѣ; лицо его не носило ни одной черты той плутоватости и даже подловатости, которая непременно отбѣняетъ фізіономіи всѣхъ маговъ, начиная отъ извѣстнаго волшебника и мага Кречинскаго, вплоть до воришекъ копѣчныхъ съ одной стороны, и вплоть до воришекъ сотенныхъ съ другой. У всѣхъ ихъ, при самой мастерской игрѣ фізіономіи, я всегда примѣчалъ въ глазахъ что-то такое, что заставляло меня подумать: «негодяй!» У господина же Иванова, кромѣ высокой кротости и робости, я ничто незамѣтилъ въ глазахъ. Чародѣй былъ маленькая фигурка, съ птицевидною фізіономіей и клинообразнымъ лбомъ, на который поминутно свѣшивалась прядь намасленныхъ ради праздника волосъ... Костюмъ, состоявшій изъ куртука, застегнутаго на всѣ пуговицы, и синихъ панталонъ, засунутыхъ въ сапоги, не говорилъ въ пользу его благосостоянія. Робость, проглядывавшая въ глазахъ мага, скоро выдѣлалась на свѣтъ Божій вполне, когда я предложилъ ему сѣсть и выпить стаканъ чаю. Онъ взялъ стаканъ и помѣстился съ нимъ у двери. Стоило громадныхъ усилій, чтобы наконецъ усадить его... Кое-какъ послѣ продолжительныхъ преній, онъ согласился и сѣлъ на кончикъ стула. Во все это время

онъ не забывалъ покашливать, закрывая ротъ рукою и поминутно потрогивалъ шею, запихивая за галстукъ мохры истерзанныхъ воротничковъ.

Надо было о чемъ-нибудь говорить...

— Давно вы занимаетесь этимъ? сказала я, не зная какъ назвать его профессію.

— Да, ужъ болѣ, пожалуй, пятнадцати лѣтъ, покашливая и потрогивая шею, заговорилъ магъ... Д-да-съ! Пожалуй, что поболѣ пятнадцати-то годовъ будетъ, все этимъ же мастерствомъ-съ продолжаю... Плохое вашскабродіе, наше занятіе-съ... Въ прежнее время точно что... Ну, а теперь...

Гость остановился, тряхнувъ головой.

— Теперь, что же?

— Теперь, вшскабродіе, тихо-съ!.. И даже такъ тихо, что вотъ какъ-съ, — хуже нѣтъ... Да что ни возьмите, вѣдь и повсюду такъ-съ. Тишина бѣдовая.

Ивановъ поднесъ ко рту полное блюдечко, откусилъ маленькій кусокъ сахара, отряхнулъ его надъ чаемъ, хлебнулъ и заговорилъ:

— Въ прежнее время-съ!.. Въ прежнее время бывало господа, которые случатся приѣзжающіе, или хоть и изъ жителей здѣшнихъ, въ прежнее-то время они вотъ какъ: «сдѣлай милость!» Съ великимъ удовольствіемъ... Да что ему? Онъ швырнетъ ассигнацію — и получай... Рубль-ли, два-ли, ему это и вниманія не стоитъ... Ну, а уже теперь...

тихо! Теперь, я такъ считаю, господамъ много дано заботъ-съ! Хлопоты-съ! все надо самимъ расчестъ: въ кое мѣсто! Такъ ли я говорю?

Я подтвердилъ.

— Въ теперешнее время посовѣстишься и рожу-то свою къ господамъ совать: стыдъ! Ежели вотъ теперь я къ вашей милости ~~достигаю~~ — то, ужъ истинно—вотъ куда подошло! Ей-ей-съ.

Гость мой вздохнулъ.

— Н-нѣтъ-съ!.. Это не то-съ! Въ прежнее-то время, я такъ замѣчаю, было веселье... Всякій желалъ, чтобы гдѣ какъ пріятнѣе, купецъ-ли, дворянинъ-ли, чиновникъ-ли, все онъ нюхаетъ, гдѣ-бы увеселенія, то есть, докопаться... Бывало зайдешь въ лавку, купцы промежду себя балуются, кто въ пашки, а кто простымъ манеромъ, ногу за ногу заплетутъ, да объ землю! Увидятъ меня: «А, шушвара, дескать, египетская (обнаковенно въ шутку); показывай живо!..» Въ тѣ поры, услышишь это-то, да бывало еще заламаешься!.. Потому твое не уйдетъ: купцы эти безъ тебя на возжахъ перевѣшаются... Всю эту исторію понимаешь, и бывало еще заламаешься.—«Показать мы можемъ, да вѣдь, господа, разному показанью разная цѣна!..»—«Показывай, кричатъ, лутчева!» А я, бывало, опять: «Лучшева! Этого, скажешь, можно, да опять и то надо знать—какой сортъ; есть, говорю, одно, есть и другое, а есть еще, говорю, и такое, что ужъ лучше его нѣту!»

— Этаго, кричать, самаго! Какого нѣтъ опаснѣй! Дѣлай! Помудренѣй!.. — Не будетъ-ли, скажешь, господа, накладно? Пять серебра, менѣе не беру?..» «—Дѣлай!» кричать, ну и дѣлаешь.

Я налилъ гостю другой стаканъ чаю; онъ подвинулъ его къ себѣ, вытеръ ладонью запотѣлый лобъ и спряталъ за ухо свѣсившуюся прядь волосъ.

— Бывало, продолжалъ онъ, какое ото всѣхъ почтеніе! Истинно говорю—умереть не лгу, идешь бывало по улицѣ-то—только шапку сымаешь, только сымаешь: «--А! Ивановъ! Капитоша! зайди долбони рюмочку!» «Эй! другы! сдѣлай штучку...» — «Что дашь!» — «Что угодно!» Ей, ей-съ! Инче и господа, а обращались въ лучшемъ видѣ... У купца, у Псунова, у одного сколько я денегъ перебралъ, кажется, смѣты нѣтъ!.. Въ прежнее время у него въ домѣ — Садомъ-Гаморъ: турокъ-ли, арапъ-ли какой, позорамщикъ, всякій, всякій къ нему шоль... И что только творилось!.. Музыканты играютъ, обезьяны учения скачутъ, кто на флейтѣ, кто на кларнетѣ, кто фокусы показываетъ, кто колесомъ ходитъ—ну, то есть, столпотвореніе было!.. А Псуновъ-то этотъ лежитъ бывало въ одной рубахѣ на диванѣ, только покрикиваетъ: «Эй, ребята, проворнѣй!» И я тутъ же толкусь... Нѣтъ-нѣтъ, и на мою ладонь что-нибудь капнетъ: все дай сюда! Все ребятишкамъ...

— Вы женаты? не безъ ужаса перебилъ я..

— Какъ-же-съ! съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ гость. Какъ-же-съ, ужъ у меня, слава Богу, старшему сыну четырнадцатый годъ, какъ-же-съ! Слава Богу... Изволили читать бумагу-то? Афишку мою? Все онъ-съ!.. И преотличнѣйшій почеркъ!.. Да-ась, благодаренъ за это... Одно только и утѣшеніе, что—семья... По крайности за нее отбиваешься... Ну и жена, дай Богъ ей здоровья, любитъ меня... Д-да! И даже такъ любить, что — на рѣдкость!.. Собили было мнѣ невѣсту и съ денгами, и изъ чиновничьяго званія, да подумаль, подумаль я, что я съ ней, съ благородной-то буду дѣлать? Думаю — Богъ съ ними и съ деньгами!.. Взялъ простенькую сироту, и слава тебѣ Господи, благодарю моего Бога, живемъ дружно... Да опять всегда ужъ у меня дома горшокъ щей-то найдется, съ голоду не умру... — «Когда же это, говоритъ, Капитоша, мы съ тобой разбогатѣемъ!» — «А вотъ, говорю, погоди... Скоро!..» (Разсказчикъ усмѣхнулся и прибавилъ): Да вѣдь, что будешь дѣлать-то! Откуда взять? Ну, и посмѣемся, пошутимъ съ горя-то!.. И какое ей, то есть супругѣ-то, Господь даль терпѣніе. Ей-ей! Теперь вы возьмите наше житье: вотъ эдакую конурку мы въ-четверомъ занимаемъ; стряпущей печки у насъ нѣту—лежанка; понадобится иной разъ что-нибудь съѣдобное, идемъ просить хозяйку... «Позвольте, дескать, намъ гор-

щечикъ въ вашей печи поставить...» Такъ они, хозяйева-то, жену мою — ужъ они ее! «И нищая! и когда вы передохнете; вы, говорить, съ дьяволомъ знакомы...» Та все молчить... Только отъ хозяйевъ намъ и названіе одно: «трубалеты». Дѣвченки у нихъ, у хозяйевъ-то есть, такъ и тѣхъ разнымъ словамъ научаютъ... Идетъ сынъ мой, а они ему: «трубалеть, трубалеть!» Жена моя подзываетъ его и говорить: «А ты ей скажи...» Онъ и скажи!.. — «Ты трубалеть!» А сынъ-то: — А ты, говорить... Прибѣжали хозяйева—ва-айна! Какъ вы смѣете такимъ пакостнымъ словамъ дѣтей учить? Долой изъ нашего дому!.. А долой, такъ долой!

Гость мой вздохнулъ.

— И съѣхали!.. Да нешто въ первый разъ!.. Ну, а какъ же, позвольте васъ спросить—неужтожъ за свое кровное-то не заступиться? Вѣдь это вонъ и животная какая-нибудь, и та любить свое нарощеніе. А ужъ мы-то съ женой, сами не ѣдимъ, да имъ даемъ!..

— И-и, да сколько я защиты отъ супруги моей видѣлъ, кажется и пересказать нельзя... Только за ея сердцемъ и живу... И что только не перемучилась она! Однажды, помню объ Рождествѣ, объявляютъ наборъ... Военное время было въ тѣ поры; на военномъ положеніи... Я этого ничего не знаю; приглашаютъ меня къ купцу Тюрину — вечерокъ увеселить... Перекрестился, поблагодарилъ

Бога, пошелъ къ нему. Все благополучно... Играю я, такъ-то, фокусы — очень мною господа довольны, хозяинъ два рубли серебромъ дали, я ничего не знаю; продолжаю свое дѣло, только подходить ко мнѣ господинъ Премудровъ, чиновникъ. — «А тебя, говоритъ, Капитонъ, вѣдь въ солдаты...» Какъ такъ! говорю... Задрожаль я весь, себя не помню... — Я, говорю, вашескородіе, одиночка. — «Велѣно, говоритъ...» Помутилось у меня въ глазахъ, хочу-хочу фокусъ показать, пальцы окоченѣли, языкъ какъ палка, ничего не могу. Принужденъ я объявить — такъ и такъ, говорю, почтениѣйшіе господа, не могу далѣе продолжать. Прошу васъ, будьте такъ добры, извините... По болѣзни...» Собралъ кой-какую механику (это для фокусовъ надобна она), собралъ механику, бѣгу домой... Рассказалъ женѣ. Плачемъ мы, горюемъ: какъ быть, куда дѣться? Надумали мы къ ея брату сходить; говоримъ такъ и такъ. Жена въ ноги. Я за ней. Надо намъ, говорю, братецъ, охотника нанять: я жену оставить не могу. Женщина больная, безъ мужчины ей быть трудно... Началь братъ думать; думали, думали, придумали домъ заложить. Прѣшло времени дни съ два. Изъ управы присланъ буточникъ: требуютъ черезъ полицію — въ губернское правленіе... Пошолъ я тутъ къ одному просить: Нельзя ли какое нибудь пособіе оказать? — Знакомые купцы говорятъ: Не робѣй, Ивановъ,

выкупимъ. Пущай, говорятъ, тебя и забрѣютъ, все же тѣмъ временемъ ты подыскивай охотника, мы его окупимъ, что будетъ больше сотни — наше!» Порѣшили мы съ женинымъ братомъ къ закладчику ѣхать; надо-жъ на первое-то время съ охотникомъ пока сладить, хоть сколько-нибудь капиталу. Да опять и сто серебромъ надобно раздобыть. Порѣшили мы съ нимъ ѣхать, а денегъ-то на дорогу ни у него, ни у меня нѣту. А ѣхать надо было за четырнадцать верстъ, въ засѣку. Засѣчный сторожъ подъ залогъ денегъ дать обѣщался... Ѣхать, ѣхать—а ѣхать не съ чѣмъ. Сейчасъ жена—самоваръ по боку, приноситъ три серебра — зелененькую... Наняли мужика, поѣхали. Къ вечеру добрались къ закладчику, начинаемъ разговоръ:

— Такъ и такъ, говоритъ братъ, не возьмете-ли домъ подъ залогъ. Домъ новый, всего десятый годъ строенъ.

— Надо, говоритъ, поглядѣть.

— Да помиуйте, говоритъ братъ, вотъ купчая, здѣсь, говоритъ, и прописано въ которомъ году, и въ плантѣ сказано... А ѣхать ежели угодно, то и ѣхать можно, только нельзя-ли намъ сколько нибудь подъ залогъ этого плану и купчей?.. Намъ, говоритъ, завтешняго числа въ присутствіе къ приему надо, такъ потребуются деньги...

— «Нѣтъ, говоритъ, надо посмотрѣть... Я такъ, отъ роду подъ бумагу денегъ не давалъ»...

— Что ты будешь дѣлать? Поѣхали въ обратъ. На завтра мнѣ и лобъ забрили... Прихожу домой некрутомъ! Ахъ вашскабродіе, какъ въ то время сердце мое разрывалось!... Вѣрите-ли?... Н-но, думаю, все Богъ! Пошолъ къ этимъ купцамъ, что помочь-то собирались мнѣ дать, пошолъ къ нимъ:

— Вотъ, говорю, господа купцы, каковъ я сталъ!.. на солдатскую шинель указываю... Неужтожъ не будетъ у васъ никакой защиты!—«Будеть, будетъ, говорятъ, Ивановъ: ищи охотника...» Стала жена рыскать — охотника исвать. Я тѣмъ временемъ ужъ и на переключку началъ ходить и артикуль солдатскій справлять; приду бывало подъ вечеръ домой-то, вѣрите-ли какъ сердце замретъ: поглядншь кругомъ — бѣдность, а жилъ-бы не разстался!... Ей-ей... Подходить время къ походу — двѣ недѣли сроку осталось, подходит время изъ дому уходить, а охотника нѣтъ, какъ нѣтъ!... Наконецъ того — подыскали! Дешевистъ — необыкновенная: три дня гулять и пятьдесятъ серебра при походѣ... Пошолъ къ этимъ купцамъ знакомымъ, прихожу, къ одному говорю: — Нашолъ охотника!.. Не будетъ-ли отъ вашей милости, что пообѣщали- -«Изволь, говорить; и подастъ красную... Я говорю: что-жъ это такое? Я говорю на одно гулянье сто-то серебромъ долженъ пзхарчить, гдѣ жъ, говорю, вашскабродіе, еще-то добуду?... Вѣдь не сегодня — завтра походъ?... «Толконись, говорить, другъ, къ другимъ!... Пошолъ

я къ другимъ, у одного деньги не дома, другой говоритъ: я, думаль, говорить, мѣсяца чѣрезъ два, третій просить: «подожди!» Нѣтъ мнѣ ни откуда пособія!.. Были десять цѣлковыхъ; охотникъ пристаётъ съ гуляньемъ, истратилъ ихъ до копѣечки!.. Гдѣ-то, ужъ Господь его знаетъ, женинъ братъ, дай ему Господи много лѣтъ здравствовать! И всякаго ему отъ Бога благополучія! Гдѣ-то раздобылъ онъ сотенную, сейчасъ мы охотнику пятьдесятъ по уговору, и три дня съ нимъ гуляли!.. И какая у насъ съ женой радость была въ ту пору!.. Радовались мы такъ-то, подходитъ время охотника къ приему вести, а онъ и глазомъ не моргнетъ!.. Я говорю: какъ это такъ? Ты, говорю, деньги взялъ, уговоръ былъ охотой!.. За это, говорю, и начальство вступятся!.. Силой возьмутъ да представятъ въ присутствіе .. «Ну, это, говорить, наврядъ!.. Меня, говорить, и по закону въ охотники нанимать нельзя: я дьячекъ! У меня семья!.. За меня ты, говорить, самъ еще тыщу разъ въ солдаты пойдешь!..» Стали у чиновниковъ спрашивать, такъ и есть, нельзя! а подошло время, черезъ два дни походъ!.. Царь небесный! Воемъ день. На другой день къ вечеру, накануне, значить, быть походу, стало мнѣ легче! Легче, легче, и совсѣмъ повеселѣ!.. «Маша, говорю, семъ я къ господину откупщику схожу, фокусовъ сыграть, и можетъ быть, между прочимъ, Господь мнѣ поможетъ!..» Дѣло было на масля-

ницу: надѣваю я, для интересу, турецкое челмо, и такой балахонъ; туркой наряжаюсь. Смотрить на меня супруга и говорить: «Семъ, говорить, Иванычъ, я и себѣ челмо надѣну! Можетъ быть, говорить, господинъ откупщикъ сжалятся надъ нами, когда увидятъ, что мужъ и жена однимъ мастерствомъ живутъ; можетъ онъ не захочетъ насъ, говорить, разлучить?..» — Матушка моя, говорю: ты въ такомъ теперича положеніи — она въ то время въ такомъ положеніи была-сь, — ты говорю, въ такомъ положеніи, для чего тебѣ натруждать себя?..» «Ну, говорить, за одинъ разъ! Либо, говорить, жизнь — либо смерть!..» Надѣваетъ она на себя челмо турецкое, шаль (платокъ такой, ковровой-сь), шаль эту черезъ плечо, по-цыгански. Пошли!.. Идемъ, идемъ, да заплачемъ оба, въ челмахъ-то этихъ! Идутъ люди, глядятъ на насъ и говорятъ: — «Съ чего это два турки плачутъ?» Приходимъ къ откупщику. — Какъ объ васъ доложить? — «Ивановъ, говорю съ супругой!..» — Принять! Входимъ мы въ залу, гости... Страсть гостей!.. Откупщика Родивонъ Игнатьича, я зналъ, и онъ меня тоже знавалъ... «— А, говорить, ну, дѣлай!» Начинаю я дѣлать фокусы, сердце такъ и стучить: завтра въ солдаты!.. Дѣлаю фокусы, господа смѣются, довольны. «А это, кто же съ тобой? — Родивонъ-то Игнатьичъ говорить. «А это-сь, говорю, жена моя, супруга.. «Что же, говорить, и она по этой части

можетъ...» Я молчу. Можете вы, душенька? (У жены-то спрашиваетъ..)

— Могу-съ, говорить.. (Вижу бѣ-ѣлая...)

— Такъ пройдите, говорить, «по улицѣ мостовой.»

Маша сейчасъ голову къ низу, руки надъ головой согнула, и поплыла... Да вѣдь какъ-съ! Откуда что взялось!.. Барышня по фортопьянамъ вдарили, а она-то плыветъ, извивается... Ахъ! замерло у меня сердце! Тутъ зачали господа трепать въ ладоши. Приотлично, кричатъ, превосходно! еще! еще!.. А она и еще того лучше.. Не удержался я, такъ у меня слезы-то полились, полились, капъ, капъ... Радивонъ Игнатъичъ кричитъ:— «Это что? на масляницѣ-то? У меня въ домѣ?..» Я въ ноги! Маша гдѣ плясала, тутъ и на колѣнки повалилась!.. Что, что? какъ-какъ? Разказали мы.— «Одна надежда на вашу милость!.. Завтра на войну... жена... дѣти.» Не робѣй, говорить. Вотъ тебѣ... (И выносить 200 серебромъ). Поминай на молитвѣ.

— Чуть я въ то время съ ума не сошелъ... Бѣжимъ мы по улицѣ ровно угорѣлые... Люди идутъ: «Вонъ, говорятъ, турки побѣжали. Эко у насъ, ребята, турокъ развелось тьма-тьмушая... Это, говорятъ, плѣнные!» А это мы съ супругой весь городъ обѣгали... Бѣжимъ, земли не слышимъ... Исторія было случилась на дорогѣ, въ другой разъ въ полицію бы потащилъ, а тутъ только шибче побѣгъ...

— Какая исторія? спросилъ я.

— Да такъ-съ, свинство, необразованность... Ну, идемъ мы съ женой это, какъ я вамъ доклады-валъ. Попадаются два пьяныхъ, прямо противъ насъ устались. Одинъ подходитъ ко мнѣ: «Въ какомъ вы, говоритъ, правѣ турецкія челмы носить?..» Я ему шуткой въ отвѣтъ:—А потому говорю, какъ мы турецкаго нарѣчія.—«А въ какой вы, говоритъ, землѣ находитесь, въ православной или въ какой!»—Мы, говорю, здѣсь плѣнные.—«А когда, говоритъ, вы наши плѣнные то...» Да, съ этими словами ка-а-къ!.. вотъ въ эту самую кость! (Гость показалъ на собственный високъ.) Мы съ женой—драла! Ну, вотъ-съ и все! Тѣмъ и пошабашали... А на другой день и вольникъ подвернулся, мигомъ сдали...

Гость потеръ свомканнымъ ситцевымъ платкомъ собственный носъ и, запахнувъ платокъ въ боковой карманъ, продолжалъ.

— Вотъ-съ такъ и живемъ! Только черезъ семью и дышу.. И точно: Не оставляетъ Господь! Въ холерѣ былъ—живъ остался. Въ солдаты было взяли, нашлись добрые люди—выкупили. Слава Богу! Не пожалуюсь! Благодарю! И теперь ужь, на что время, сами знаете какое?.. а живу! сытъ!.. Что дальше, Богу извѣстно. А пока ничего, слава Богу и за это!.. А что, вашескородіе, вижу я у васъ на ойнѣ посуду одну... Семъ я ее трону маленечко?

Я изъявилъ полное согласіе. Гость мой выпилъ стаканъ вина, отеръ рукавомъ губы и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ-съ, трудно, трудно нашему брату въ теперешнюю пору... Ой тяжело!..

— Отчего-жъ вы, спросилъ я, выбрали такое странное занятіе, фокусы?..

— Да вѣдь выберешь и не такое—коли сюда подойдетъ (гость указалъ на горло): Родители-то наши объ насъ не думали, когда на свѣтъ нарождали. Но я не ропщу! Видитъ Богъ!.. Маменька тоже и свою чистоту должна соблюдать... Извольте видѣть какъ было: Маменька-до, были дѣвицы... А у нихъ на квартирѣ семинаристы жили... Вотъ одинъ былъ, Иваномъ звали... Черезо-все это и вышелъ Капитонъ Иванычъ... Извольте понимать? Ну-съ, такъ вотъ они меня и отдали на воспитанье въ чужіе люди... Помню — десяти годовъ я былъ, мать меня отъ чужихъ взяли и къ себѣ въ домъ помѣстили... И жалко-то ей, и опасно... Въ ту пору за нее женихъ сватался. Ну и неловко... Призоветь, бывало, меня съ уллицы, хочеть азбукъ поучить; скажетъ: «азъ буки». А калитка стукъ. — женихъ идетъ... Меня вонъ. «Спрячься на погребцу...» И сидишь. Да не одинъ женихъ мѣшагъ, чуть кто-нибудь и изъ своихъ ежели случится, все опасаются и вонъ посылають.. Вижу: и горько-то ей, и не можешь никакъ пособить... Разъ гостила

у насъ полгода тетка матушкина, такъ меня цѣ-
лые полгода изо двора во дворъ гоняли... Какъ
видишь: стемнѣло, домой; а матушка ужъ въ саду
у забора дожидается и ѣду принесла. Ёмъ я, а
она стоитъ да заливаётся, потомъ, того, уложить
въ банѣ спать, перекрестить, посидить еще, по
плачетъ и пойдеть... А чуть-свѣтъ я опять драла;
гдѣ-гдѣ не шатаюсь! Вотъ тутъ-то я и въ искус-
ство началъ входить... Настоящей науки-то, то есть
читать-писать, не имѣлъ, мастерства никакого не
зналъ, а во всемъ нуждался. Вотъ я и рѣшилъ по
волшебному мастерству пойдти... Сталъ со всеими
проѣзжающими артистами знакомства заводить, сталъ
примѣчать... Они меня куда-нибудь пошлютъ, я за-
мѣсто того прошу секретъ мнѣ растолковать. Вотъ
такъ и началось.. По перву-то началу трудно мнѣ
было. Языки у этихъ, у иностранцевъ, чудные, ни-
чего не разберешь. Ну а потомъ сталъ привыкать,
помаленьку да помаленьку, да теперь и достигъ...
Съ кѣмъ вамъ будетъ угодно — могу разговари-
вать. Нѣмецъ-ли, французъ-ли, арапъ-ли.

— И по-арабски?

- - Да какъ-же-съ? Какъ же съ арапомъ-то го-
ворить?.. Обыкновенно по ихнему, по арабскому на-
рѣчю говоришь; гора-дара, кара-бара, онъ ужъ и
понимаетъ .. А что, скажешь ефіопу-то этому, съ
мы по рюмочкѣ кольнемъ?.. бара, бара!.. А когда,
бара, такъ нечего и разговаривать. И выпьемъ...

Пустое нарѣчіе. И можно даже сказать, что въ нашей землѣ эти разные языки ничего не стоятъ. ежели въ нашу сторону попалъ, то свой языкъ долженъ забыть. Потому, у насъ первое дѣло: городничій; ты ему хоть по-каковски разсуждай, а все же долженъ на гербовой бумагѣ прошеніе подать... Это разъ. И опять же Иванъ Филипычу два съ половиной ты отдай. На какомъ тутъ языкѣ не лопочи, а ужъ онъ съ тебя требуетъ: у него разбору нѣтъ: арапъ ты или же ты нашъ православный. Цѣна одна для всѣхъ. Такъ-то-съ.

Разсказчикъ на время приостановился.

— Такъ, докладываю вамъ, продолжалъ онъ, вздохнувъ, такъ я отъ дому и поотбился... А тутъ мать замужъ вышла. Былъ мнѣ двѣнадцатый годъ въ ту пору... На двадцать-второмъ годикѣ началъ я, въ первый разъ, отъ себя представленія давать: черезъ два года женился. Да такъ и живу. У маменьки-то ужъ дочери невѣсты; за благородныхъ выдала двухъ, третья при ней... Одинъ сынъ въ Санктпетербургѣ, въ военной службѣ — офицеръ. Кое-когда слухи доходятъ; къ маменькѣ иной разъ зайдешь съ задняго крыльца, пирога вынесешь, поцалуетъ въ лобъ, заплачетъ и скажетъ, «ступай!» Сестры-то и знаютъ кто я, но виду не показываютъ. И я на это не обижаюсь, истиннымъ Богомъ говорю. Кто я? Сказано: непѣтый куличъ никто ѣсть не станетъ, такъ и я... Ежели они со мной передъ людъ-

ми знакомство выкажутъ, тотчасъ-же мораль объ нихъ пойдетъ. Лучше-же я ихъ оставлю. Дай имъ Господи всякаго благополучія. Сказывали ужъ и за младшей женихъ присватывался, дай ей Богъ!... Истинно — отъ души! И родителя тоже рѣдко вижу... Издали только шляпу потрогиваетъ, когда видить, что я ему кланяюсь... Чуетъ мое сердце, хочется ему мнѣ словечко сказать, ну, да званіе ему не дозволяетъ... Такъ я одинъ съ семьей и треплюсь. Однажды только военный-то братъ, что въ Санктпетербургѣ, забѣжалъ ко мнѣ... Ужъ истинно осчастливилъ: какъ же-съ, сами посудите, благородный человѣкъ, самъ и розыскивалъ меня по всему городу!.. Только и это дѣло у насъ не поладилось. Обрадовался я ему и послалъ тихонько за водкой. Надо же чѣмъ-нибудь человѣка понять? Сидимъ мы съ нимъ въ саду, толкуемъ.

— Позвольте, говорю, жену я вамъ свою покажу?..

— Я ее, говоритъ, видѣть не могу... Она погубила тебя... Ты опустился, упалъ.. Я, говоритъ, и шоль затѣмъ, чтобы тебѣ это сказать... Ты долженъ, говоритъ, бросить жену...

Я руками и ногами. А въ это время — несутъ водку. Братецъ мой осерчалъ, и весьма осерчалъ...

— Ты, говоритъ, пьяница! Я хотѣлъ, говоритъ, тебя поднять, а ты, свинья...

— Помилуйте, говорю, братецъ! Вѣрьте Богу, истинно отъ души!

— Нѣтъ, нѣтъ, говорить, я вижу... Это въ васъ самихъ, говорить, сидитъ подлость-то! Хочешь разъяснить ему, а онъ водку!.. Свинья!..

— Да, братецъ, говорю...

— Нѣтъ, ты, просто, говорить, свинья, свинья и свинья.. До свиданья! Прощай!.. Хлопнулъ калиткой и былъ таковъ.

Такъ я больше никого и не видалъ изъ родныхъ у себя... Точно, грустно иной разъ бываетъ, всѣмъ оставленъ, ну да за то семья, истинное утѣшеніе...»

Гость замолкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, стоя у окна, я видѣлъ, какъ господинъ Ивановъ плелся по тротуару. Шелъ онъ тихо, заглядывая во внутренность лавокъ и остановился у дверей фруктоваго магазина. Я видѣлъ, какъ лысый купецъ взялъ у него изъ рукъ бумагу, посмотрѣлъ, сложилъ опять и возвратилъ, махнувъ рукой. Ивановъ вѣжливо раскланялся и поплелся дальше.

БУДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ,

I.

ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

Уличная жизнь Москвы днем разнообразна до такой степени, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности съ должною отчетливостію передать или опредѣлить всѣ мельчайшія подробности, которыя составляютъ эту удивительную уличную суматоху, ежедневно происходящую въ центральныхъ улицахъ города. Московскій полдень отличается особенно оживленною дѣятельностію, особенною толкотнею: Спасскіе часы даютъ гостинодворцамъ сигналъ къ началю чаепитій, и въ эту пору московскіе трактиры биткомъ набиты; лавки гостиного двора запружены покупателями разныхъ половъ и возрастовъ, Красная-Площадь заставлена тысячами экипажей... Словомъ, въ эту пору, во всѣхъ главныхъ торговыхъ центрахъ Москвы идетъ суетня и давка. Если вы непоставлены въ необходимость, изъ за какихъ нибудь собственныхъ интересовъ, переносить туманы и пинки, которыми награждаетъ васъ московская уличная толпа, то

вы недолго будете любоваться этой разнообразной картиной толкотни и пожелаете отдохнуть гдѣ-нибудь среди свободы и тишины. Москва не скучится и здѣсь: она даетъ болѣе, нежели вы желаете, она предлагаетъ вамъ замѣчательные свои бульвары. Петербургъ не имѣетъ понятія о московскихъ бульварахъ: тощія аллеи скверовъ Конногвардейскаго бульвара и убогія липы Васильевскаго острова—все это пародія на ту прохладу и тѣнь, которыми въ изобиліи надѣляютъ васъ почти всѣ московскіе бульвары.

Взглянувъ на планъ Москвы, вы увидите въ центрѣ его довольно правильный кругъ зеленаго цвѣта,—это бульвары: они зеленымъ кольцомъ охватываютъ лучшую часть города, представляя длинную, на нѣсколько верстъ тянущуюся аллею липъ и кленовъ; каждый изъ нихъ носитъ свое названіе: Никитскій, Тверской, Страстной, Петровскій, Рождественскій и такъ далѣе. Кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣетъ непременно какія нибудь характерныя особенности. такъ, на примѣръ, Тверской замѣняетъ въ Москвѣ Лѣтній садъ и Невскій проспектъ. Кривой и ухабистый Кузнецкій мостъ представляетъ мало удобства для прогулокъ. Служа спеціальнымъ пунктомъ для гуляній, Тверской бульваръ выметенъ, вычищенъ и усыпанъ пескомъ; здѣсь есть изящныя скамейки для сидѣнья и кафе-ресторанъ. Въ послѣднее время, противъ ресто-

рана устроили какое-то унылое подобіе фонтана: ни одной капли воды намъ никогда не удавалось увидѣть въ его бассейнѣ. Это обстоятельство, однако, ничуть не уменьшаетъ значенія Тверскаго бульвара, и исконная публика его продолжаетъ свои прогулки по немъ, съ прежнею неизмѣнностью.

Да, Тверской бульваръ имѣетъ своихъ коренныхъ, исконныхъ обывателей: нигдѣ, кромѣ Тверскаго бульвара, я не могъ отыскать людей, которые сьумѣли бы цѣлые часы проводить молча, уставившись тусклыми глазами въ одну точку; на Тверскомъ бульварѣ такіе люди есть; коляски ждутъ ихъ у одного изъ выходовъ по цѣлымъ часамъ, а господа этихъ колясокъ, тоже по цѣлымъ часамъ, наслаждаются безмолвіемъ и тишиною; правда, неподвижность ихъ можетъ быть оправдана тѣмъ, что большинство изъ нихъ еле передвигаетъ ноги.

Здѣсь же на Тверскомъ вы увидите степнаго помѣщика, надъ которымъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, подсмѣивались и подтрунивали доморощенные водевилисты: вы увидите его въ томъ же уродовскомъ, стариннѣйшемъ костюмѣ, который казался страннымъ двадцать лѣтъ тому назадъ; здѣсь этотъ костюмъ ничуть не удивитъ васъ, потому что утренняя, такъ сказать, фізіономія Тверскаго бульвара рѣшительно немислима безъ него... Кромѣ его, вы увидите здѣсь княжонъ Хрюминыхъ съ дубино-образными лакеями назади; Ска-

лозубовъ, раненыхъ при Синопѣ и не забывшихъ очаровательной ловкости въ моменты подергиванія, покручиванія и потягиванія своихъ, карихъ или черныхъ какъ смоль, усовъ... Вы увидите здѣсь Расплюевыхъ, разодрѣтыхъ на живую нитку, сверкающихъ мѣдными, ярко вычищенными цѣпочками несуществующихъ часовъ и поджидающихъ какую нибудь юную особу, предназначенную провидѣніемъ къ проигранію въ пухъ и прахъ только что полученнаго наслѣдства; наконецъ, вы видите и эту несчастную жертву, съ стеклышкомъ въ блѣдномъ глазу блѣдно-зеленаго лица.

Ничего подобнаго, однако, вы не увидите на другихъ московскихъ бульварахъ: одни изъ нихъ безжизненны и пустычны, какъ напр. Страстной; другіе же, если и имѣютъ собственную публичку, то публика эта ничуть не можетъ поравняться съ публикою Тверскаго бульвара... Въ этомъ отношеніи особенно характеристиченъ Цвѣтной бульваръ, населенный и дѣятельный только ночью; днемъ, подъ ободранными деревьями этого бульвара, въ обломанныхъ и общипанныхъ кустахъ, видны нѣсколько спящихъ фигуръ обоого пола, съ раскрытыми и багровыми лицами; кромѣ ихъ, днемъ на Цвѣтномъ бульварѣ изрѣдка показываются покупатели гераній и левкоевъ, да тоскуютъ одинокіе саешники въ ожиданіи охотниковъ до печонокъ, тухлыхъ селедокъ и рыбы. Ночью же дѣла прини-

мають другой оборотъ... Да и вообще ночью совершенно измѣняется вся фигура Москвы.

Часовъ съ девяти вечера въ лѣтнюю пору, трескъ колесъ начинаетъ понемногу затихать; облака пыли, поднявшейся надъ городомъ, обрисовываются особенно отчетливо и ужасаютъ своею громадностію; повсюду слышенъ стукъ лавочныхъ засововъ и замковъ, повсюду видны фигуры купцовъ и мѣщанъ, молящихся на золотые кресты церквей. Всѣ, пошабавшіе съ дневными торговыми заботами, и помолившись московскимъ крестамъ, весело направляются въ трактиръ, позвякивая связкою ключей.

Трактиры снова кишатъ усиленною жизнью. Въ растворенныя окна льются горластыя звуки органовъ; вездѣ раздаются пѣніе арфистокъ и цыганъ, съ присвистами и прискоками отхватывающихъ «тройку сѣроцѣгихъ, ахъ! что-ли, лошадей!» или «ты почувствуй!» Ликованію Москвы въ эту пору нѣтъ границъ. Даже чинный и благопристойный Тверской бульваръ въ эту пору принимаетъ, наравнѣ со всею Москвою, общій ликующій оттѣнокъ. Онъ весь затоцленъ молодежью обоого пола; по боковымъ аллеямъ мелькаютъ толпы бѣлошвѣекъ, въ жиденькихъ платьицахъ, съ жиденькими косынками на головахъ. За ними поспѣваютъ торопливою поступью разные искатели приключеній. Кое-гдѣ затѣваются скандалы, раздаются легкія по-

щечины; но первенствующій отѣнокъ любви, господствующій въ эту пору, не въ примѣръ другимъ отѣнкамъ ликованія, уничтожаетъ эти маленькіе недостатки...

Прогулки совершаются попарно. Скамейки заняты также парами... Идутъ разговоры:

— Единька, — говоритъ швейка юному сосѣду въ кэпи — знаете, какую я вамъ скажу новость?

— Нѣтъ, не знаю...

— Самая послѣдняя мода-сь...

— Какая же?

— Вы будете смѣяться...

— Ну, не говори; какъ хочешь.

— Нѣтъ, голубчикъ, знаете что я вамъ скажу...

У меня за ваше здоровье лампадка горитъ...

— Неугасимо?

— Ей Богу, неугасимо... Голубчикъ! Молитесь вы Богу!.. Ну, я васъ прошу, душечка!..

Юная, и нерѣдко обманутая прелестными вечерами Тверскаго бульвара, любовь, приютилась на Цвѣтномъ бульварѣ; и, обезображенная нищетой и развратомъ, выползаетъ на свѣтъ Божій только по ночамъ, до бѣла свѣта покидая гнилыя подземелья грачевской палестины. Цвѣтной бульваръ оживаетъ часовъ съ одиннадцати ночи; въ эту пору онъ наполняется толпами женщинъ известнаго свойства, оборванныхъ, наглыхъ, неотвязчивыхъ. Дѣянія грачевской палестины и днемъ

и ночью вообще такого сорта, что человекъ свѣ-
жій, и въ особенности петербуржець, привыкшій
видѣть порядокъ въ самыхъ безотраднѣхъ ве-
щахъ, будетъ изумленъ созерцаніемъ грачевскихъ
сценъ. Разъ намъ пришлось видѣть одну изъ та-
кихъ сценъ: дѣло происходило въ глубокую осень,
вечеромъ. На углу Грачевки и одного изъ множе-
ства переулковъ, пересѣкающихъ ее—происходила
драка двухъ женщинъ. Онѣ копошились въ глу-
бокой лужѣ, образовавшейся отъ оттепели, и со-
брали вокругъ себя большую толпу зрителей, молча
наблюдавшихъ за бойцами, царавшими, тоже мол-
ча, лица другъ друга. Когда бой усилился до высшей
степени, одинъ изъ зрителей выхватилъ у изво-
щика кнутъ и началъ имъ стегать бойцовъ по
чемъ ни попало. Но женщины кажется не слышали
этихъ ударовъ...

Вообще, зная свойства грачевской палестины
Цвѣтнаго бульвара, ни одинъ москвичъ, остере-
гающійся дракъ и скандаловъ, не пойдетъ здѣсь
ночью; обитательницы его безцеремонно обходятся
съ тѣми личностями, которыя, тоже вмѣстѣ съ темно-
тою ночи, выползаютъ сюда. Личности мужескаго
пола, появляющіяся здѣсь ночью, предназначены
исключительно для разнаго рода похищеній и уголов-
щинъ, и поэтому не пугаются безцеремонности буль-
варныхъ дамъ... Повсюду слышится хохотъ, громкій
говоръ осипшими голосами, ругательства, произноси-

мыя отъ скуки, въ шутку, по привычкѣ, и проч. и проч. Крики: «караулъ!» «разбой!» «батюшки!» «городовой! городской!» и проч. вовсе не диво здѣсь, даже среди бѣлаго дня, тогда какъ въ болѣе благоустроенныхъ частяхъ Москвы они начинаютъ бушевать, никакъ не ранѣе девяти часовъ вечера. Впрочемъ, полный просторъ для бушеванія этихъ криковъ—глубокая московская полночь. Въ эту пору тишина царитъ поразительная; заперты трактиры и харчевни; не слышно грохотанья машинъ и гама цыганскихъ хоровъ;—повсюду сонъ... Кое-гдѣ дребезжитъ гитара, съ пьянымъ и дремлющимъ извозчикомъ, неподозрѣвающимъ приближенія жулика, который уже успѣлъ разсчитать, какъ разспорядиться полтинникомъ, спрятаннымъ у извозчика въ сапогѣ... Скоро онъ однако убѣждается, что расчетъ жулика былъ вѣренъ, начинаетъ кричать караулъ, и, обычнымъ порядкомъ, попадаетъ въ кварталъ...

И снова настаетъ глухая ночь.

II.

СУПРУГИ.

Надъ городскимъ валомъ катится собачій лай и тонетъ въ немъ сонное дребезжаніе ночныхъ извозничьихъ гитаръ. Если приходится въ такую пору

бродить по городу — совершается ли это просто въ силу законнаго желанія вздохнуть какимъ-нибудь воздухомъ, вмѣсто глотанія раскаленной пыли во время дневной, сумасшедшей бѣготни по городу, или вслѣдствіе необходимости бѣжать куда-нибудь, дальше-дальше отъ невеселыхъ сценъ и гнетущихъ думъ,—въ эту пору столичный житель на столько можетъ снова понимать и снова слышать забытый давно говоръ ночи, и проч., на сколько онъ увѣренъ, что если придется закричать «караулъ», то этотъ вопль не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, т. е., что городской близко. Поэтому-то, чѣмъ глуше ночь, тѣмъ болѣе объемистымъ орудіемъ запасается онъ, направляясь въ путь, и на этомъ пути съ осторожностію обходитъ каждый глухой переулокъ, каждый темный уголь, твердо зная, что изъ этой тмы, того и гляди выдвинется какая-нибудь гигантская фигура и скромно попросить: «Христа ради, копѣчку!» Фигура эта почему-то знаетъ, что всякій прохожій въ такую пору особенно способенъ на благотворенія, и поэтому, не повторяя просьбы, съ кротостію двухлѣтняго младенца въ лицѣ, ожидаетъ она помощи и только изрѣдка поправляетъ на плечѣ двухсаженное перушко. И бѣгутъ мимо такого прохожаго храмы, сады, статуя съ простертою рукою... Бѣгутъ, не трогая, не шевеля ничего, въ его остуженномъ столицею сердцѣ.

Изрѣдка кое гдѣ дребежитъ извощикъ гитара; какъ бы ни хотѣлось сѣдоку ея отдаться восхитительному впечатлѣнію безмолвной московской ночи, какъ бы ни хотѣлось любоваться этими пустынными площадями, высокими и прихотливыми колокольнями и зданіями, облитыми луннымъ свѣтомъ, но житейская проза московской ночи не даетъ ему возможности сдѣлать этого. Какъ нарочно задремавшій-было на козлахъ извощикъ дѣлаетъ полуоборотъ къ барину и говоритъ:

— Вотъ то же, васскабродіе, какой случай спомнилъ... Посадилъ я одного сѣдока, въ Петровскій паркъ... Дѣло было тоже вотъ объ эту пору, часъ второй ночи... Только это я ѣду, милые мои, а сѣдокъ нѣтъ, нѣтъ, да спросить: — Что, молъ, и дѣти есть? — Есть, говорю, какъ не быть. — И жена? — И жена, говорю... Ну, ѣдимъ, до Петровскаго-то парка далеко, дорога ровная, я это маленько и вздремни, а онъ, сѣдокъ-отъ, какъ ужъ это—шутъ его знаетъ! только я глаза-то открылъ, глядь—а лошади-то нѣтъ: сижу я, это, на гитарѣ и возжи въ рукахъ...

Вдругъ въ сторонѣ прорѣзистымъ воплемъ раздается: «караулъ! караулъ!»

— Это что такое? боязливо спрашиваетъ сѣдокъ.

— Грабятъ гдѣ-то.

— Грабятъ? да-да-да... Такъ ты, любезный, лошадку-то тово... похворостинь. Чего добраго...

— Обнаковенное дѣло! говоритъ извощикъ и принимается хворостинить. Скоро и сѣдокъ и гитара скрываются во тмѣ переулка.

А крики между тѣмъ растутъ и растутъ. Обезобразивъ восхитительную декорацію ночи, обставленной изумруднымъ небомъ и горделиво застывшей тишиной, вопль этотъ также безцеремонно гудитъ вдоль пустынныхъ улицъ и, подхваченный стоголосымъ эхомъ, сквозь малѣйшія щели врывается въ жилища, безжалостно гонитъ прочь сны и, прежде всего, сны того безшабашнаго люда, которому самому хорошо знакомъ этотъ вопль и понятенъ весь его глубокій ужасъ.

Спотыкнулся и колоссальный храпъ мирнаго обывателя. Открываетъ онъ глаза, а подъ окнами съ шумомъ и говоромъ пробѣгаетъ народъ.

— Экая это улица бойкая, говоритъ обыватель, побряхтывая и поворачиваясь подъ бокомъ супруги.

— Начто хуже,—убитымъ тономъ вторить та.

— Нѣтъ, нѣтъ, да и сдерутъ шкуру-то. Люди новѣ стали хуже мыслете, говоритъ онъ.

Скоро въ комнатѣ воцаряется тишина.

А черезъ полчаса толпа, съ говоромъ и смѣхомъ возвращается назадъ и изъ ея разговоровъ можно узнать, что дѣло происходило такимъ образомъ:

Въ исконномъ пристанищѣ всѣхъ золь, Грачовкѣ, въ одномъ изъ кривыхъ и вонючихъ переулковъ, стоитъ старый массивный деревянный домъ, осѣвшій, покосившійся и насквозь пропахнувшій духомъ всей стороны. Внизу, подъ домомъ, въ какомъ-то подвалѣ, съ раннего утра гудятъ шарманки; худыя и растерзанныя дѣвчонки, подъ руководствомъ опытныхъ учительницъ, съ тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, тянутъ пискливыми голосами веселыя пѣсни, приготовляясь съ этими познаніями пуститься въ далекій и безотрадный путь полуголодной жизни; немного повыше, въ первомъ этажѣ, бушуютъ безконечнымъ пьянствомъ и неистовой топотней ошалѣвшихъ ногъ, кабаки; еще выше помѣщается какое-то другое увеселительное заведеніе. На деревянныхъ, темныхъ и скрипучихъ лѣстницахъ попадаются какія-то сомнительныя личности: инойразъ одна и та же особа является въ бобрахъ, енотахъ; въ другой, иногда на слѣдующій день, вы встрѣтите ее въ легкомъ люстриновомъ пальтишкѣ. Тутъ постоянно сновали городовые, слышались брань, кого-то съ громомъ тащили по лѣстницѣ, и весь домъ, отъ пляса и оранья, дрожалъ, какъ осиновый листъ, и вылъ словно вьюга.

На такомъ-то мозаическомъ пьедесталѣ, въ самомъ верху, въ конуркахъ подъ крышей, помѣщаются слѣдующія туманныя существа. Проживаетъ

здѣсь ничѣмъ незанимающійся тщедушный и пьянственный мѣщанинъ, Бадейкинъ, при немъ состоитъ въ законѣ жена, существо со дня на день заростающее бородавками, изъ которыхъ, какъ изъ фонтановъ, бьютъ цѣлые кусты волосъ, да тутъ же прижилась нѣкоторая личность, по имени Петръ Петровъ. Всѣ эти существа крайне запущены и загажены. Отвыкнувъ отъ дѣла, въ силу какихъ-то обѣщаній Петра Петрова отыскать десять лѣтъ назадъ пропавшее наслѣдство, Бадейкинъ потерялъ и послѣднюю способность что-нибудь дѣлать, запустивъ свою фizioномію и вообще все существо, — до степени помойной ямы, постоянно слоняясь съ слезящимися, какъ у старой собаки, глазами и бородой, въ которой попадались куски кочерыжекъ и капусты, — Бадейкинъ рвался каждую минуту раздробить головы и женѣ и Петру Петрову. Впрочемъ, желаніе это не простиралось дальше трепета и замиранія собственнаго сердца и боялось наружу показать свой носъ.

Не меньшею слонявостью отличалась и супруга. Одинъ только Петръ Петровъ, человекъ массивныхъ размѣровъ, оралъ подъ крышей о своихъ достоинствахъ и о способности постигать даже *индійскія письмена*.

Живутъ эти существа въ двухъ клѣтушкахъ; въ одной, совершенно темной, стояла желѣзная печка безъ трубы, набитая соромъ; въ другой комнатѣ

валялась на полу перина самого омерзительнаго вида, а на полѣньяхъ возвышался почти пустой сундукъ. Стѣны ободраны, дверь безъ петель при-слонена къ стѣнѣ, отъ каждаго шага ходенемъ ходятъ половицы и отъ этого страшно шипитъ и хрипитъ расклеившимися боками печка.

Пустынность, глушь. Изъ этой глуши, изо дня въ день идетъ самая безобразная жизнь.

Вечеромъ, если только Бадейкинъ не лежалъ уже гдѣ-нибудь на улицѣ пьяный, а хоть чуть-чуть могъ владѣть ногами, онъ непременно карабкается на перину къ женѣ.

Въ полночь снится ему, будто онъ упалъ съ мосу; онъ открываетъ глаза: одинъ кто-то держитъ его за голову, другой за ноги, поднимаютъ и несутъ съ перины.

Онъ понимаетъ кто и начинаетъ брыкаться и кричить:

— Куда-куда-куда?!.. стой!..

— На сундукъ... не торопись! отвѣчаютъ ему спокойно.

— Будь вы прокляты, анаемы!

— Ладно!

— Аспиды и василиски!

— Поговори!..

— Петя! брось его ..

Черезъ четверть часа Бадейкинъ вздыхаетъ.

Утро. Бадейкинъ открылъ глаза. Петръ Петровъ

потягивается въ перинѣ и для шутки подставляетъ къ его носу кулакъ; Бадейкинъ только морщится и по причинѣ своей трезвости, возможной впрочемъ до извѣстной степени, не изъявляетъ никакого протеста. Не изъявляетъ онъ еще и потому, что знаетъ: подвинь только Петръ Петровъ немного кулакъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ носъ Бадейкина прилипнетъ къ стѣнѣ и отъ всего существа его останется одинъ, такъ сказать, пепель.

Скоро гонять его за водкой. Послѣ весьма слабого препиранья, онъ запускаетъ руку въ сундукъ, достаетъ какую-нибудь вещьцу и отправляется къ приятелю цѣловальнику Чукину...

Здѣсь онъ не можетъ никакъ, чтобы не погоревать о себѣ.

— Горе-то у тебя дурацкое! говорить Чукинъ.

— Ахъ, Кузмичъ, какъ ты это говоришь!

— Что—Кузмичъ! А ты этого Петрушку-то прогналъ бы...

— Какъ я его прогоню?

— По начальству али бо какъ...

Въ полдень вверху идетъ страшное пьянство; изъ сундука выцарапанъ уже жилетъ, вѣнчальные башмаки и пр. Жена Бадейкина, едва владѣя языкомъ, говорить Петру Петрову, — указывая на мужа.

— Онъ тиранъ! злодѣй! Петя, отомсти!

Петя мгновенно превращаетъ бровь Бадейкина въ кровавую рану; тотъ, ни слова не говоря, бѣжитъ къ Чукину подѣлиться своей радостью.

— Каково раскроено? говоритъ онъ, задыхаясь.

— Ничего, удобно, — подтверждаетъ цѣловальникъ.

— Ничего? дрожащимъ голосомъ, злостно и бессмысленно произноситъ Бадейкинъ.

— Ничего, ловко!

— Ну, спасибо.. Оцѣнилъ!

А черезъ четверть часа этотъ же самый Бадейкинъ, засыпавъ рану табакомъ, тащилъ въ кабакъ послѣдній галстухъ и опять обращался къ Чукину.

— Каково раскроено?

— Это никакъ другой фонарь? говоритъ Чукинъ.

— Другой... Каково?.. и т. д.

Къ вечернямъ онъ снова успѣвалъ проспаться, снова жаловался Чукину на свое горе, и снова чрезъ полчаса приносилъ на показъ разбитую физиономію, вывороченную руку и проч. Плетется такая жизнь днями, мѣсяцами, годами, и видится впереди окончательная погибель.

Сегодня вечеромъ, послѣ перенесенія съ перины на сундукъ, Бадейкинъ открылъ глаза и услыхалъ, что жена съ адвокатомъ намѣреваются проглотить шкальчика два-три и для добыванія увеселительнаго продукта безцеремонно принимаются за по-

слѣднія сапожишки Бадейкина. Дверь скрипнула и супруга зачатила ногами по лѣстницѣ. Обидно ли было Бадейкину, что увеселеніе совершается безъ вѣдома хозяина, или нахлынувшія вдругъ въ его, немного отрезвленную, голову картины безобразія, досада за себя, на свою вялость, въ силу которой онъ былъ постоянно виноватъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенное сознаніе всего крошечнаго своего значенія,—значенія мужа, а стало быть въ нѣкоторомъ родѣ такой особы» которая должна гнуть въ бараній рогъ всякую вообще бабу, а тѣмъ болѣе жену,—все это, вслѣдствіе внезапнаго возбужденія, сразу сбросило Бадейкина съ сундука, окрѣпило его изможденныя ноги и непремѣнно тянуло сдѣлать что-то рѣшительное.

Какъ помѣшанный, соскочилъ онъ съ сундука, бросился въ сѣни, порылся въ углу и вытащилъ оттуда веревку; съ ней опрометью бросился онъ въ ворота и, притаившись за калиткой, дрожащими руками дѣлалъ петлю. Въ калитку черезъ порогъ переступила жена; Бадейкинъ взмахнулъ веревкой и тутъ-то завопилъ, застоналъ и перебудилъ православный народъ, горластый «караулъ!»

— Теперича я съ та-бой и сдѣ-ла-ю, тянулъ Бадейкинъ, таща жену на веревкѣ: я и сдѣлаю!...

А кругомъ сбѣгался народъ, хрипыми голосами распрашивалъ—въ чемъ дѣло, говоръ росъ сильнѣе и сильнѣе.

Кто-то изъ толпы говорилъ:

— Милый! продаешь коровку-то?

Слышался смѣхъ.

Выскочившій изъ пекарни хлѣбникъ, молодой парень съ растопыренными отъ муки волосами, придавленными мочальнымъ ободочкомъ, почесываясь въ спинѣ и головѣ и внимательно всматриваясь въ сцену, флегматически говорилъ:

— Одначе, ребя, онъ ей затынулъ шею-ту...

Супруга между тѣмъ упиралась на ходу, кричала по прежнему неугомонно, и болтала головой какъ въ первый разъ попавшая въ ошейникъ собаченка.

— Петя!... Петя!... онъ меня убилъ!...

Но Петя при всякой уличной суматохѣ боялся показывать свой носъ, потому что ходили слухи, будто его ищутъ по какому-то уголовному дѣлу.

— Теперича я съ та-бой и сдѣлаю въ охотку; въ охотку я и сдѣлаю... бормоталъ обозлившійся мужъ

И потащилъ жену вдоль улицы. За нимъ потянулась и толпа. Говоръ былъ страшный. Въ иномъ мѣстѣ, разбуженный этимъ гомономъ обыватель, судорожно толкалъ руками въ окно, съ грохотомъ падалъ желѣзный болтъ и обыватель выпячивался на улицу...

Бадейкинъ почему-то велъ жену къ Сухаревой башнѣ.

— Я ее на Сухареву предоставлю! говорил онъ.

— Стой!.. Прочь!.. Кто? Что такое? раздался вдругъ начальственный голосъ.

Толпа, шумѣвшая, какъ шумить бѣлымъ ключемъ вода, вдругъ замолкла, замерла, — будто котель съ кипѣвшей водой сняли съ огня.

— Кто такой? Что за народъ?... Эй! Кузмичевъ! бери эту бабу.., ты! въ фарталь...

Слово *фарталь* неприятно дѣйствуетъ на рускаго человѣка, почему большинство, усмотрѣвъ, что эпилогъ самый обыкновенный, начало расходиться, и только самые ярые любители зрѣлищъ потащились до квартала.

Стукъ и говоръ въ сѣняхъ разбудили дежурнаго. Кутаясь въ изношенный халатъ и прикрывая лысую голову засаленной ермолкой, онъ скорчилъ недовольную физиономію, и выступилъ въ контору. Тутъ была картина такого рода: сторожъ изъ жидовъ, накинувъ на плечи шинель, держалъ вспыхивавшій и вонючій огарокъ, и этотъ, блиставшій отъ времени до времени, свѣтъ озарялъ раскрытую голову жены Бадейкина, блѣдную физиономію мужа и двухъ городскихъ, которые, стоя по бокамъ, держали пальцы у козырька, и словно хвастались такой находкой.

Принесли свѣчу.

И мужъ и жена рухнули въ ноги.

— Откуда они?

— Съ улицы, васокорodie... по сумлѣнію.

— Какое жѣ сумлѣніе; у нихъ лбы въ крови?

— Такъ точно, васкорodie...

— Эта веревка зачѣмъ?

— Батюпка! отецъ! завопила жена: онъ меня удавить хотѣлъ, при всѣхъ, всѣ видѣли... какъ корову на арканѣ вель...

— Ты, матушка, оботри кровь-то.

— Никакъ я крови обтереть не могу, я съ ею по начальству...

— Ты какъ же это жену бьешь?

Бадейкинъ трепеталъ какъ осиновый листъ...

— Я ваше... привиле...бія... какое-бью! я ее, жену, оченно... люблю...

— Гдѣ же онъ меня любитъ, када этакое позо-рище, ваше скорodie: вель мене, ровно корову, и лобъ это мнѣ раскрылъ. Потому, бѣжамши съ полштофомъ...

— А-а-а... вотъ что!...

Супруга начала оправдываться, и мало-по-малу изложила всю будничную процедуру потасовокъ.

— Такъ вы бы плюнули другъ на друга, да и разошлись... Ты чѣмъ занимаешься?

— Ничѣмъ, ваше скорodie... по нищетѣ...

— Ты бы вотъ хоть яблоками торговалъ, а жену-то въ кухарки куда...

— Какъ можно развѣхаться другъ отъ дружки

стыдливо, перекосивъ свои разбитыя фізіономіи, произнесли супруги.

— Ка-акъ?..

— Мы въ законѣ..

— Вотъ что!...

— Человѣкъ не разлучить... бормоталъ мужъ.

— Какъ можно!—вторила жена.

— Ну, а ежели васъ каждый день сюда будутъ таскать? Потасовки-то развѣ лучше съ утра до ночи?..

Супруги подумали и произнесли:

— Это дѣло Божіе...

— Такъ, такъ...

Дежурный подумалъ, подумалъ и приказалъ посадить обоихъ въ сибирку.

Послѣдніе зрители возвращались съ шумомъ и смѣхомъ по переулку снова на Грачевку.

— А то, разъ что, говорилъ какой-то мастеровой; какъ я за бабу заступился... Идемъ мы съ Кузьмой изъ-подъ Андроніева, идемъ въ Богородское: слышали бытто фейверокъ запускаютъ. Идемъ полемъ... вижу я, братцы мои, впереди идетъ баба, а за ней двое мужчиновъ, и такъ они эту бабу ругаютъ, такъ они ее ругаютъ—зудомъ зудятъ... Вижу я бабѣ этой тошно... Не вытерпѣлъ я, подхожу къ этимъ молодцамъ и говорю:—что это, говорю, вы бабу-то мучите? Что ты, говорю, зудишь ей? Видишь, говорю, она женщина и такъ ты ее изму-

чилъ. Да ты, говорю, лучше вдарь ее какъ ни на есть, только разомъ; а то: эво пилить...

Послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— Ну, онъ ее, бабу-то, послѣ этихъ словъ хлопнулъ! заключилъ мастеровой.

— Одначе, ребя, онъ ей шею-то затынулъ! говорилъ хлѣбникъ.

Скоро всѣ забыли уличную суматоху и расходились спать.

III.

ГОСТЬ.

Дѣло происходитъ въ одной изъ отдаленныхъ и глухихъ частей Москвы; на дворѣ стоятъ крутые морозы. Воскресенье. Чиновникъ Знаменскій, воротившись съ рынка, куда ходилъ посмотреть не попадется ли лѣску, рассказываетъ по залѣ, заложивъ руки подъ фалды сюртука, и дожевываетъ кусокъ булки, закусывая имъ только-что выпитую рюмку полыновки.

По временамъ онъ подходитъ къ окну и смотритъ на улицу, по которой слышатъ на базаръ возы съ сѣномъ, дровами, курами, биткомъ набитыми въ плетушки. Возы эти часто раскатываются и стучають о тротуарные столбы.

«Легша! Легша!» орутъ передовые мужики, махая издали кнутьями.

Иногда какой-нибудь возъ березовыхъ дровъ подзадориваетъ чиновника и онъ принимается что есть мочи стучать въ стекло и кричить на всѣ комнаты съ цѣлью остановить мужика. Но мужикъ видитъ только какъ баринъ дѣлаетъ какія-то гримасы и идетъ дальше, подпирая возъ плечомъ.

— А возикъ ничего! говоритъ чиновникъ и продолжаетъ путешествовать, поправляя на пути колѣномъ стулъ, придвигая къ стѣнѣ столъ и не забывая при этомъ чуть-чуть тянуть какую-то духовную пѣснь.

Но вдругъ, замѣтивъ на стѣнѣ отодранный клокъ шпалеръ, онъ мгновенно прерываетъ пѣніе и сердито произноситъ:

— Кто это? Все Гришка! погоди! Я когда-нибудь на досугѣ соберусь—всѣхъ передеру въ повалку. Семь пятницъ въ одну соберу!

Ребятишки, шумящіе въ другой комнатѣ, на минуту замолкаютъ, слыша эту угрозу.

— Филиппъ Ионычъ спрашиваютъ,—докладываетъ горничная, неся изъ передней утюгъ на палкѣ, которая дымится отъ раскаленной ручки.

Въ комнату входитъ господинъ, очень похожій на мелкопомѣстнаго дворянина. На немъ все слегка засалено и поношено: панталоны, вздушіеся на колѣняхъ, очень коротки; по атласному жилету съ стеклянными пуговицами, отстегнутому у шеи, пролегаетъ дутая бисерная цѣпочка синяго цвѣта, а

изъ кармана, сквозь протертый атласъ, бѣлѣеть серебряная луковица.

Поздоровавшись, хозяинъ просить гостя присѣсть и самъ помѣщается на стулѣ съ одного конца ломбернаго стола, стоящаго въ простѣнкѣ подь зеркаломъ, на которомъ видны слѣды дѣтскихъ рученокъ, измазанныхъ помадой, чернилами.

— Просьбица-съ, — произноситъ гость, садясь на противъ хозяина и задвигая ноги подь стулѣ.

— Что такое?

— Такое дѣло.

При этомъ гость закрываетъ полой сюртука животъ, и, охвативъ рукой шею, пялитъ голову кверху, желая подобнымъ маневромъ придать своей физиономіи самый благопристойный и деликатный видъ.

— Пріѣхаль тутъ изъ Соловы одинъ мужичокъ, продолжаетъ онъ.

Гость кладетъ на столъ илисовый картузь, въ которомъ виднѣется фунтъ чаю, завязанный въ красную бумагу, и продолжаетъ:

— Пріѣхаль мужичокъ-съ по одному дѣлу; такъ просилъ меня, говоритъ: «Филиппъ Іонычъ, пособите, Христа ради.» Я говорю: «Хорошо, схожу въ Ѳедоръ Митричу: какъ они.» Вотъ теперъ иду съ рынка, и думаю: семъ заверну? и зашелъ.

— Насчетъ лѣсу небось на рынкѣ-то были?

— Насчетъ лѣсу-съ. Стропилы у меня подгнили, такъ дубковъ два-три надо было посмотреть.

— Гм!

— Ну-съ, извольте видѣть, просить этотъ мужичокъ... то-есть, чтобъ его посѣбли. Выходить, вырубилъ онъ казеннаго лѣсу — самый пустякъ: одну ни какъ слегу. А ему это и сочли за самовольную порубку, да и присудили рыть канавы два мѣсяца. Извольте судить: семья у него большая, малъ-мала меньше; работникъ онъ теперича одинъ на такую орду. Стало быть, ежели оторвать его оттуда, вѣдь вся семья должна съ голоду помереть. Плачетъ это малый; говорить: «Пушай, говорить, лучше меня высѣкутъ; тутъ покрайности отстегали, и шабашъ. Я, говорить, за сотней не постою, только чтобъ разомъ выпадали.» Такъ вотъ я собственно насчетъ этого.

— Да пожалуй, — неохотно началъ хозяинъ, — высѣчь оно можно. Отчего не высѣчь? Да вдругъ, говорю, мы высѣчемъ его, а канавы сами по себѣ пойдутъ по прежнему: невзачетъ то-есть? Вѣдь можетъ случиться?

— Конечно... Дѣло Божіе!

— Ну вотъ видите.

— Мужичокъ-то больно просить?

— Да я что жъ, пожалуй; напишу старшинѣ записку. У васъ въ Соловѣ-то Шкаликъ?

— Шкаликъ-съ.

— Ну, пожалуй, напишу.

— Явите, Ѳеодоръ Митричъ, Божескую милость, потому, я вамъ докладываю, и безъ того измучился съ семьей мужичонка.

Настаетъ молчаніе. Изъ другой комнаты робко пробирается по стульямъ хозяйскій сынокъ лѣтъ десяти, не сводя глазъ съ гостя и держа во рту палець.

— Ну, какъ супруга, дѣтки? спрашиваетъ хозяинъ.

— Благодареніе Богу.

— Васъ, никакъ, поздравить надо съ прибавленіемъ?

— Да-съ, въ августѣ еще опросталась.

— Мальчикъ?

— Дѣвочка-съ. Въ тѣ поры такой случай: довелось мнѣ купить у одного барина—докторъ тутъ одинъ проѣзжалъ—меренка; цѣна самая незначительная: восемь рублей далъ съ хомутомъ и двѣ пары вожжей. Только какъ эта лошадь, по нищетѣ хозяина, питалась весьма рѣдко, то и имѣла изъ себя видъ самый ужасающій. Купилъ это я ее, веду домой, вижу бѣжить навстрѣчу Ѳекла кухарка. Говорить: «Барыня дуже трудна.» Я такъ думаю: надо лошадь попридержать за воротами, по той причинѣ какъ ежели поведу ее по двору, неравно увидитъ супруга, испугается: Господь знаетъ, чтѣ можетъ приключиться, ибо, говорю вамъ, лошадь — страсть какое безобразіе! Баба теперича

ежели въ такомъ положеніи да перепугается, вѣдь этакъ и дитя можетъ уродомъ сдѣлаться.

— А можетъ!

— Можетъ-съ. Такъ, думаю, лучше не вести ее на дворъ, и не повель.

Небольшое молчаніе.

— А много-ль у васъ дѣтокъ-то? спрашиваетъ хозяинъ.

— Да что: дѣтокъ-съ... довольно! Перво-на-перво, доложу вамъ, оно въ охотку идетъ...

— Въ охотку?

— Такъ это даже удовольствіе составляетъ, ну а послѣ-то дуже скучно дѣлается. Иной разъ это разорутся: у того животъ, у того зубы—не приведи Богъ! Думаешь себѣ: Господи! хотъ бы прибралъ кого!

— Охъ, правда!..

— Да ей-Богу-съ!

Гость вынимаетъ красный платокъ и отираетъ потъ на лбу.

— Иной разъ и то въ сумнѣніе взойдетъ — думаешь: поишь, кормишь ихъ, одѣваешь, а какая за это можетъ отъ нихъ благодарность произойти? Чего добраго, за такія родительскія благодѣянія въ шею накладутъ, недорого возьмутъ.

— Да, такъ!

— То-то вотъ-съ. Опять же и учить тоже нужно; не оставишь же безъ просвѣщенія.

— Какъ же безъ этого? Нельзя!

— А хлопотъ-то что съ учителями, сами изволите, чай, знать?

— О да, Боже мой! Мука-мученская!

— Вотъ, къ примѣру, недавно со мной что произошло, какого я, то-есть, горя отвѣдалъ. Есть у меня тутъ племянничекъ изъ семинаристовъ. Моя сестрица за дьякономъ замужемъ, такъ вотъ ихній сынъ; зовутъ Петей, Петромъ то-есть. Прошлую весну перевели его въ реторику. Ну, ничего. Осенью, этакъ-то, привезъ его отецъ изъ деревни и поставилъ на фатеру въ Роговой улицѣ. Это, ежели изволите знать, за Знаменіемъ: какъ отъ церкви-то повернете налево, тутъ и есть Рогова улица. Поставилъ на квартирѣ у одной мѣщанки, — Тимоѣевной звать. Ну снабдилъ его. Уѣзжаетъ отецъ-то домой, просить меня, говорить: — «Братецъ, наблюдайте за сыномъ; стерегите». Я говорю: — «Отчего же, пожалуй.» Уѣхалъ. Тутъ понадобился Минуткѣ учитель. Думаю: возьму-ка я Петю; лучше своему деньги платить, чѣмъ чужому. Пуцай, думаю, родному доссанутся. Деньги хоть и небольшія, мы больше двухъ рублей не даемъ, ну да все, говорю, могутъ быть подспорьемъ: подметки подкинуть, заплату та ль какую присадить...

— Да мало ли...

— Да-съ! То-другое понадобилось, анъ и есть.

Подумалъ, говорю женѣ:—Пашь, а Пашь! говорю, вотъ какъ я думаю. Она говоритъ:— Ну что жь! Ничего, такъ ничего. Послалъ за нимъ, объявилъ ему—радъ радехонекъ.—Хорошо. Ходитъ недѣлю, ходитъ другую. Начинаю я замѣчать, что малый отвиливаетъ: денекъ пропустить, два; послѣ говоритъ: голова болѣла, али бы животъ тамъ. Я молчу. А тутъ вдругъ пересталъ ходить. Думаю: съ чего такое? Не ходитъ мѣсяць, два. Я и забылъ объ немъ думать, какъ — такой случай. Легъ разъ я послѣ обѣда отдохнуть. Еще помню у меня въ желудкѣ что-то бурчало; говорю женѣ:— Не отъ грибовъ-ли? Нѣтъ, говоритъ, отъ какихъ грибовъ. Ну-съ, лежу, только слышу кто-то въ спальню претъ изъ прихожей прямо къ кровати. Вижу, баба.—Кого тебѣ? Она прямо бултыхъ въ ноги. Батюшка, говоритъ, племянничекъ-то вашъ, что у меня на фатерѣ стоитъ... Да и расскажи мнѣ: Внизу-то, подъ семинаристами, то-есть гдѣ племянничекъ мой живетъ, помѣщался хозяинъ, мѣщанинъ, съ дочкой. Дочка-то къ примѣру...

— Коля, поди отсюда, относится хозяинъ къ сыну, который уже стоитъ около стола, уставившись на гостя.

— Пуцай выдуть-съ, добавляетъ гость.

— Иди-же. При дѣтяхъ-то, знаете, не тово... какъ-то...

— Справедливо-съ. Такъ, говорю, дочка была

то есть одно слово... Вотъ она къ себѣ Петьку-то и примани. Дескать то-се... милашка... розанчикъ... Ну, и все такое. Малый растаялъ, зачалъ туда ходить къ ней, зачалъ ходить, до того дошелъ, что почестъ и днюетъ и ночуетъ тамъ. Заложился для нея весь. Оставалось у него муки третной пуда съ три да тюфякъ. Онъ, что же? Возьми изъ тюфяка вытряси мочало, да и набей его мукой. Опосля того взвалилъ на плечи да къ купцу Кочеглыжину на Пятницкую улицу и снесъ, а тамъ продалъ никакъ за рубль. Какъ узнала я, мнѣ хозяйка-то говорить, что такое дѣло вышло, такъ залилась горячими! Думаю: Господи! Такая крупчатка! Ахъ, мучка! Рыдаю, говорить, не могу удержаться. Легла спать,—плачу! Слышу къ заутрени ударили, встала, пошла: все рыдаю. Аттеда иду—то же. Слышу на паперти говорить кто-то: «Ахъ, батюшки мои! Вѣрно у нея кто померъ. Какъ передъ Богомъ, сама говорила. Послѣ того не утериѣла баба, прибѣжала ко мнѣ, рассказала про все. Думаю: вотъ комиссія! Нечего дѣлать, слѣзъ съ кровати, одѣлся, иду къ нему на квартиру. Хозяйку послалъ вызвать его какимъ-либо манеромъ, самъ стою за воротами. Жду. Выходить, въ сертучишкѣ какомъ-то, безъ картуза... Увидаль я его, говорю:—А, здорово, говорю, Петя! Да, бѣ примѣру, за шиворотъ его и сцапалъ. Что, говорю, не найдешь никогда? Малый это егозитъ, ежится, де-

скать: освободите, выпустите шиворотъ-то. А я, будто не замѣчаю, загребаю это въ руку-то еще, говорю:—А я, молъ, жду, авось, думаю, Петя зайдетъ когда-нибудь. Хоть пирожка когда поѣсть. Сжалъ я малому шею, тоесь вотъ не провернетъ языкомъ: надулся весь, хочеть вырваться. Нѣ-э-эть, думаю, не туды поперъ! и продолжаю: — Нынѣ, говорю, обѣдни отходятъ въ одиннадцатомъ часу, такъ прямо бы къ пирогу. Да, извините, по сусаламъ-то его, по сусаламъ. Завылъ малый. — А что, говорю, не зайдешь. Да ты, говорю, не ори; неравно подумаютъ грабятъ кого, а нешто я тебя граблю? Я тебя добру учу. Ну, признаться, произошла у насъ битва не малая!... Потолковали мы съ нимъ тутъ въ этакомъ же родѣ, воротился я домой, думаю: укротилъ. Анъ черезъ недѣлю хозяйка доносить опять: — такъ и такъ, малый опять разклеился и даетъ этой дѣвкѣ росписки: «молъ, нарушивъ семейное, къ примѣру, спокойствіе... сего числа обязуюсь въ замужство взять и прочее». Окромѣ того, зачалъ шмыгать по трактирамъ. Я подумалъ этакъ-то, взялъ да и написалъ въ село зятю. Дескать, пріѣзжай, по той причинѣ, какъ сынъ твой суцей свиньей сталъ. А самъ пустился отыскивать оголтѣлаго-то въ трактирахъ. Пріѣзжаю въ «Везувій», вижу: малый на билліардѣ жарить; увидалъ меня, прямо съ кіемъ въ окно. Я за нимъ,

онъ въ другой трактиръ. Я опять, онъ домой. Я за нимъ, загналъ домой, подступаю. — Такъ ты такъ-то, говорю, своего отца бережешь? А? такъ-то, говорю, къ сану готовишься?—А онъ мнѣ:— Да вы чего? говорить.—Какъ чего?—А такъ; я васъ вытурю отседа по шеямъ! (Изволите видѣть, просвѣщеніе то!) По шеямъ — съ, говорить, вытурю, потому вы въ незаконенный часъ пожаловали. А было перваго половина ночью.—Въ какой незаконенный?—А въ такой! И почаль мнѣ грубить. Опасаясь его, — человекъ пьяный, буйный, — Господь его знаетъ: онъ тутъ-тѣ на мѣстѣ уложитъ... опасаясь, говорю, его, удалился я домой... Черезъ мѣсяць прибылъ родитель. Только-что было пришли мы съ супругой изъ рядовъ— нужно было полъ аршина серпанки прикупить:— только пришли изъ рядовъ, говорю, въ шестомъ часу дѣло было, анъ черезъ полчаса и пожаловалъ дьяконъ. Поросенка мнѣ въ гостинець привезъ. Только я послѣ посмѣялся же надъ нимъ: поросенокъ, доложу вамъ, самый изможенный: худоба это, хворость во всемъ тѣлѣ; зубы ошарилъ, на бокахъ синяки. Ну, думаю, угостилъ, спасибо! Однако я виду не подалъ: родственникъ! Не подалъ, говорю, виду. Идемъ мы къ Петрункѣ на квартиру. Приходимъ. Дьяконъ и говорить:— Братецъ, неужто это все правда, что вы мнѣ писали? Я говорю:—А вотъ увидишь. Дьяконъ это

поднялъ кверху руки, закрылъ глаза, говоритъ: Боже! Очисти мя. Я говорю: — Пойдемъ. Приходимъ къ хозяину; племянника не было; мадамъ эта сидитъ, шьетъ что-то... Я этакъ кашлянулъ, думаю: «надо за родню заступиться!» Подхожу къ дѣвицѣ, говорю таково вѣжливо, говорю: — Что это вы, сударыня, изволите шить? — Салопъ-съ, говоритъ. — Салопъ-съ? Стало-быть приданое, выходитъ? — Нѣтъ-съ, говоритъ, это одной совѣтницѣ. — Совѣтницѣ-съ? Такъ! А себѣ-то, говорю, еще не принимались шить? Али ужь сшили все? — Какое себѣ? — Что же, говорю, вы насъ на свадьбу не приглашаете?... Мы вѣдь тоже, говорю, родственники, какіе ни на есть. Хоть завалыщая, да родня. Вотъ они, говорю (на дьякона-то указываю, а онъ стоитъ въ углу у двери, мнетъ шапку въ рукахъ), вотъ они, говорю, такъ отцомъ жениху доводятся. — Какіе, говоритъ, женихи?» Ну, тутъ — ужь я не могъ преодолѣть себя! — Ахъ ты, говорю, такая! Ахъ ты сякая! Да я тебя въ острогъ! Довольно я тутъ на нес побрехалъ. А дѣвка тогда себѣ: — Да ты чего же, говоритъ, тутъ орешь-то? Да ты что такое? По какому указу? Откуда-а? Да я сама въ судъ-то дорогу найду! Да у меня, говоритъ, все по документамъ. Али мы дураки?» Ореть! Зятекъ мой перепугался, дергаетъ меня за рукавъ, говоритъ: — Братецъ! Ради Господа! Что за гамъ такой! Да не кричите вы! Боже

мой!—Я говорю: Какъ? Не кричать? Ну не буду. Сѣлъ въ уголь, сажу не пикну, потому обидно мнѣ!—хотѣлъ за своихъ за родныхъ заступиться, а тутъ они сами въ омутъ головой пруть. Взялъ и молчу. Тѣмъ временемъ выльзаетъ изъ спальни ея родитель; прямо со сна:—Вы, говорить, что тутъ разгорланились, господа честные? А вы, ваше привилебіе (это дьякону-то) по какимъ причинамъ пожаловали? А? Я, говорить, вѣдь не посмотрю что вы такое лицо: у меня прямо въ часть!» —Дьяконъ стоитъ ни живъ ни мертвъ. Смотритъ на меня. Дескать: помоги! Э, думаю, Нѣтъ-съ!—«Какъ знаешь, говорю, какъ знаешь! Я молчу..» Сажу ровно пень. Началась у нихъ тутъ возня! Отецъ-то документы кладетъ на столъ, говоритъ: — Вотъ-съ какое дѣло!.. Дочка кричитъ: Я теперича сама-друга. Зять мой молить, просить ихъ: не беретъ! Жаль мнѣ стало его, встаю: Ну, говорю, нечего дѣлать... И повелъ все это дѣло по формѣ, по пунктамъ. Дескать это какъ? А это? А вотъ это-съ? А въ Сибирь не желаете? Какъ пошелъ, какъ пошелъ! Мѣщанинъ мой присѣлъ. Эта-то тоже языкъ свѣсила, —молчокъ! Бились этакъ-то мы часа четыре, насилу помирились на сотнѣ. Сто цѣлковыхъ—легко сказать!

— Бѣдному человѣку! А-а-а?

— Да-съ! Ну за это я Петьку тоже осчастливилъ: даже захворалъ.

— Ну а дѣвица-то?

— А дѣвица-то вышла въ скорости за мастера-ваго. Сказываютъ, этакій дылда длинный да сухопарый: уродъ уродомъ. Но дѣвка ничѣго; говорить: сойдетъ! «Хоть лучинка, да мужинка!»

— Ишь ты вѣдь...

— Такъ-то-съ. А тѣмъ временемъ ребятишки болтаются, время уходитъ...

Гость слегка приподнимается на стулѣ, поправляетъ полы и садится снова.

— Вотъ такъ и мучаешься все!

! Въ комнату входитъ хозяйка, приземистая женщина въ чепчикѣ, закалывая булавкой платокъ на груди. Она здороваётся съ гостемъ и садится въ престоположномъ углу комнаты. Въ ту же минуту къ ней бросается одинъ изъ множества младенцевъ, — издали протягивая руки — чтобы ухватиться за платье.

— Вотъ я сидѣла въ той комнатѣ, — начинаетъ хозяйка, трогаясь на стулѣ, — такъ слышала: вы что-то про учителей толковали.

— Д-да-съ? вопросительно произноситъ гость.

— Вотъ у насъ тоже. Чтò я вамъ объясню. Зандобился Гаврюшѣ учитель. Попросили добрыхъ людей — нѣтъ ли молъ? Прислали. Покойникъ Митрей Митричъ рекомендовалъ. Пришелъ это учитель. — Какъ, говоримъ, цѣна? — Да, говорить, четыре цѣлковыхъ (окромя пищи и фатеры, потому мы учите-

лей у себя помѣщаемъ).—Какъ, говорю, четыре цѣлковыхъ? А? (Хозяйка поднимается со стула и во все продолженіе своего разсказа шагъ за шагомъ приближается къ гостю). Какъ четыре? Да гдѣ это такія цѣны виданы? Въ коемъ царствѣ? говорю: неужто харчи-то ни во что не ставите? Вѣдь вамъ, говорю, не подашь гороху? Вѣдь вамъ подай щей съ мясомъ, да жаркое, да пятое да десятое.

— Нонѣ всѣ такъ-то не расчитываютъ ничего. Что, моль, такое! А поди-ка отвѣдай, перерываетъ гость, посмотрѣвъ на хозяина.

— Д-да! продолжатъ поглощенная расказомъ хозяйка, отгоняя рукой слышнику, который жметса около нея.—А теперича, говорю, подите-ка, приступитесь къ говядинѣ-то. Объ огузкахъ мы не говоримъ, это не наша пища, не по карману; а вотъ хоть ребрушка, или грудинка. Вѣдь она, говорю, пять копѣекъ фунтъ! Нынче пять, завтра пять, анъ и расходъ.

— А то какъ же? Оно по мелочи-то и не видать.

— Окромя того, говорю, чай, сахаръ...

— Барыня! а барыня! раздается изъ передней: ставить что ль пироги-то?

— Пстой... Окромя того, говорю, чай, сахаръ. Опять и то—прачка; возьмите, говорю, въ расчетъ...

— Ей-Богу правда,—продолжаетъ плачевно голосъ изъ передней, печка простынетъ:

— Отстань! Говорю: Прачка; вѣдь она съ васъ по пятаку за рубаху сдереть. Это, говорю, тоже расходъ. Какъ вамъ, говорю, не грѣхъ цѣну-то такую заломить? Да еще, говорю, среды и пятницы мы по христіанству держимъ, ѣдимъ рыбное...

— Барыня! жалобно произноситъ кухарка.

— Рыбное. А подите-ка съ рублемъ, говорю, на базаръ.

— Что жъ мнѣ съ пирогами-то дѣлать?

— Да поди къ ней, говоритъ хозяйнѣ.

— Сейчасъ. Говорю: Ну-ка съ рублемъ-то подите на рынокъ, да поторгуйте на семерыхъ рыбки... Сейчасъ иду, стой!.. Такъ вамъ и дадутъ по три пискарика на душу. Такъ-то...» Ну, что тамъ? заключаетъ хозяйка, направляясь къ двери и ведя за руку сына; но, сдѣлавъ два шага, она останавливается и продолжаетъ, обернувшись къ гостю бокомъ: — Такъ я его тогда урѣзала, страсть! Я, говорю, этакъ, говорю, можно на шею сѣсть бѣднымъ людямъ! Это, говорю, безъ всякой безъ совѣсти, простите меня.

— Барыня!

— Это, говорю, подло, безчестно, говорю, — четыре цѣлковыхъ.

— Да ну иди что ль къ ней, перебиваетъ мужъ.

— Пойду; чего тебѣ?

— Иди; слышь зоветь.

— Ну и пойду.

Супруга замолкаетъ и пристально смотритъ на мужа.

— Такъ вотъ какое горе,—относится она къ гостю.—Пойдемъ, Миша.

— Да, трудно жить на свѣтѣ! замѣчаетъ гость.

— Трудно!

Не много погодя гость собирается въ путь.

— Не хотите ли водочки? спрашиваетъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно: не уюгреваю.

— Давно ли?

— Да вотъ ужъ въ ту пятницу два мѣсяца будетъ. Видѣлъ я сонъ одинъ. Весьма зловѣщій. Проснулся и даль зарокъ водки не пить. Съ тѣхъ поръ вотъ, слава Богу, Господь крѣпитъ. Иной разъ идешь мимо шкапа-то, такъ тѣ и подмываетъ, такъ и подмываетъ.

— Хе-хе-хе-хе...

— Но крѣплюсь.

Прощаясь въ передней, гость накидываетъ на одно плечо шинель и нагнувшись къ самому уху хозяина, произноситъ шопотомъ:

— Не взыщите. Тамъ на окошечкѣ оставилъ.

При этомъ онъ указываетъ большимъ пальцемъ черезъ плечо.

— О, да напрасно вы,—вяло говоритъ хозяинъ.

— Помилуйте-съ, какъ можно.

— Право напрасно.

— Ничего-съ.

И гость натягиваетъ шинель на другое плечо.

— А не слышали вы, — говоритъ онъ громко, нагибаясь за калошами, — будто Чаевъ купецъ померъ?

— Нѣтъ, не слыхаль.

— Будто, говорятъ, въ банѣ запарился?

— Ничего не слыхаль.

— Мнѣ Прохоръ Егорычъ сказываль.

— Нѣтъ, не знаю; не слыхаль.

— Ну-съ, до пріятнаго свиданія. Насчетъ мужичка-то не забудьте.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы ему велите толкнуться сюда ко мнѣ въ обѣдъ завтра.

— Очень хорошо-съ.

Гость уходитъ Хозяинъ запраетъ за нимъ дверь на крючокъ и направляется въ залу за чаемъ; стоя у окна, онъ видитъ какъ гость идетъ по двору и на ходу надѣваетъ шинель въ рукава. Въ столовой жена чиновника читаетъ какую-то духовную книгу.

— На вотъ, произносить супругъ, кладя передъ нею чай.

Та повертываетъ фунтъ въ рукахъ, подноситъ къ носу, нюхаетъ и произноситъ:

— Э, да это въ цѣлковый.

— О?

— Въ цѣлковый.

— Ну что жъ! Дѣло-то пустое. Не пора-ли намъ
обѣдать?

Начинають накрывать на столъ.

—

СВѢТЛЫИ ДЕНЬ.

ХЛОПОТЫ.

1.

На дворѣ темная ночь. На московскихъ улицахъ почти нѣтъ уже никакого движенія: все заперлось, затворилось наглухо; одиноко горятъ кабацкіе фонари; въ тишинѣ отчетливо слышно какъ нескончаемая капель льетъ съ крышъ и горохомъ долбитъ въ тротуаръ; вдали извозничья кляченка звучно шлепаетъ по лужамъ; гитара вяло дребежитъ своими винтами и гдѣ-то въ вышинѣ, на крышѣ, кошки исполняютъ пронзительный дуэтъ.

Яковъ Семенычъ Чуйкинъ, служившій въ какой-то палатѣ, собирается ложиться спать. Онъ осторожно ступаетъ туфлями въ своей маленькой спальнѣ, до половины занятой широкою, двумѣстной кроватью и слабо освѣщенной, покачивающеюся слегка передъ образомъ лампадкою. Въ сосѣдней комнатѣ, уставленной дѣтскими люльками и кро-

ватками, у окна стоитъ жена Чуйкина, только-что воротившаяся изъ кухни послѣ продолжительныхъ хлопотъ надъ пасхами. Она принимается развязывать какіе-то шнурки у платья и по временамъ, припадая къ окну, зорко всматривается въ темь, боясь встрѣтить тамъ чей — нибудь посторонній глазъ.

— Луша, а Луша! негромко произноситъ супругъ изъ сосѣдней комнаты, сидя посреди перины и снимая обѣими руками шерстяной чулокъ, — не забудь мнѣ завтра напомнить насчетъ сторожа. Надо за водкой послать.

Луша, погруженная въ занятіе, молчитъ.

— Встать бы пораньше завтра на рынокъ, продолжаетъ черезъ нѣсколько времени, не обращаясь собственно ни къ кому, Чуйкинъ, и закидываетъ чулки подъ подушку.

Посидѣвъ еще, Чуйкинъ безмолвно нюхаетъ нѣсколько разъ табакъ и, крестясь и побряхтывая, укладывается подъ одѣяло.

Скоро подходитъ и жена.

— О-охъ, Заступница! опускаясь на кровать, шепчетъ она. — Измучилась совсѣмъ!

— Ужъ что дѣлать! произноситъ супругъ, поправляя подушку. — А ты вотъ что: завтра пойду въ городъ: чай людямъ нужно что-нибудь къ празднику? Марьѣ платокъ, что ли, головной?

— Ну да ужъ ты затѣнешь! Головной! Этакъ

разъ подари ей платокъ, анъ она у тебя къ Петровкамъ другой запросить, къ Рождеству третій...
Всю Москву платками не укутаешь.

— Какое укутаешь! Я такъ только.

— Головной! Купи ситчику на фартукъ, и будетъ. Что въ самомъ дѣлѣ? Она у насъ какъ барыня: вѣсть за семерыхъ. Гляди-ка-сь какъ разнесло рыло-то!

— Да рыло—такъ.

— Пришла небось щепка щепкой: «Христа ради, возьмите!»

Во время этого разговора жена Чуйбина вынимаетъ изъ косы шпильки, и потомъ, повязавъ растрепаншіеся волосы краснымъ носовымъ платкомъ, укладывается спиной къ мужу.

Черезъ часъ богобоязненная чета спитъ крѣпкимъ сномъ. Мужу снятся награды и повышенія, будто бы выхлопотанныя ему къ празднику управляющимъ. Жену волнуютъ сновидѣнія другаго рода.

Вотъ ей представляется кухня, изъ которой она только что воротилась. На полу около лавки сидитъ какая-то старуха, протянувъ сухія пожелтѣлыя ноги. Это Марья, работница на мать. Зажавъ въ колѣняхъ горшокъ съ какимъ-то веществомъ, она усердно вертитъ въ немъ скалкой, держа ее обѣими руками и порой на минуту отрывая одну руку, чтобы поправить повойникъ, готовый съѣхать

съ затылка. У стола она, сама хозяйка, взбиваетъ на блюдѣ маленькимъ вѣничкомъ желтки. Старшая дочь ея, присѣвъ на полъ, толчетъ въ стункѣ сахаръ. На печи, присматривая за тѣстомъ, сидитъ работница; она чиститъ картофель и бросаетъ его въ горшокъ съ водой. Матрена Семеновна, вдова, живущая на одномъ дворѣ, зашла послѣ трудовъ на минутку.

— Ты, Степанида, поглядывай тѣстище-то,—говоритъ хозяйка работницѣ.

— Я поглядываю,—произноситъ Степанида и тянется въ уголь печи, гдѣ стоитъ кадунка съ тѣстомъ, накрытая ватойной кацавейкой.

— Вы сколько яицъ-то кладете? спрашиваетъ хозяйку Матрена Семенова.

— Да какъ вамъ сказать? Мы безъ счету; такъ, сколько Господь приведетъ.

— Ну, въ куличъ сколько?

— Въ куличъ-то? Въ куличъ сорокъ кладемъ, сорокъ пять.

— Со-орокъ? Ну, и подходитъ? Ничего?

— Слава Богу пока.

— Ну, и слава Богу! А то вотъ, я вспомнила у меня есть тутъ одна знакомая. Въ третьемъ никакъ году она вотъ тоже какъ то сорокъ вбухала. Что же думаете? Прежде вѣдь тоже завсегда столько-же клали, ужъ искони такой заводъ. А тутъ какъ на грѣхъ: въ самую это великую суб-

боту пекли они куличи. Какъ вынула она вечеромъ ихъ изъ печки, такъ и присѣла! Хоть бы те, говорю, вотъ на эстакой вотъ персточикъ поднялись: комъ комомъ! И Господь ее знаетъ отчего такое? Мука чю ли.

— Это мука. Отчего жъ съ яиць?

— Вотъ иные говорятъ отъ яиць! Я сама такъ-то думаю: отчего, моль, отъ яиць?

И вдругъ хозяйкѣ представляется какъ она сама вынимаетъ куличи, которые тоже сдѣлались комъ комомъ, Съ перепуга она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и открываетъ глаза.

— Господи Іисусе Христе! Царица Небесная! шепчетъ она.

Въ комнатѣ лампадка погасла, и отъ чадившаго фитиля распространяется удушливый запахъ.

Скоро она опять спитъ. Опять мелькаютъ тѣ же лица и опять тѣ же ужасные разговоры заставляютъ ее открыть глаза.

Въ ставень ужъ пробивается утренній свѣтъ. Подъ окномъ слышатся шаги...

—

2.

На другой день часу въ десятомъ, Чуйкинъ уже шествуетъ по направленію къ рынку, неся подъ-мышкою акуратно свернутый кулечекъ. На

улицахъ полное движеніе. Туда и сюда снуютъ гитары, дрожки, кареты. Медленно двигается телѣга съ длинными желѣзными прутьями, гремящими на цѣлый кварталъ. Ёдутъ съ картонками на колѣняхъ барыни. Надъ всѣмъ этимъ грохотомъ, цѣлой тучей виситъ колокольный звонъ. На тротуарахъ поминутно попадаются навстрѣчу мастеровые, фабричные, деревенскіе мужики и бабы, неся на головахъ и подъ мышками рыночныя куличи и пасхи. Въ окнахъ булочныхъ развѣшены гирлянды сахарныхъ яицъ съ самыми разнообразными украшеніями. Вообще все говоритъ, что Святая недалеко. Рыночная площадь затоплена народомъ. Между безчисленнымъ множествомъ двигающихся головъ высовываются и блестятъ на солнцѣ тысячи красныхъ и желтыхъ ломовыхъ дугъ.

Чуйкинъ помаленьку начинаетъ пробираться въ толпу, расталкивая народъ плечомъ.

— Посторонись-ка, любезный.

— Аль тебѣ дороги-то мало? грубо возражаетъ любезный.

— Гдѣ-жь она дорога-то? Видишь: толкотня.

— Чаво видишь? Мѣста-то, слава Богу, не откупныя...

Со всѣхъ сторонъ Чуйкина осаждаютъ крикъ, шумъ.

— Почемъ яйца-то?

— Двугривенничекъ, батюшка, двугривенничекъ,

пищитъ баба, загребая обѣими руками яйца изъ рѣшета.—Вотъ десяточекъ.

— Ты чего десяточекъ? Ты дѣло говори.

— Я дѣло, батюшка, говорю: дѣло. Какого же еще?

— Ломишь такую несообразную цѣну! Ты говори настоящее: почему? Гривенникъ бери, такъ.

— По пятнадцати даютъ, не беремъ. Слава Богу.

— Дураки даютъ-то!

— Ну да ужъ кто ни даетъ, да не беремъ говорю.

И баба опять укладываетъ яйца въ рѣшето.

— Нонѣ, поди-ка-сь, и въ деревнѣ за гривенникъ-то поторгуй,—прибавляетъ она вслѣдъ покупателю.

— Па-а-ди! кричитъ кучеръ, осторожно потрогивая впередъ.—Баба, берегись!

— Ты чего-же это, взвизгиваетъ торговка, обернувшись около самой оглобли.—Али глаза-то пропилъ? Не видишь, галманъ эдакой? Нѣ человѣка ѣдетъ, анафемская рожа! Жулики и съ бариномъ-то своимъ. Такъ вотъ и преть на тебя...

— Ста-р-р-р-анись, старушка: задавлю!... продолжаетъ кучеръ.

Въ толпѣ пробирается разнощикъ съ картофельными лепешками, отъ которыхъ валитъ паръ и въ воздухѣ остается тяжелый запахъ.

— Ссама луч-ч-ч-ч-ч-ч.... кричить разнощикъ врѣзываясь въ народъ.

Поодаль извощикъ, съ подогкнутой за кушакъ полой, лакомится пирогомъ, мокая его въ блюдечко съ мутной водой.

— Почтенный, почтенный! сладенькимъ голоскомъ произносить старьевщикъ, встряхивая сертукомъ.— Какъ передъ Богомъ! Два цѣлковыхъ— послѣдняя цѣна!

— Нѣтъ намъ это не сходно.

— Да что жъ я вамъ говорю-то: сертуку износу не будетъ. Гдѣ она, носка-то-съ? Носка-то гдѣ? Никакой носки нѣту!

— Вонъ подъ-мышками...

— Что такое подъ-мышками? Это-то-съ? Ахъ вы, баринъ! Сертукъ, сейчасъ издохнуть, два раза надеванъ. Не дожить до праздника, два! Одно: графскій сертукъ. Самому въ убытокъ, потому, вижу, человекъ больно хорошъ.

— Ну да ладно, размазывай! Даю рубль съ четвертакомъ. Какъ хочешь.

— Опосля этого, извините меня, вамъ еще нужно поучиться какъ сертуки-то носить! Вотъ что!

— Авось знаемъ.

— Нѣтъ-съ, не знаете! Голдите съ человекомъ ни за что. Право ну!

Старьевщикъ въ гнѣвѣ вскидываетъ сертукъ на плечо.

— Даютъ такую цѣну, продолжаетъ онъ, иной разъ и не выговоришь на тощакъ-то. Ерникъ! Гассспадинъ!... Гассспадинъ!

Госпадинъ проходитъ мимо.

— Дешевы больно,—прибавляетъ старьевщикъ прежнимъ тономъ.

Мужикъ въ дубленкѣ проноситъ на спинѣ поросенка въ мѣшкѣ. Поросенокъ громко взвизгиваетъ.

— А-га! Попался! замѣчаетъ на ходу прохожій.

— Яковъ Семенычъ, Яковъ Семенычъ! кричитъ Чуйкину знакомый чиновникъ съ кулькомъ въ рукахъ, нагруженнымъ всякою всячиной.

— А, Петръ Кузмичъ! Добраго здоровья! На рынокъ вышли?

— Да нельзя же. Вотъ съ супругой вылѣзли.

— Ухъ, батюшки, задавили совсѣмъ! Яковъ Семенычъ, съ преддверіемъ васъ.

— И васъ также.

— Я, по крайности, доволенъ теперича,—замѣчаетъ Петръ Кузмичъ, что избавлюсь отъ этого гороху, а то меня жена совсѣмъ замучила имъ.

— Ахъ какой ты! Самъ, чай, знаешь вѣдь: законъ.

— Такъ-то оно такъ, ну да ужъ и животъ-то мнѣ больно разнесло. Намедни чтò: стою у часовъ, заплѣли *Да исправится*. Хочу это стать на колѣни, не могу. Ни согнуться, ни разогнуться! Такъ верстой и стоялъ.

— Гм!

— Срамота! Ну теперь, говорю, погоди! Ужь дорвусь же!

— Детервось?

Разговаривающихъ со всѣхъ сторонъ подбиваетъ неугомонная толпа.

Еще знакомый.

— Куда Богъ несетъ?

— А вотъ кой за чѣмъ.

— Съ покупками никакъ?

— Да, тамъ домашнимъ, мелочи всякіи.

— Я вотъ—тоже.

— Да, надо.

— Надо.

— Отговѣли?

— Привелъ Господь!

— Ну, поздравляю.

Чуйкинъ заходитъ въ мясную лавку. Народу биткомъ.

— Якову Семенычу! возглашаетъ знакомый мясникъ, занося огромный ножъ надъ ногой телятины.

Чуйкинъ слегка трогаетъ за козырекъ.

— Съ старушки-то рубъ двадцать получите, кричитъ прикащикъ по направленію къ стойкѣ.—

Федоръ! Имъ вотъ.

— Много ли-съ? спрашиваетъ Федоръ.

— Да мнѣ фунтиковъ десять.

— Очень хорошо-съ.

И Федоръ ужъ строчить ногами по лѣстницѣ на верхъ.

— Получше какой! кричить ему Чуйкинъ.

— Будьте покойны.

3.

Часу во второмъ Чуйкинъ уже возвращается домой, сидя верхомъ на гитарѣ и держа передъ собою нѣсколько кульковъ и узелковъ.

Дома у него происходятъ великія хлопоты. Въ отворенныя двери доносится изъ кухни стуканье ножей. Въ дѣтской раскраснѣвшаяся горничная торопливо гладитъ кисейное платье. Около нея хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ двѣнадцати, выжимаетъ надъ соусникомъ накрахмаленный воротничокъ. Хозяйка, поставивъ къ шкапу стулъ, крыломъ сметаетъ съ полокъ пыль.

— Катя, сдѣлай милость, оботри образа! говоритъ она дочери.—Знаменіе-то совсѣмъ не видать.

— Барыня, сахару пожалуйста,—произносить кухарка.

— Катя, дай ей поскорѣе, Христа ради.

— Я сейчасъ вотъ воротничокъ только...

— Некогда ждать твоего воротничка.

— Тысячу разъ тебѣ говорю,—кричить черезъ двѣ минуты хозяйка, несясь по залѣ съ половиной щеткой,—обмети потолоки! обмети потолоки! Нѣтъ!

— Да, барыня, когда жь мнѣ? оправдывается горничная, обтирая руки фартукомъ

— Когда тебѣ! Хоть бы разъ, говорю, поднялась; хоть бы разъ тронулась.

И хозяйка съ ожесточеніемъ начинаетъ возить щеткой по потолку.

— Пожалуйте, я паутину сыму,—робко говоритъ горничная.

Свяжись!

Мужъ и, выпивъ рюмочку водки, принаеетъ прибавать къ палкамъ шторы. По временамъ онъ выходитъ на минуту въ кухню, но потомъ продолжаетъ работу снова.

— Гдѣ молотокъ? кричитъ онъ.—Кто взялъ.

— Гдѣ молотокъ? Молотокъ спрашиваютъ! раздается по всѣмъ комнатамъ.

— На комодѣ, вотъ сейчасъ положилъ, и кому нужно? Вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ!

— Я и сама его тутъ видала.

— Это вѣрно Мишка утащилъ.

— Кому жь больше? Я тебѣ, Яковъ Семенычъ, давно говорю: выдери малаго, выдери малаго,—удержу нѣтъ.

— Есть мнѣ когда драть его; ты все дома сидишь: занялась бы. А мнѣ и въ должность и дома.

— Да я съ нимъ не слажу.

— Нашель! нашель! кричитъ, спустя нѣсколько минутъ изъ залы Чуйкинъ.

— Ну вот! А что шуму-то! пробѣгаетъ опять повсюду.

— И кто это его подѣ столѣ затащилъ?

Среди такихъ хлопотъ никто не думаетъ объ обѣдѣ; да сегодня, кромѣ картофельнаго супа, ничего постнаго и не готовилось.

— И за это скажите спасибо, говоритъ хозяйка, наливая ребятишкамъ супъ въ глубокую тарелку — Въ печи-то теперь палецъ негдѣ ткнуть, еще Марья пироговъ не ставила, успѣли сунуть горшочекъ.

— Недолго, недолго ужъ, замѣчаетъ отецъ, запуская вилку въ картофелину. — Бавтра «Христось воскресъ» запоемъ.

Послѣ скромной трапезы Чуйкинъ идетъ рассчитывать въ мелочную лавку, а ребятишки улеглись вповалку спать, чтобъ не уснуть у заутрени. Они крѣпко жмурятся, желая казаться спящими, или поскорѣе заснуть, но предательскіе глазенки, бѣгающіе поминутно подѣ закрытыми вѣками, живьемъ выдаютъ ихъ. Имъ не спится. Наскучивъ такимъ лежаньемъ, одинъ мальчуганъ чуть-чуть открываетъ одинъ глазъ и, напырнувшись на бойко смотрящія глаза сосѣда, зажмуриваетъ его опять. Сосѣдъ тоже зажмуриваетъ.

Поздно вечеромъ свѣтъ сальной свѣчки, Чуйкинъ разливаетъ штофамъ водку изъ четвертной бутылки.

— Намъ вотъ только бы надворпаго Господь далъ получить, говорить онъ, нагибаясь къ штофу, чтобъ посмотрѣть не перелилъ ли. — То-то бы я Мишуткѣ форменный картузь купилъ!

Около стола толпятся ребятишки; одинъ подноситъ зажженную бумажку къ пролитой на столѣ водкѣ.

— Это что? произносить за его спиной мать, [защелкни]къ.

[защелкни]къ только зажмуривается отъ удара и продолжаетъ свое занятіе; мать, не обращая уже на него вниманія и нагнувшись у подоконника, поправляетъ лампадку.

Черезъ нѣсколько времени Чуйкинъ, въ одной рубашкѣ стоя на стульяхъ, прилаживаетъ надъ окномъ стору. На полу около него стоитъ мальчуганъ, держа въ одной рукѣ свѣчку, въ другой гвозди на бумажкѣ.

— Видишь ты, говоритъ отецъ, вотъ поэтому-то и называется пасха новосвятая.

— И красная?

— Ну, и красная.

Отецъ слѣзаетъ со стульевъ, отходитъ немного въ сторону и, нагибая голову то на ту, то на другую сторону, присматриваетъ къ сторѣ.

— Кажись прямо?

— Прямо, — говоритъ мальчуганъ.

— Ну, ты много смыслишь! Мать, а мать! Поди-

ка-сь, погляди. Вотъ мы съ Егоромъ и стору повѣсили, да не знаю прямо ли?

Изъ сосѣдней комнаты выходитъ жена, вытирая полотенцемъ полоскательницу.

— Прямо небось, — говоритъ она.

— А прямо, такъ прямо, ну и ладно.

Понюхавъ табаку, родитель съ сыномъ переселяются къ другому окну.

Однако скоро половина двѣнадцатаго. Въ кухнѣ около печки при ночникѣ возится кухарка надъ запеченнымъ окорокомъ. Рядомъ съ ней стоитъ съ ножомъ въ рукахъ ея мать, Марья.

— Какъ пропеклось-то! сладко произносить кухарка, приподнявъ хлѣбную вору и приближая къ ветчинѣ носъ.

— Никакъ теперь скоро заутрени начнутся? спрашиваетъ старуха.

— Теперь скоро.

— О-о-охъ, о-о-о-хъ! зѣваетъ старуха, всякій разъ осѣняя ротъ крестнымъ знаменіемъ.

Въ комнатѣ хозяйская дочь въ каляной вышитой фестономъ юбкѣ умывается надъ яснымъ мѣднымъ тазомъ, по временамъ поправляя рубашку, поминутно стѣсывающую съ плеча. Въ тѣлѣ чувствуетъ какая-то дрожь. Тутъ же хозяйка надѣваетъ шелковое шумящее платье. Дѣти всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ, не дождавшись заутрени.

— Скоро вы? спрашиваетъ отецъ, въ мундирѣ, входя въ комнату.

— Сейчасъ.

— Скоро начнется.

Черезъ четверть часа семейство сходить съ крыльца.

— Эй, вы, обращается отецъ къ горничной, — съ огнемъ поосторожнѣй!

На улицахъ по обѣимъ сторонамъ валить народъ. Горятъ плошки; слышится какой-то гулъ отъ непрерывнаго говора.

— Манька, слышно въ толпѣ, захватили мою свѣчку-то?

— Захватили, захватили. Иди.

— Я ее въ шкапу оставлялъ.

— Да въ шкапу, въ шкапу.

— Эхъ, намъ бы къ заутрени пробраться.

— Не проберешься.

— Оно можно, только не поспѣешь.

— Поспѣемъ.

— Поспѣть-то не поспѣемъ къ заутрени, а вотъ на церемонію бы главная причина.

— Къ пальбѣ-то?

— Во!

— Федоръ Митричъ! Федоръ Митричъ! Погоди! Эко пропустилъ. Я его ищу дома, думаю: гдѣ такое? А ты ужъ вотъ гдѣ...

Посреди улицы верхомъ на дрожкахъ ѣдетъ чиновникъ въ треугольной шляпѣ. Перегнувшись на бокъ, онъ поправляетъ шпагу, которая ему очень мѣшаетъ.

— Слышь ты, говоритъ онъ кучеру: отвезешь меня, поѣзжай домой: барыню къ Знаменію свези.

— Слушаю-съ.

— А въ седьмомъ часу за мной. Слышишь, что ли?

— Слушаю-съ.

— То-то.

Церкви повсюду ярко освѣщены и биткомъ набиты народомъ, но еще заутреня не начиналась. Скоро, впрочемъ, заблаговѣстили въ Кремль.

НОЧЬ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

1.

Въ Кремль соборная площадь освѣщена какъ днемъ. Со всѣхъ сторонъ стекается народъ и большими кучками располагается на крыльцахъ соборовъ и противъ колокольни. Большинство почти безмолвно смотритъ на освѣщенные площадки ярусъ ея, тоже унизанные человѣческими головами. Мальчишки, какъ на приступъ, сломя голову, бросаются по ея широкимъ ступенямъ на самую высъ колокольни. Въ Замоскворѣчьи ярко горятъ средь

комноты освѣщенные церкви и колокольни. Повсюду какой-то гулъ. За воротами на рѣшотку навалилось множество разнаго люда.

Слышны разговоры.

— Слава те, Господи, дождались! -

— Д-да!

— Иванъ Семенычъ, одолжите огонька! Чай можно папироску закурить?

— Ну на-врядъ.

— Чаво такое?

— Я думаю, можно бы повременить кажись.

— Съ чаво жь: повременить можно!

— Вотъ это походнѣй будетъ.

— Слышно: стрѣльба пойдетъ.

— Какъ же: по ракетамъ.

— То-ись какъ это?

— Сигналь такой—обнаковенно.

— Д-де-де-де! Ну и откедова это?

— А изъ дворца.

— Изъ дворца? Таеъ. Стало быть изнутри.

— Изнутри.

— Какое изнутри?

— Знамо, оттуда.

— Оттуда, оттуда,—замѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

— А вотъ посмотримъ!

Кто-то занесъ ногу черезъ рѣшотку.

— Вы это куды?

— А вотъ тутъ.

— На-земь?

— На-земь. Превосходное мѣсто!

— А вѣдь пожалуй!

Перебравшійся побряхтываетъ и укладывается на-земь.

— Семь и себѣ!

— Полѣзайте; ей Богу, чудное мѣсто.

— И то.

Лѣзутъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Почтенный! Ты смотри на дворець-то.

— Я смотрю.

— Потому за споромъ дѣло стало, такъ ужь...

Взвывается ракета совершенно съ противоположной стороны.

— Э-э-э, бра-а-тцѣ ты мой!

— Вотъ она, вотъ она! Сюды, сюды, сюды!

— Мимо.

— Бацъ? Лопнула! Никакъ еще?

— Что, изъ дворца ракета-то? А?

— Это никакъ Симоновъ?

— Нѣтъ, я спрашиваю, изъ дворца?

Нѣтъ отвѣта.

— Изъ дворца-а? Эхъ, вы! А спорять?

На башнѣ раздается выстрѣлъ. Во тмѣ мелькаетъ красный огненный языкъ.

— Это что за пальба! Такъ торжество, а вотъ какъ въ Севастополѣ. То пальба.

— Здѣсь у рѣшотки-то оно ничего, а вотъ тамъ отъ, чай...

— Тамъ уши оборветъ,—не обернешься!

— Оборветъ?

— Въ мигъ!

По площади изо всѣхъ соборовъ трогается священная процессія съ хоругвями. Всѣ скидаютъ шапки. Надъ Москвой виситъ необъятный звонъ. Послѣ процессіи, явившіеся собственно для церемоніи разбредаются съ площади. въ разныя стороны. Въ городѣ церкви ярко освѣщены и изъ оконъ ихъ повсюду смотрятъ завязанные въ салфетки куличи и пасхи. На церковныхъ ступенькахъ отдыхаютъ уставшіе, сонно свѣсивъ головы.

По безлюдному Кузнецкому мосту идутъ двѣ дѣвушки: одна молоденькая въ шляпкѣ, другая по-старше въ платкѣ. На встрѣчу молодой человѣкъ.

— Христосъ воскрес!

— Воистину, --торопливо произносятъ обѣ, ускоря шагъ и отдаляясь нѣсколько въ сторону.

— А похристосоваться?

— Ну-ну! Нѣтъ! Испугали!--произнесли дѣвушки.

— Нѣтъ! Какъ угодно.

— Ахъ, да что вы.... Что вы? Какъ же... очень нужно!

— Да чего вы кричите? Я развѣ жуликъ.

— Ради Бога! Ахъ! Ай, ай!

Через нѣсколько времени звонъ прекращается и на улицахъ совершенное безлюдье.

Воротясь отъ заутрени, Чуйкинъ не могъ утерпѣть чтобы не встрѣтить праздникъ «какъ слѣдуетъ» никакъ не могъ не выпить рюмочку.

— Въ такую рань! замѣтила жена, — не вытерпѣлъ таки!

— Для праздника-то?

— Да хоть и для праздника!

— Что ты, Господь съ тобой! Ну-ка, лучше, Христось воскресь!

Супруги похристосовались.

Разбуженный шумомъ мальчуганъ, заснувшій съ вечера нераздѣвшись, открылъ глаза: передъ нимъ столъ съ яснымъ самоваромъ, булки, пасха, яйца, сливки въ молочникѣ.

— А-а! Вы съ молокомъ! замѣчаетъ бодро мальчуганъ.

— Вставай скорѣй!

И скоро мальчуганъ напяливаетъ каляную ситцевую рубашенку, дрожа отъ холода.

— А что кабы ты мнѣ ветчинки отрѣзала? говорить Чуйкинъ.

— Да рѣжь, — кротко произноситъ жена.

— О?

— Только не рано ли?

— Чего рано! Когда ни начни, все равно!

И скоро Чуйкинъ въ мундирѣ стоитъ на колѣняхъ около нижней полки шкапа.

— Нынче, ребята,—говоритъ онъ, возя ножемъ по окороку и сжимая зубы,—на гулянье собираться. Поведу. Эхъ ветчина-то! Важная! штука добрая!

Онъ еще не успѣлъ хорошенько дожевать послѣдній кусокъ, какъ въ залу вошли священники. Началось пѣніе. Чуйкинъ стоялъ впереди, держа одну руку на животѣ, и наровиль первымъ попасть подъ благословеніе. У дверей толпились ребятишки съ заспанными лицами.

По окончаніи пѣнія, попросили священниковъ присѣсть и закусить чего-нибудь.

— Нѣтъ, вѣдь намъ еще ходьбы-то будетъ; опять таки рано. Я когда-нибудь на праздникахъ лучше заверну,—говорилъ священникъ.

Дьяконъ тоже что-то сказалъ-было, но по всему было видно, что онъ закусить не прочь.

Дьячекъ, сидя въ передней, уже ѣлъ что-то. Чуйкинъ бросился въ другую комнату; откуда скоро послышалось какъ онъ гремѣлъ тарелками.

— Устали? спрашивалъ священникъ хозяйку, сидѣвшую противъ него на стулѣ.

— Да, утомительно!

— Да-съ!

— Цѣлый день это хлопоты: туда, сюда. Измыкаешься какъ тряпка.

— Гм! Измыкаешься!

— Прилегла бы отдохнуть, — некогда: то нужно прибрать, то стеречь.

— Да, такъ.

— А то въ кухнѣ что нибудь понадобится. День-то не видать какъ пройдетъ, а ужъ потомъ куды трудно. Въ ногахъ это зудъ идетъ; такъ тебя и клонить.

— Гм.... да.

— Видите ли-сь, — говорилъ басомъ дьяконъ, стоя съ тарелкой въ рукахъ: — въ иномъ мѣстѣ по пяти разъ поютъ праздничные прмосы и все вообще. Въ нашемъ приходѣ этого нельзя! У насъ дай Богъ по уставу исполнить. Ибо что у насъ за хоръ? Дьячекъ, прикащикъ тутъ одинъ теноркомъ подтягиваетъ, да Семень Семенычъ, дай Богъ здоровья. И то, говорятъ, замучились совсѣмъ.

— Замучишься.

— Вотъ такъ и поемъ.

— Слышалъ я, будто Жамкинъ у васъ ризу хотѣлъ на Преображеніе сдѣлать?

— Какъ же, сдѣлалъ-сь, сдѣлалъ.

— Сдѣлалъ?

— Какъ же-сь, какъ же! Теперича у насъ, благодаря Бога, три мѣстныхъ образа.

— Три?

— Да-сь. Вотъ еще четвертый обдѣлать находится охотникъ.

— Славно бы.

— Такъ бы ужъ оно подь симетрію.

— Д-д-а.

По уходѣ священниковъ, всѣ залегли въ полной одеждѣ спать. Въ девять часовъ Чуйкинъ сталъ собираться ѣхать поздравлять начальство.

— Ты смотри къ этому... какъ его... не заѣзжай къ Прохорову-то, говорила жена.

— Нѣтъ, нѣтъ, не заѣду.

— То-то,—добавила она, не довѣряя,—а то опять закатишься на два дня.

— Да нѣтъ, говорю; нынче съ ребятишками подь качели надо.

2.

Два часа. На улицахъ цѣлмя толпы народа тянутся по направленію къ Новинскому; болѣе всего движенія замѣтно на Садовой; нѣкоторые ужъ успѣли нагуляться и возвращаются назадъ.

Идетъ мѣщанинъ съ женой въ яркой лоснящейся повязкѣ; навстрѣчу знакомый—молодой малый съ супружницей. Христосуются.

— Что жъ мало гуляли? спрашиваютъ встрѣтившіеся.

— Да что же? Тому хорошо гулять, у кого денегъ гуляющихъ много. А нашему брату несходно. Такъ потолкались, поглазѣли.

— Устали только,—замѣчаетъ жена,—да что хорошаго-то?

— Ну, хорошаго-то довольно, произносить протяжно супругъ:—вотъ это, говорятъ, слонъ тамъ любопытенъ. Опять же пѣніе.

— Ну вотъ пѣніе.

— Окромѣ того! Да какъ, удовольствіевъ много.

— А вотъ мы съ супругой тоже.

Посреди улицы ѣдетъ, сидя верхомъ на калиберѣ, мастеровой, и поетъ наигрывая на гармоникѣ:

Али повара, лакея?

Али кучера Матвѣя?

Съ Бударинской площади вѣзжаютъ на Садовую два калибера; на одномъ четыре человѣка, кромѣ извозчика: двое верхомъ, обернувшись лицами другъ къ другу, третій стоитъ на подножкѣ, навалившись на сидящихъ, четвертый ухитрился залѣсть на заднія рессоры и, разложивъ ноги на крыльяхъ, неизвестно для чего махаетъ шапкой. Сидящій спиной къ извозчику держитъ его за шиворотъ. Вся группа покачивается на обѣ стороны, и при первомъ порядочномъ толчкѣ готова грохнуться на мостовую. На другомъ калиберѣ ѣдутъ двое; назади, у спинки, закинувши голову назадъ, полулежитъ созданіе—погибшее или нѣтъ, даже милое или нѣтъ—неизвестно, но однимъ словомъ созданіе женскаго пола.

Кудринская площадь вся уставлена извозчиками; шинья между лошадьми и экипажами, пробираются пѣшеходы. И вотъ наконецъ открывается рядъ балагановъ съ развѣвающимися флагами.

— Народу-то! Народу-то! Видимо-невидимо! говорить кто-то.

Ваньки толпятся по лѣвой сторонѣ гулянья; нѣкоторые изъ нихъ замышляютъ пробраться пониже.

— Куды, куды? кричитъ сѣрое начальство.

— Я те подвинусь.

Постигнувъ всю глубину этого возгласа, ванька запускаетъ руку въ карманъ, что-то достаетъ, гремя мѣдными, и потомъ протягиваетъ руку начальству.

— Ишь, свиное рыло, кричитъ оно, всматривался въ ладонь.—Вонъ отсюда!

Ванька въ другой разъ запускаетъ руку въ карманъ, послѣ чего сѣрое начальство затихаетъ.

Наконецъ вотъ она, непроходимая, волнующаяся толпа. Смѣхъ, крикъ, говоръ. Тоны измѣняются до безконечности. Вдругъ справа изъ палатки, съ надписью *Restoran*, слышится *Иванушка*. Издали доносятся отрывистые звуки кларнета, подыгрывающаго неизвѣстно какой пѣснѣ: только пробившись сквозь толпу и ближе подойдя, можно слышать, что это *Куманечекъ*.

— Куманечекъ, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня.
Я бы радъ побывать у тебя...

— Да баю-у-сь, вставляетъ теноръ, прикладывая руку къ щекѣ.

Въ толпѣ взрывъ смѣха.

— Куманечекъ, побывай у меня, начинаетъ хоръ опять и теноръ, опять изображая куму, прибавляетъ:

— Ничего, не бойся.

Пѣсня все больше и больше оживляется; теноръ схватываетъ бубенъ и ловко бьетъ по немъ рукой. Маленькій подголосокъ пускается въ присядку.

— У-р-р р-а! кричитъ мальчуганъ—пѣсенникъ, перевѣсиваясь черезъ перила и растопыривая пальцы.

— У-р-р-р-а! подхватываетъ толпа, и вскорѣ трогается отсюда къ другому балагану, гдѣ тоже что то затѣвается.

Идетъ разговоръ.

— Вотъ петербургскіе точно наряднѣе, а строй не тотъ!

— Куды!

— Ты, братъ, карманы-то попридерживай.

— А вѣдь это небось все жулябья орудуетъ? Передъ кассами балагановъ толпится народъ.

— Почему мѣсто-то?

— Аль не видишь?

— Для со-л-да-тъ. Ишь, для солдатъ-то по гривеннику положили.

— Ну, а для вашего брата по двугривенному.

— А! Вона! Небось, лоботрясы, въ солдаты итти не хотите, а вѣдь намъ ишь ты почетъ какой.

— О-охъ ты мой! А я тво-о-ой! Чортъ съ тобой! вытягиваетъ паясъ надъ перевѣсившимся навзничъ черезъ барьеръ какимъ то юношей въ совершен-но почернѣвшемъ отъ непрерывнаго употребленія трико.

— Х-ха-ха-ха ха! закатываются на эту фразу со всѣхъ сторонъ.

Паясъ продолжаетъ выть, а юноша лежитъ по прежнему и начинаетъ синѣть отъ приливающей въ голову крови. На него, впрочемъ, мало обращаютъ вниманія, всѣ заняты паясомъ, котораго заставляютъ снести этого мертвеца; тотъ долго огнѣживается, наконецъ начинаетъ поднимать его, но мертвецъ ускользаетъ подъ лавку.

— На поминки! зоветъ паясъ, уходя.

Многіе дѣйствительно отправляются въ балаганъ.

Въ жирандолкѣ на сценѣ горитъ одна только свѣчка; кто-то изъ публики, пользуясь огонькомъ, шагая черезъ скамьи, идетъ закурить папиросу. Представленіе еще не начиналось. Между зрителями шныряютъ мороженники, пряничники

— Сахарное! слышится гдѣ-то. Ка-андитерское!

— Проваливай, проваливай: только зубы заболятъ.

— Скоро что ль? кричитъ кто-то въ райкѣ.

— Погодишь, — не умрешь.

— Эй! Начинай! Что же вы?

— Заворачивай что ли!

Но занавѣсъ не заворачивается. Кто-то свиститъ.

— Похлопайте, молодцы, — говоритъ, обращаясь къ райку, баба съ ребенкомъ на рукахъ.

Начинаютъ хлопать. Занавѣсъ не колыхнется. Снаружи доносится вой паяса.

— Что жь это? Ночевать что ли загнали сюда? нетерпѣливо кричить кто-то.

— Петръ Иванычъ, неужто тебѣ гривенника жаль? Ну, какого чорта!

— Ждали, и еще подождемъ.

— Ѳедя! Угощай господъ мороженымъ-то.

— Кандитерско! кричитъ Ѳедя, шныряя съ своимъ ушатомъ.

Представленіе все еще не начинается. Чтобы развлечь публику, музыканты помѣщаются подъ кровлей и начинаютъ играть *По улицѣ мостовой*.

— Эй вы! кричитъ въ раекъ кто-то, поднимаясь изъ стульевъ. Не курить тамъ.

Папиросы тушатся.

Наконецъ занавѣсъ поднимается.

Дѣйствию, нужно полагать, происходитъ въ какомъ-то турецкомъ городѣ. На сценѣ какія-то чучелы, должно быть Турки. Вдругъ бьютъ тревогу. Вводятъ русскаго офицера съ завязанными глазами. Потомъ уводятъ опять. Декорація перемѣняетъ-

ся. Представляется городъ; паша съ какими-то бабами бѣгаетъ по сценѣ. Приходитъ русскій отрядъ: начинается сраженіе. Русскіе побѣждаютъ. Бенгальскій огонь до-того, что рѣшительно ничего не видать на сценѣ. Впослѣдствіи можно разобратъ, что русскіе солдаты стоятъ, вонзивъ штыки въ турецкихъ, офицеры въ офицеровъ, генералы въ генераловъ. Нестерпимо гремитъ барабанъ, и отъ каждаго залпа пламя ярко вспыхиваетъ на свѣчахъ. Занавѣсъ опускается.

Шумъ въ ушахъ у зрителей прекращается не вдругъ; только черезъ нѣсколько времени слухъ снова пріучается различать слова.

— Нѣтъ, братъ, Гришка лучше всѣхъ строй знаетъ!

— Который это?

— А вонъ угловой.

— Квасъ малиновый, хорошій.

— Господа! Господа! Господа! Ставьте, ставьте. За копѣйку шесть, за двѣ двѣнадцатъ, за три восемнадцатъ. Занимайте ставки! Занимайте ставки! зазываетъ какая-то подозрительная фізіономія около фортунки. Тутъ же главный ставщикъ и постоянно выигрывающій мальчишка, ставитъ на номеръ мѣдякъ. Нельзя не замѣтить, что это фаворитъ подозрительной фізіономіи, находящійся съ ней въ стачкѣ.

— Крутите сами кто хочетъ, — говоритъ фізіо-

номія, отходя немного въ сторону. — А то вотъ имъ все идетъ, указывая на фаворита, прибавляетъ она. — Подумають еще...

Выигрываетъ, конечно, фаворитъ.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ счастье-то! Цѣлковыхъ три никакъ ужъ выигралъ.

Подзадоренные надеждой на счастье, нѣкоторые ставятъ опять, но исторія все та же.

— Развѣ мнѣ пряниковъ жаль? слышится съ другаго боку передъ лоткомъ, на которомъ бьютъ пряники.

— Нѣтъ, пушай-ка онъ поставитъ самъ, — заступаются за проигравшаго.

— Да кто жъ можетъ быть въ моемъ добрѣ указъ?

— Ишь ты! Э-э-э! Указъ!

— Да мнѣ пропади они пряники! бросая пряники, съ сердцемъ кричитъ солдатъ.

— Ладно, ладно, бросай!

— Еррррики!

— Эй, честные господа, вы пожалуйста сюда, — напѣваетъ чуйка, показывающая панораму. — Городъ Китай. Отсюда привозятъ намъ чай! Пьешь, — губы слипаются, напьешься, — спина не разгибается.

— У кого двадцать первый номеръ? кричитъ во всю глотку антрепренеръ копѣчной лотереи, таская за конецъ какой-то мѣшокъ съ номерами. —

Ни у кого нѣтъ, отвѣчаетъ онъ же сейчасъ, будучи вполне увѣренъ, что такого билета у него никогда не отыщешь и опять обращается къ прохожимъ съ своими предложеніями.

— Баринъ! Баринъ! Билетъ — копѣйка! Всего копѣйка. Ну, что такое? За то сюрпризъ. Мамзелѣ какой подарить.

— Жуликъ ты! Мошенникъ! вопить продавецъ орѣховъ и пряниковъ на какое-то пальто.

— Да ты чего пристаешь ко мнѣ?

— Какъ чѣго?

И вслѣдъ за этимъ пощечина.

— Подбодри его, подбодри!

Удары учащаются, и пальто обращается въ бѣгство.

Хоръ пѣсенниковъ на одномъ балаганѣ затягиваетъ плясовую. Вывѣска гласитъ, что *Астраханскій плесунъ будетъ танцовать ежедневно, деликатенъ своею наружностію* Мѣсто очищается, и заѣзжій плесунъ принимается строчить ногами; но сквозь частыя перилы не видать всѣхъ его астраханскихъ ловкостей.

Пѣсенниковъ заглушаетъ хрипъ валторны и визгъ шарманки въ сосѣднемъ балаганѣ.

— Партія! взвизгиваетъ мальчикъ, сидя на одномъ изъ коней самоката.

Онъ торжественно поднимаетъ руку съ нахвтаннными кольцами; прочіе ѣздоки съ завистью поглядываютъ на него.

— Знаемъ мы партія! Ты изъ рукава-то колецъ не выбрасывай!

Скоро на самокатѣ новые сѣдоки. Вотъ на скамью важно сѣлъ солдатикъ: засунувъ руки въ карманы, онъ небрежно разваливается на своемъ сидѣннѣ, шинель его растегнута, красный ситцевый нагрудникъ—во всей красѣ. На другой скамьѣ усѣлись двѣ горничныя и рѣшительно не знаютъ что дѣлать съ своими руками.

Черезъ нѣсколько минутъ самокатъ на всемъ ходу. На лицахъ сѣлоковъ выражаются разныя впечатлѣнія; солдатъ гордо посматриваетъ на народъ; какой-то рослый дѣтина весь изгибается на сторону, и прицѣливается въ кольцо; нѣкоторые краснѣютъ отъ неудачи. Какая-то мамаша въ шляпкѣ посадила своего маленькаго сынка на коня и сама стоитъ около него. Замѣтно что у нея отъ движенія самоката очень закружилась голова, и она даже щурится, закусывая губы.

— Партія! взвизгиваетъ опять счастливый мальчикъ.

— Господа! прошу покорно! слышится съ боку.

По отлогому куску дерева съ канавкой, упирающагося однимъ концомъ въ стѣну балагана, пускается шарикъ, весь расписанный нумерами. Чей номеръ будетъ наверху, когда шарикъ остановится, тотъ и выигрываетъ.

— Да что ты все самъ пускаешь? Ты дай-ка

намъ, — говоритъ какой-то парень хозяину, предвительно мигнувъ ему.

— На, на, — отвѣчаетъ тотъ.

— Мальчикъ, а мальчикъ! говоритъ внезапно явившееся малое начальство, не твердо стоящее на ногахъ... Понимаешь...

— Да у меня нѣтъ-съ.

— А хозяинъ гдѣ?

— Вамъ сколько-съ?

— Пон-нимаешь-ли?..

— Пожалуйте-съ.

— Ну теперъ валяй! Свободно! заключаетъ малое начальство, направляясь къ продажѣ питей.

Качели еще не трогались въ ходъ, но уже почти всѣ ящики набиты биткомъ; въ ожиданіи удовольствія, гуляющіе грызутъ подсолнухи, переговариваются, свѣшивая головы далеко внизъ. Вотъ мужики начинаютъ сильно работать руками, и черезъ минуту съ крикомъ и визгомъ заворошилась въ воздухѣ цѣлая туча этихъ ящиковъ съ народомъ; издали кажется, что они сыплятся съ неба. Послѣ нѣсколькихъ круговъ, публика какъ ошалѣлая бредеть, шатаясь, въ разныя стороны.

Часамъ къ девяти гулянье начинается пустѣть; раздается только музыка въ балаганахъ, гдѣ еще не кончилось представленіе. Черезъ полчаса и оттуда расходится народъ.

— До-чего ты достигаешься, безстыжіе твои глаза! распекаетъ душегрѣйка своего сожителя, достаточно освѣжившаго свои карманы, среди безконечнаго числа новинскихъ увеселеній и надуваній. Ты бы съ Ивана Ѳомича примѣръ взять. Люди въ домъ, а тебѣ бы все изъ дому!.. Что ты на жисть-то мою настаешь? Мнѣ развѣ долго? Въ деревню пойду, меня примутъ, а вотъ какъ-то ты, безпутные твои глаза, бродить будешь безъ меня? —Скоро жрать небось нечего будетъ.

Пьяный сожитель, не отвѣчая, только бессмысленно взглядываетъ на супружницу.

Становится совсѣмъ ужъ темно; фонари на улицахъ горятъ тускло, какъ будто не желая освѣтить тѣ фонари, которые сіяютъ на лицахъ нѣкоторыхъ гуляющихъ, десницей ближняго, или другими какими обстоятельствами, потому, вѣроятно, что и праздничное гулянье усыяно терніями, какъ и все въ семь тлѣнномъ мірѣ.

Чуйкинъ, закатившись къ Прохорову, не попалъ на гулянье, и воротился домой только на другой день.

1862 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

Въ подмосковной деревнѣ Болотинѣ, субботній вечеръ бывалъ почти всегда особенно тихъ, потому что обыватели ея въ этотъ вечеръ, не въ примѣръ другихъ, будничныхъ вечеровъ, старались раньше завалиться на боковую, ибо завтра, въ воскресенье, предстояла полнѣйшая свобода сидѣть въ кабацѣ и вообще ничего не дѣлать цѣлыя сутки.

И въ то время, какъ болотинцы, мирно покоились по своимъ клѣткамъ, когда во всей деревнѣ не слышно было ни одного звука, по московской большой дорогѣ ѣхали всегда двѣ-три тройки, плотно нагруженные мастеровыми, торопившимися въ Болотино на завтра къ празднику. Неминуемое сидѣнье въ сибиркѣ или темной, потомъ прогулка съ метлой въ рукахъ и съ большой головой на разбитыхъ пьянствомъ плечахъ, неизбежно сопровождавшія почти всякаго фабричнаго, вздумавшаго разгуляться посреди матушки Москвы, — благоразумнона водили этихъ фабричныхъ на мысль, хоть изрѣдка отпраздновать этотъ Господній день «честь-честью», — а это всего удобнѣе на родномъ пепелищѣ, вблизи родителей и сродниковъ, и вдали отъ московскихъ увеселеній и кабаковъ.

Въ бездунную субботнюю ночь, затемняемую

еще сѣрмыъ слезящимся небомъ, ѣдутъ фабричныя въ Болотино; по пяти, по шести человекъ лежать они въ телѣгахъ, подвигающихся впередъ небольшой рысцой, и покачиваясь изъ стороны въ сторону, негромко подтягиваютъ подъ гармонику:

Пошла-ли ты моя головушка?
Понила-ли, погуляла?

Набѣгающій съ поля вѣтеръ слегка кропить мелкимъ дождикомъ и, своей ровной тягой, усыпляетъ и убаюкиваетъ натрудившійся народъ...

А кругомъ становится темнѣе и темнѣе... Теплый дождливый вечеръ превратился въ свѣжую, дождливую ночь... Ночной холодъ заставляетъ порой передернуть плечами, но вовсе не мѣшаетъ пѣть прежнюю пѣсню и легонько поигрывать на гармоникѣ:

Ужь и стали они меня, добра молодца,—
Стали стричь и брить.
— «Ужь вы брейте мои кудерушки,
Брейте, не жалѣйте...»

пѣли тихіе голоса, и еще темнѣе становилось кругомъ.

II.

На другой день, вмѣстѣ съ раннимъ восходомъ солнца, начинали подниматься и обитатели Боло-

тина; этому, между прочимъ, способствовалъ продолжительный и ранній колокольный звонъ, возвѣщавшій народу, что батюшка отецъ Яковъ всталъ, и что крестьяне, по своему старинному обычаю, могутъ брать изъ церкви иконы для того, чтобы вмѣстѣ съ причтомъ, носить тѣ иконы по полямъ, огородамъ, скотнымъ дворамъ и вообще всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, о которыхъ труженники-мужички отъ-вѣка молятъ Бога, чтобы Онъ послалъ на нихъ свою благодать, такъ какъ съ процвѣтаніемъ ихъ соединено и скромное мужичье счастье.

Яркіе лучи солнца, брызнувшіе по орошенной легкимъ ночнымъ дождикомъ травѣ, празднично играли на расчесанныхъ соломенныхъ крышахъ домовъ, на расписныхъ яркими красными цвѣтами ставняхъ и яркой звѣздочкой горѣли на церковномъ крестѣ... Весело и празднично смотрѣли широкія улицы, уставленныя трехъ-оконными домами, и въ эти распахнутыя окна, легкой утренней вѣтеръ доносилъ густой ароматъ полевыхъ цвѣтовъ, освѣженныхъ дождемъ, и порой, колыхнувъ кисейную занавѣску, открывалъ взорамъ прохожаго болотинскую обывательницу, старательно убиравшую передъ зеркаломъ свою чинно приглаженную голову гарнитуровымъ платкомъ.

Костантинъ Шильниковъ, или просто Коська, одинъ изъ фабричныхъ, вчера, поздною ночью, доѣхавши до Болотина, продралъ глаза послѣ

сладкаго и словно мертваго сна на отцовскомъ сѣновалѣ, и на удивленіе своимъ деревенскимъ братишкамъ сильно началъ величаться и фуфыриться, пользуясь своимъ столичнымъ авторитетомъ.

— Пойду, погляжу,—растягивалъ онъ,—что тутъ у васъ за сторона... Что-то я его бытто, отъ московскаго-то житья словно маленько попрizaбылъ городъ-то вашъ...

— Обнаковенно какъ Болотино прозывается, такъ оно и есть — нерѣшительно говорилъ братишка...

— То-то,—продолжалъ важничать москвичъ, шелудивое ваше племя! А нѣтъ того, чтобы понять какая можетъ быть понимающему человѣку,—скука! Черти! Дѣ-ко узелъ-то мой!..

Братишка приволокъ изъ угла узелъ и съ приближеніемъ его москвичъ почувствовалъ бѣольшую гордыню, потому что въ этомъ узлѣ хранились разные его наряды, которыми онъ наповалъ надѣялся убить брюховцевъ, ибо и подъ Андроніевымъ на гуляньѣ, гдѣ не только разгуливаютъ фабричные, но зачастую щеголяютъ господа купцы и чиновники съ женами и дочерьми, и здѣсь его долговязый сюртукъ и молодецкіе сапоги были не изъ послѣднихъ...

— Достань-ко сапоги-то!... Этакихъ сапогъ-то поди вашъ братъ во щахъ не хлѣбалъ...

— Гд-ѣ-э...—говорилъ изумившійся мальчишка,

осторожно поворачивая сапогъ, лоснившійся на солнцѣ. Москвичъ только щелкнулъ языкомъ и самодовольно произнесъ:

— Вотъ то-то и оно-то!.. Вить это для вашего брата—зеркало!.. Ты поприглядишь въ него хорошенько,—оно тебя сейчасъ обозначить... рожу-то твою!..

Мальчишка повернулъ сапогъ къ лицу и дѣйствительно, посмотрѣвши въ ярко вычищенное голенище, увидалъ свою фizioномію, значительно распухшую у носа и губъ... При этомъ онъ замѣтилъ, что глаза его въ этомъ новоизобрѣтенномъ зеркалѣ смотрѣли какъ-то дико, были огромны и мутны...

— Ахъ, сапогъ! — произнесъ разкисшій мальчишка.

— Ага! доставай теперича платокъ, который подъ шею... Этотъ-вонъ, зеленый.

Мальчишка досталъ...

— Взмахни его супроти солнца.

Мальчишка встряхнулъ платокъ, который словно Жаръ-птица ослѣпилъ его и невыразимо-яркою зеленью, и огромными красными, словно огонь, цвѣтами, густо насаженными по этой зелени.

— Видѣлъ?

Мальчишка, изумленный платкомъ, стоялъ съ вытаращенными глазами и не отвѣчалъ.

— Ага! Доставай теперича, который платокъ

носовой къ примѣру... продолжалъ москвичъ, сидя на снѣ и указывая братишкѣ пальцемъ гдѣ доставать...

— Досталь? смотри: этотъ платокъ для какова дѣла по твоему? Ты, сичасъ издохнуть, ровно какъ тварь какая тутъ смыслишь!.. Ты до него и до-тронуться-то боисси, потому, тебѣ это опасно,— а я сичасъ въ него, глянько... Потому мнѣ плевать!.. заключилъ Коська Шильниковъ и прибавилъ:

— Погляжу я на вашего брата деревенщину,— тоись вахлагъ на вахлагѣ... такъ, безъ пути безъ толку!..

Черезъ полчаса москвичъ собирался идти на улицу и въ церковь. Умывшись изъ рукомойника, привязаннаго на веревочкахъ къ навѣсу надъ крыльцомъ, онъ напялилъ на себя каляную ситцевую рубашку, расписанную райскими птицами и до того узко стянутую у шеи высокимъ косымъ воротомъ, что кровь густо приливала къ лицу, на лбу выступали жилы, и звуки не безъ труда выходили изъ стиснутаго горла. Но это москвичъ нисколько не считалъ изъяномъ въ своемъ нарядѣ; напротивъ, этотъ тугой ошейникъ, давившій словно петля на висѣлицѣ, точно также считался въ его глазахъ преимуществомъ въ нарядѣ, какъ и плисовые штаны, какъ картузь съ мелкимъ, но широкимъ дномъ, какъ лоснившійся на солнцѣ

сюртукъ, и проч. и проч. Все это больше и больше увеличивало его гордость, и когда онъ сходилъ со двора, снова заставило его повторить:

— Посмотрю, погляжу, что за сторона? какой націи?

— Однако, братъ, ты на языкъ, погляжу я, — востеръ таки!.. заговорилъ отецъ Коськи, выходя на крыльцо и передергивая поясъ, съѣхавшій узломъ на бокъ...

— Да, тятенька, малость тоже смыслимъ...

— Поглядѣлъ я давича, какъ ты братьевъ-ты на сѣнникѣ нарядами пужалъ, — подивился не мало...

— Ничего даже, тятенька, удивительнаго нѣту, потому что собственно это для ихняго брата внови...

— Что говорить! а все я вижу, что ты изъярыжничался по Москвѣ-то знатно!

— На счетъ этого, тятенька, даже вы изволите совершенно напротивъ говорить, — обидчивымъ тономъ продолжалъ Коська, снимая картузъ и держа его около уха; потому, мы у васъ, тятенька, завсегда можемъ ручку поцаловать... Такъ-то-съ!.. Пожалуйте!.. Вотъ какъ-съ! до трехъ разъ можемъ приложиться-съ... Это намъ наплевать...

— Ладно, ладно... .

— А что костюмъ нашъ, то изволите вникнуть...

При этомъ Коська быстро перевернулся на каблуки и въ это же время словно молнія блеснули на солнцѣ и его козырекъ, и пуговицы у жилета, и сюртукъ, и сапоги... Для большаго эффекта Коська слегка согнулъ руки въ локтяхъ — словно хотѣлъ подпереться фертотомъ и заключилъ:

— До свиданія-съ, тятенька!..

— Вотъ какъ у насъ! добавилъ онъ за воротами, надвигая картузь на ухо.

III.

Весь болотинскій народъ, дожидаясь обѣдни, столпился около церкви и гулялъ за церковной оградой. Деревня въ это время была совершенно пуста; на базарѣ нѣтъ ни единой души и только безмолвно торчатъ въ воздухѣ палки надъ столиками, на которыхъ въ торговые дни развѣшиваются разноцвѣтныя нитки, стеклянныя ожерелья и проч.

Впрочемъ, нынѣшній день обѣдня начнется поздно, ибо въ церкви захотѣли пѣть господа помѣщики; объ этомъ возвѣстилъ народу пономарь, тоскливо ожидавшій на колокольнѣ приказанія звонить... Узнавъ, что господа еще не просыпались, народъ продолжалъ гулять кучками на церковномъ лугу. Бабы, въ красныхъ сарафанахъ или въ красныхъ же платьяхъ, столпились въ кучки особо отъ мужиковъ и вели свои разговоры. Старухи съ ребя-

тами, которыхъ намѣрены были причастить, унижали всѣ церковныя ступени и тоже говорили что-то другъ другу, но только шопотомъ, словно боялись, что ихъ подслушаютъ.

— Давно-ли померъ-то? спрашивала одна.

— Ды вотъ другой годъ съ Макаевивъ пойдеть... то-то, милая, надрыдались...

Другая только покачала головой, жалостливо сложивъ губы.

— Шесть человѣкъ ребятъ!..

— Какъ же это его угораздило?..

— Да вѣдь какъ угораздить-то: напились они въ Москвѣ, одинъ и говорить: полѣзай, говорить, на крышу... Тотъ и полѣзъ... Домъ дтъ каменный, высочина — эва какая! и лѣстница приставлена... Онъ по лѣстницѣ-то... Ды и сорвись—объ земь! . Въ мелкіе кусочки!..

Другая старуха по прежнему качала головой.

— Сейчасъ его рогожкой накрыли, завязали въ узелъ, да и на ломоваго... Такъ и не видали.

Ребенокъ начиналъ плакать, старуха качаетъ его, прихлопывая ладонью по его спингѣ.

— И такъ на него Господь милостивый прогнѣвался, говорить третья старушка, что онъ, милая ты моя, болѣ десяти годовъ ни одного сна не видалъ.

— Царица небесная!..

— Все, говорить, черное что-то вижу: высунить языкъ и спрячется...

Между ребятами шли разговоры такого рода:

— Ахъ, милые мои, — говорилъ Коська Шильниковъ, — какія по новішнему мѣсту бабы превасходныя!

— Что ахаешь-то?..

— Никакъ, милые мои, мнѣ ни ахать невозможно, по той причинѣ, какъ сію секунту, долженъ я этимъ бабамъ орѣховъ отсыпать покрайности полмѣры.

— Ты до обѣдни-то погоди.

— Я, милашки, точно что погожу, ну только наврядъ стерплю я!.. Ну, шельмы!.. Кто такая въ красномъ-то?.. Ахъ шутъ тѣ: какъ плошка горить... И бабы же!

Молодцы проходили кучку бабъ и растаявшій было Коська снова принималъ высокомѣрный тонъ:

— А ты можешь по памяткамъ читать? спрашивалъ онъ, останавливаясь около одной изъ могиль, обружавшихъ церковь.

— Чаво читать?

— Какъ объ комъ прописано? Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ не идола не согласишь?.. Гляди:

И Коська по складамъ началъ читать:

Не много я на семь свѣтѣ жилъ,
Но безпрестанно Господа скорбилъ,

и т. д.

— Видѣлъ?

— Видѣль, — угрюмо отвѣчалъ, оскорбленный бойкостію Коськи, собесѣдникъ...

— То-то и есть!... Миѣ что? Миѣ сейчасъ *Пчелу* дай. Я ее гляко-съ бакъ отмахую... Насквозь!.. *Пчелка*, — это любезное дѣло!

Вдругъ съ колокольни раздался благовѣстъ; господа: мужчины и дамы съ нотами въ рукахъ тронулись въ церковь, а за ними и весь народъ. Церковный лугъ и лужайка въ церковной оградѣ опустѣли. На паперть начали собираться нищіе и отовсюду ползли калѣки.

IV.

Въ то время, когда въ церкви чинно шла обѣдня, въ домѣ старушки-вдовы священника, собиравсь сосѣди-гости, такъ какъ сегодня случился день ангела ея сына. Гости приѣзжали изъ другихъ деревень, гдѣ уже отошла обѣдня, поэтому они только изъ любопытства заходили въ церковь, чтобы посмотреть: какъ-это господа поютъ, и потомъ снова возвращались въ жилище старушки. А старушка суетилась на сколько могла, и поминутно, дрожавшими отъ ветхости ногами, направлялась въ кухню и на погребъ.

— Простите меня, старуху, — говорила она: — ничего не сыщу, ни ножей, ни вилокъ... Одна живу: распропалп гдѣ-то... Ужъ какіе есть: не взыщите.

Старушка дѣйствительно жила одна одинешенька; ей было довольно одной комнатки, и комнатка эта куда какъ мрачно глядѣла на незнакомаго человѣка: старинные, почернѣвшіе шкафы и комоды съ мѣдными кольцами у ящичковъ, большое, но треснувшее и значительно стертое сзади стекло зеркала, образа, спрятавшіеся въ цѣломъ лѣсу вербъ и разныхъ травъ, накопившихся здѣсь годами,—все это вѣяло стариною и пустынностію... Всѣ эти портреты архіереевъ и другихъ духовныхъ особъ почернѣли и словно привидѣнія смотрятъ изъ тмы. А темнота въ комнатѣ старушки увеличивалась еще потому, что подо всѣми тремя окнами, выходившими въ садъ, разрослись высокіе и густые дубы и осины, и съ ихъ могучими вѣтвями и множествомъ листьевъ трудно было бороться солнечнымъ лучамъ; сквозь эти сучья и листья не могъ пробраться дождь, и только звонко щелкалъ о курчавыя верхушки, унизанныя этими же безчисленными листьями.

— Одна живу,—повторяла старушка... боюсь... Цѣлое лѣто двойныхъ рамъ не выставляла... думаю: воры влѣзутъ. .

Въ углу подъ образами, на большомъ кругломъ подносѣ, съ остатками на серединѣ дна какого-то рисунка, — помѣщались разнокалиберныя бутылки съ виномъ; и вино это тянулось отъ самыхъ мужниныхъ похоронъ и протянется еще многіе годы,

ибо доселѣ ни одинъ посѣтителъ не рѣшался выпить ни одной рюмки, такъ какъ каждая капля, выливавшаяся изъ бутылки, приносила съ собою полчища труповъ мухъ и таракановъ.

— Прикушайте, говорила старушка.

— Охъ!.. да не рано-ли?

— Что за рано!

— А я такъ полагаю,—быдто до достойнаго то не ладно?

— И!.. дорожному Богъ простить!

Обѣдъ устроился на двухъ разнокалиберныхъ столахъ: одинъ былъ ниже, другой выше; одинъ уже, другой шире. Ложки подавались мятые, мѣдныя, тарелки заклеенныя замазкой и иззубренныя по бокамъ... Весь обѣдъ и вся обстановка производили на гостей скучное впечатлѣнiе, и за столомъ не было слышно почти разговоровъ, среди тишины слышно было какъ кто-то вздыхалъ:

— А то вотъ,—рѣшался-было кто-то завязать разговоръ,—одинъ чиновникъ у насъ взялъ за женой полсотни кирпичей въ приданое.

— Какъ такъ?

— А такъ! пьянаго повѣнчали. На другой день онъ положилъ кирпичи въ телѣгу, сверху взвалилъ перину, сѣлъ на нее съ женой и поѣхалъ въ городъ. За заставой онъ какъ вцѣпится ей въ косы: ахъ ты, говорить, подлячка...

Но этотъ рассказъ, кромѣ нѣкотораго, весьма

казеннаго сожалѣнія, пущеннаго въ ходъ однимъ изъ гостей, не продолжилъ разговоръ и большинство голосовъ, дожидаясь блюда, молча смотрѣли въ потолокъ, который висѣлъ чуть не надъ головами, и весь изпещренъ былъ крестами, накопленными страстной свѣчкой.

Среди мертвой тишины, царствовавшей все время въ домѣ старушки, явственно можно было слышать доносившуюся съ улицы пѣсню; народъ выходилъ изъ церкви, и посрединѣ улицы уже лежали трое пьяныхъ мужиковъ, а четвертый оралъ что есть мочи, словно молилъ, чтобы ему не дали уснуть рядомъ съ своими собратьями.

Харчевня, составляющая неотъемлемую принадлежность всякой мало-мальски торговой деревеньки, въ воскресенье оживляется гораздо раньше обыкновеннаго: еще народъ не вышелъ изъ церкви, а въ харчевнѣ, у раскрытаго окна, сидѣло двое еле-еле-живыхъ мужиковъ: упершись локтями въ столъ, на которомъ стояли полоскательница и пустой графинъ, и подперши ладонями подъ бороду, они орали другъ другу разныя пѣсни, причемъ что есть мочи разбвали рты, жмурили глаза, и одинъ вовсе не слушалъ другаго.

У грильца въ это время баба говорила мужу и грозилась:

— Ты гляди! ежели опять по вечерышнему—я тебѣ свое зло изомщу...

— А мнѣ что? :

— Я сичасъ Мишку объ печь головой шаркну.

— Да шаркай

— Ну вотъ гляди: только ты у меня нажрись.

— И нажрусь.

Баба вдругъ потеряла хладнокровіе и заголосила; мужикъ сначала загрохоталъ, потомъ бросился въ харчевню и, высунувъ голову въ дверь, дразнилъ жену языкомъ, приговаривая:

— Ай взяла?

Коська Шильниковъ, имѣвшій достаточно времени показать свои достоинства въ формѣ сапогъ и прочаго, — съ гурьбой пріятелей ввалился въ брюховскую *бѣлую харчевню* и произнесъ:

— А что у васъ машины нѣту?

— Никакъ нѣтъ-сь, волчокъ вотъ-сь...

— Что волчокъ! волчокъ волчкомъ! А то, братцы мои, страсть я люблю, какъ ежели гдѣ въ Москвѣ, въ трактирѣ, хорошо эту пружину заведутъ... Привасходно! Запустить, запустить!

Ребята только слушали и не спѣша усаживались за столъ, гдѣ чрезъ минуту глошили чай, обтирая платками лбы.

— А какіе у васъ доне по Москвѣ пѣсни новья? спрашивалъ у москвича болотинецъ.

— У насъ, братъ, много пѣсенъ. Теперича вотъ пошла одна любопытная пѣсня:

Никогда тебя я, шельму,

Такъ жестоко не любилъ...

превосходный стишокъ!

— Эта пѣсня ничего!..

— У насъ, братъ, пѣсни страсть! Вотъ тоже еще пѣсенка складная. Москвичъ откашлянулся и потихоньку спѣлъ:

Въ рождѣ Марьиной гулянье:
Тутъ и самый есть Семикъ!
Наканунъ Семика
Убилъ поваръ мясника;
Онъ за то его убилъ,
Что онъ душу загубилъ:
На чумичкѣ вошь убилъ.
Вошка банюшку топила,
Блошка парилася.
Не до пару: вошь унала,
На ушатъ ребромъ понала
Ногу выломилла,
Ребро вывихнула...
Слава Богу, околѣла,
Всему міру надоѣла...
Поминайте рабу
Сѣру вошку во гробу!..

-- Какая пѣсня-то?

— Важная, братцы!

— То то! А вы нѣшто это смыслите по глупости по своей? заключилъ Коська Шильниковъ.

Между тѣмъ подступалъ полдень, и всякій, кто только не былъ въ гостяхъ или въ харчевнѣ, то-

ропился пообѣдать и отдохнуть до вечерень. На улицахъ было тихо и безлюдно; только харчевня всѣми своими распахнутыми окнами орала сильнѣе и сильнѣе, и изъ этого оранья, страшнымъ визгомъ, неся визгъ волчка, запускаемаго пьяными могучими руками; — неистово щелкался онъ о натканная въ доску шпильки, и на это время чуть-чуть затихала столпившаяся около игры публика; но потомъ, какъ только нашъ знакомецъ Коська Шильниковъ принимался снова накручивать ремень на руку, и когда онъ, словно изступленный, бросался отъ волчка въ сторону, не жалѣя своей руки, которую чуть не до крови рѣзалъ. Этотъ тонкій и словно стальной ремень, — говоръ начинался снова и въ тучѣ разнаго крика трудно было разобрать хоть единое человѣческое слово: только Коська громче всѣхъ говорилъ:

— Вотъ какъ у насъ!..

V.

Между тѣмъ надъ Болотиннымъ опустился снова тихій и прохладный вечеръ; эта усыпляющая и разлившаяся кругомъ прохлада, казалось, усыпила неистовую жизнь харчевни и располагала къ тихой бесѣдѣ. У анбара, противъ одного изъ брюховскихъ домовъ, столпилась куча женихавшихся

ребятъ и дѣвокъ; тихо вели они свои разговоры и еще тише пѣли пѣсни. У плетня старая солдатка Марфа, неизвѣстно на какіе капиталы проживавшая въ Болотинѣ, назидательнымъ тономъ толковала свѣженькой дѣвушкѣ Анисѣ:

— Ты, дѣвка, гляди, будь умна! ты, хучь онъ и Сергѣй Петровичъ, а ты ему въ зубы-то не смотри, потому всѣ они измѣнщики. — Я ихъ на своемъ вѣку видала...

Противъ ребятъ, на скамѣчкѣ около дома *старика* вели такой разговоръ:

— А что, Иванъ Петровичъ, въ полѣ былъ?

— Былъ, другъ сердечный, былъ...

— Ну, каковы зелени?

— Просто—останься!

— Просто останься?

— А для того они такіе, что на Петровъ день дожди очень пользительно шли.

— Да, взглянулъ Господи окомъ своимъ праведнымъ!

Косыка Шильниковъ съ пріятелями безмолвно прошелъ мимо этой группы, гордо вытаскивая платокъ изъ задняго кармана и помахаявъ имъ по воздуху.

— Что ты голову-то дерешь? отозвался ему одинъ изъ парней, сидѣвшій съ дѣвушкой. Ты бы, много, было превосходнѣй, ежели-бы что-нибудь намъ про Москву рассказалъ.

— Милай! спросила старуха, жавшаяся за угломъ амбара, что ты на чугулки-то ѳзжалъ?}

— ѳзжать мы ѳзжали, говорилъ москвичъ, не забывая играть платкомъ, только это, скажу вамъ, по вашей глупости совершенно даже непонятно для васъ будетъ: то-ись какъ, и что къ чему.

— Расскажи - ка - съ... Поймемъ... Бѳса - то не понять?..

— Бѳса! А ты видалъ-ли его, бѳса-то?.. На машинѳ-то который?

— Ты-то видѳль-ли?

— Я-то видѳль!.. Потому, я очень яствинно на зарѳ его примѳтилъ...

— Ври больше! весьма разрушающимъ тономъ брякнулъ парень, слушавшій Коськино вранье, и этотъ возгласъ заставилъ грохотомъ разразиться остальныхъ ребятъ, уже успѳвшихъ развѳсить уши, распуснуть слюни на розказни разбитнаго фабричнаго.

— Эко загоготали! словно лѳшій въ лѳсу, обидчиво говорилъ Коська, медленно отходя отъ толпы. Пойдемте, братцы, дѳвокъ глядѳть!

На лужайкѳ за деревней, гдѳ торчитъ какой-то желтый казенный амбаръ и ходитъ инвалидъ, изъ жидовъ, съ ружьемъ, — большими хороводами расположились деревенскія дѳвушки, ярко рисуясь своими красными нарядами на темной зелени травы. Далеко слышенъ ихъ звонкій смѳхъ, пере-

рывавшій пѣсни, и потомъ снова тянулась эта пѣсня:

Зеленое мое винограде,
Лели лели винограде!
Ахъ, хорошъ мой милый ненаглядный,
Ахъ, съ какимъ я, дѣвушка, водилась!
Говорила батюшкѣ родному
Не давай ты меня, батюшка, рано замужъ;
Ты не льстись, родной, на богатство:
Не съ богатствомъ жить,—съ челобѣтомъ;
Не съ высокими хоромы,—а съ совѣтомъ;
Не съ частыми переходы,—а съ любовью...

А другой хороводъ пѣлъ:

Какъ братецъ къ братцу; въ гости приходилъ (2)
Родимый мой братецъ, пожалуй коня (2)
Съѣздить до села, жена родила (2).
Родимый ой братецъ (2) бери неспросясь (2),
Ступай куда хочешь...
Родимый мой братецъ (2), намъ нечего дѣлить (2)
Промежь съ тобой, родной (2), двѣ лютыхъ змѣи—
То жоны наши.

И Т. Д.

Долго на селѣ слышались хороводы; деревенское веселье нисколько не уменьшилось и тогда, когда московскіе франты-фабричные позднимъ вечеромъ снова тронулись въ Москву; веселье это было тихо, и только по временамъ кто-то горлачилъ въ харчевнѣ...

ПОЛМОСКОВИЯ И СЕРИИ

I.

У ТРОИЦЫ СЕРГІЯ.

1.

5 іюля у Троицы бываетъ храмовый праздникъ, и поэтому въ посадъ стекаются толпы богомольцевъ. Часа въ четыре, наканунѣ праздника, дебаркадеръ Московско - Коломенской желѣзной дороги биткомъ набитъ народомъ, желающимъ отправиться въ Лавру. Повсюду видны торопливыя, испуганныя лица богомольцевъ, боящихся забыть свѣчи или просвиры, — повсюду, на спинахъ пассажировъ, на полу, на лавкахъ виднѣются тысячи узловъ, узелковъ и пр., — все это торопится, аха етъ, трепещеть, что машина того и гляди уйдетъ, а до билетовъ нѣтъ додору. Со всѣхъ концовъ, обширнаго вокзала раздается: ахъ, ой, батюшки! ай, охъ, ахъ и т. д.

Вмѣстѣ съ первымъ звонкомъ вся эта кутерьма превращается въ давку, всѣ бросаются къ дверямъ, поспѣшно хватая всевозможные узлы и ящики.

Разумѣется, не обходится безъ писка какой нибудь бабы, прищученной къ притолкѣ дюжимъ богомольцемъ, и безъ внезапнаго опустошенія чьихъ-нибудь кармановъ.

Но шумъ и гамъ мало по-малу утикли. Пассажиры усѣлись въ вагонахъ и съ любопытствомъ прислушиваются къ воплямъ локомотива, готовящагося въ путь.

— Ай, не любишь? язвительно замѣчаетъ купецъ, относясь къ этому воплю, и, безъ всякаго сомнѣнія, подозрѣвая тутъ что-то нечистое.

— Гдѣ любить!..

— Ему, вся причина, размянаться не хочется. Дорога дальняя.

— Застоялся!

— Ѳедоръ Кузмичъ, а гдѣ кормить-то будемъ?

— Мы не кормя.

— Ха-ха-ха! Подсудобили конька! Что онъ у васъ меренокъ, что ли?

— Меренокъ.

— Ха-ха-ха!

— Чудное дѣло! Подумаешь, до чего народъ-отъ дошелъ!

— Ничего тутъ чуднаго нѣту; еще вдревле въ писаніи есть «и будешь на персяхъ.» Вотъ оно къ тому и идетъ.

— Это про змія-съ сказано!

— А онъ-то кто?

По этому поводу начинается споръ, подкрѣп-
ляемый перевираемыми текстами; къ спорящимъ
сыплются замѣчанія съ разныхъ концовъ вагона
и мало-по-малу разговоръ становится общимъ. Но
поѣздъ тронулся. Всѣ замолкаютъ и крестятся.

— Пошла! замѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

Тихо уходитъ уголь платформы съ жандармомъ,
мелькаетъ нѣсколько товарныхъ вагоновъ, проно-
сятся мимо какія-то длинныя трубы, и змѣй вы-
рывается въ чистое поле. Несутся поля, лѣса, ка-
раульныя сторожки, и тутъ, глазъ, привыкшій встрѣ-
чать только солдата вытянувшася въ струнку,
съ нѣкоторымъ изумленіемъ встрѣчаетъ простую
бабу-мѣщанку, тоже стоящую во фронтъ, съ ка-
кимъ-то дреколіемъ на плечѣ. Подобныя амазонки
встрѣчаются на протяженіи всей линіи. Огнестный
змій, уносившій насъ съ невѣроятною быстротою, не
даетъ намъ возможности достаточно полюбоваться
этимъ пріятнымъ фактомъ изъ области отечествен-
наго прогресса. Мы можемъ только мелькомъ взгля-
нуть на него и несемся дальше. Быстрѣй и бы-
стрѣй тащитъ змѣй ватагу туристовъ, чаще и чаще
позвякиваютъ подъ вагонами какія-то цѣпи, и
черезъ мгновеніе змѣй на всемъ ходу.

Путниками овладѣваетъ общее чувство дороги.
Всѣ дѣлаются свободнѣе. Большая часть молчитъ,
иные укладываются на боковую, или принимаются
развязывать узелки съ съѣстнымъ и, сотворивъ

крестное знаменіе, начинаютъ уничтожать разнообразныя яства; въ вагонѣ воцаряется жеванье, а воздухъ постепенно пропитывается запахомъ не совсѣмъ свѣжихъ яицъ, соленой рыбы и т. п. Жеванье продолжается всю дорогу и всю дорогу путниками уничтожаются самые разнообразныя сорты яствъ. Такъ, напримѣръ, одинъ купецъ пріобрѣтаетъ въ Мытищахъ вяземскій пряникъ, а товарищъ подчуеъ его свѣжепросольнымъ огурчикомъ, и купецъ находитъ не безвыгоднымъ уничтожить то и другое вмѣстѣ, за то потомъ, наѣвшись всякой дряни, донимаетъ всѣхъ нестерпимой, но по истинѣ ничѣмъ не удержимой икотой. И самого его искренно мучитъ этотъ недугъ: онъ поминутно крестится, всякій разъ снимая при этомъ шляпу, но никакія средства не помогаютъ.

Накушавшись, иные изъ путниковъ засыпаютъ на мѣстѣ; между другими начинаются разговоры.

— Я сто разъ скажу, — говоритъ одинъ чиновникъ, — ежели бы по первоначалу отслужили бы молебствіе! право, — ничего бы этого не было!

— То-то, нониче вѣры-то настоящей нѣту!

— Куда! Да вотъ изволите видѣть, вонъ въ углу-то, вѣдь богомолецъ, Богу вѣдетъ молиться, а вѣдь онъ въ безчувствіи!..

Богомолецъ, сидящій въ углу, дѣйствительно не особенно трезвъ. Онъ поминутно свѣшиваетъ

книзу отяжелѣвшую голову, и затѣмъ упирается ею въ грудь своей сосѣдки, помѣщающейся напротивъ. Послѣ этого онъ быстро поднимаетъ голову, старается строгими и серьезными глазами глядѣть на публику, но эта штука ему не удается, глаза его поминутно слипаются, и исторія повторяется въ томъ же порядкѣ.

Мимо бѣгутъ тѣ же виды, тѣ же луга, лѣса. Небо, какое-то плачущее и сонливое, еще съ утра готовое разразиться ливнемъ, поминутно заволакивается сизыми дождевыми тучками, а вѣтеръ такъ и треплетъ придорожныя деревья. На окраинѣ дороги, изумленные бѣсовскою силою, волокущею такое множество разнаго люда, остановилось нѣсколько богомолокъ и богомольцевъ. Какой-то странникъ въ конической скуфейкѣ, съ ременными поясками, съ азартомъ тычетъ жезломъ по направлеңію поѣзда, безо всякаго сомнѣнія объясняя спутницамъ неразумнымъ, гдѣ именно здѣсь сила дьявола заключается.... Мелькнули и богомольцы. Въ окна застучалъ дождь и пуще прежняго затрепались вивы.

Среди однообразной обстановки вагона,—мысль, нетревожимая ею,—останавливается на этихъ фигурахъ безпріютныхъ странниковъ, плетущихся Богъ знаетъ куда. Изъ воспоминаній дѣтства выступаютъ съ особенною яркостію и особенною любовью типы этихъ странницъ — старушекъ, которыя сво-

ими рассказами про дивныя дива, видѣнныя ими, доставили множество, не повторявшихся уже, прелестныхъ минутъ. Особенно ярко представляется миѣ бѣдная, робкая мужичка, которая и рабой-то Божіей себя не называетъ, а просто нищенкой богомолкой.

— «Все хотѣла отъ глазъ помочи поискать, глаза болѣли,—рассказываетъ она.—А тутъ подвернулась странница одна: потолковали, погорсвали промежду себя, да и поплелись на богомолье.

Перво на перво-то дюже больно въ Почаевѣ на ровили онѣ съ товаркой, идутъ онѣ путемъ-дорогою, и все-то на пути жиды да хохлы, нигдѣ-то почевать не пушаютъ; страннопримныхъ домовъ нѣту. Забрели двѣ старухи въ лѣсъ дремучій, — однѣ-то деревья стоятъ до небесъ, — да волки воютъ: Страшно! Приплелись онѣ и въ Почаевѣ, попили водицы святой.

— Кабы-сь, милая моя, лучше стало? рассуждаетъ богомолка съ товаркой, а все палочкой дорогу щупаетъ, а потомъ еще и за рукавъ просить подругу поддержать.

И все идутъ онѣ да идутъ. Прослышали гдѣ-то на дорогѣ отъ мѣщанина проѣзжаго, что вотъ, въ Ливнахъ чудесовъ довольно, и отъ слѣноты можно освободиться. Повѣрили старухи и поплелись опять, не смысля хорошенько, гдѣ такіе это Ливны, да и въ нашей ли онѣ землѣ? Спасибо, кто-то надоумилъ ихъ:

— Ступай, старухи, говорить добрый человекъ, на Киевъ: тамъ спросишь.

Прошли вьюги зимнія, полились дожди и ручьи, доскреблись старухи и до Ливень, только горе: мѣщанинъ-то проѣзжій надулъ глупыхъ бабъ, подшутить надъ старухами захотѣлъ; никакихъ - то чудесъ тутъ не объявлялось, и никто не лечитъ и не исцѣляетъ никакихъ болѣзней. Что жъ дѣлать, подумали бабы, и залились горючими. Но и тутъ утѣшилъ ихъ одинъ добрый человекъ, купецъ какой-то, посоветовалъ имъ въ пустынь одну сходить и помазать глаза-то болѣные песочкомъ святымъ. И въ пустынь добралась старуха, и песочкомъ помазала глаза незрячія, да и ослѣбла совсѣмъ.

— Ну, теперича-то легче? спрашиваетъ товарка.

— Ахъ, милая моя, ничего-то не вижу, какъ есть ничего.

— Что жъ теперича дѣлать?

— Идите вы теперича, старухи,— снова посоветывали имъ добрые люди,— въ соловецкіе монастыри, и достаньте вы тамъ-отъ-ко камень самоцвѣтъ, говорили добрые люди, и досканально увѣряли, что тогда супротивъ всего можно.

Идутъ старухи незнамо куда, идутъ да спрашиваютъ:

— Гдѣ молъ, добрые люди, дорога въ Соловецкіе?

— А Господь е знаетъ, отвѣчаютъ добрые люди:— надо быть очень ужъ далеко!

Ковыляютъ старухи дальше, и стоятъ прямо навстрѣчу имъ городъ большущій, а въ этомъ городѣ есть острогъ.

— Есть ли у васъ, бабы, бумаги какія? спросили старухъ начальники.

— Какія, батюшки мои, бумаги! Никакихъ у насъ бумагъ нѣту.

— А нѣту, такъ надѣть васъ, бабочки, въ острогъ запереть.

И заперли старухъ въ этотъ острогъ..

А то есть еще богомолка-чиновница. Какая-нибудь нищенка-богомолка смотритъ на такую даму чуть не съ благоговѣніемъ и ни словечка ея не проронитъ, потому даже ужъ хорошо говорить-то она. Такая подвижница не иначе величаетъ себя какъ «раба Божія такая-то», и крѣпко стоитъ за свою амбицію. Плотная бабища, въ какомъ-нибудь люстриновомъ капотѣ, который такъ и хочетъ треснуть на ея богатырскихъ плечахъ, идетъ. не спѣша. богомолка-чиновница и держитъ примѣрно такія рѣчи своимъ спутникамъ:

— А то есть, други мои, книга такая, которую ежели положишь ты за пазуху и по водамъ пойдешь, никогда ты съ ней не потонешь: такъ и иди ровно бы по мосту.

— Ахъ, ма-а-тушки мои!

— Я сама въ Лебедяни ходила. Одинъ странникъ меня обучилъ. Ну только обнаковенно тутъ надобенъ человѣкъ, который ежели онъ высокой жизни.

Некнижную странницу послѣ такихъ словъ ровно бы туманъ охватить.

— О-охъ, тяжекъ, тяжекъ, труденъ подвигъ-отъ нашъ! жалобно вопить чиновница.

— Третеводни пристали ко мнѣ восемь бѣсовъ. Такъ вѣдь ихъ надо всѣхъ побороть! Охъ, труденъ подвигъ!..

...Тучи свалили въ сторону и солнце ярко брызнуло на мокрый лугъ, золотя колес лугового проселка, налившіяся водою. Пронеслось мимо нѣсколько станцій, нѣсколько разъ путники всхрапывали, закусывали и выпивали, а другіе, напротивъ, значительно закусившіе въ Москвѣ, совершенно отрезвились и, кажется, даже съ трепетомъ ожидали Троицы. Последняя станція. По сторонамъ лѣсъ; изъ-за лѣсу слышится благовѣстъ. Путники крестятся.

— Это въ Хотьковѣ, произносятъ нѣкоторые. — Вотъ бы до Хотькова-то билетъ взять. Чудесно! Отстоялъ всюнощную, и съ Богомъ!

— Я самъ не рассчиталъ. Ну, да ужъ дѣлать нечего.

— Ты просвирки-то не забыла? .

— Эка опомнися!

По мѣрѣ приближенія къ Троицѣ, разговоры затихаютъ. Всѣ встаютъ и высовываются въ окна.

— Вотъ она! Вотъ она! говоритъ наконецъ кто-то.

И опять всѣ крестятся.

— Эка колокольня-то!

-- Диво!

— Это вѣдь византійское!

— Кто это вамъ сказалъ?

— Я слышалъ отъ знакомаго.

— Такъ скажите ему, что онъ дуракъ.

— За чтоже-съ?

— Развѣ я васъ?

— А такъ-то вы не можете кротко сказать?

— Ну васъ совсѣмъ! Я не хочу больше говорить: чувствую, что это будетъ грѣшно.

— Какъ хотите.

— Да такъ-съ: грѣшно! Вотъ она Троица-то.

— Ну, слава Богу!

— Что, манька, пріѣхали?

— Пріѣхали. Вылѣзай-ка. Подоль-то обдерни.

— Эта Троица то?

— Эта, эта. Иди.

Толпа валитъ съ дебаркадера. Мириады пзвошиковъ, у которыхъ чугушка отняла кусокъ хлѣба, толпами лѣзутъ къ каждому проѣзжему и горла-

нять во все горло, предлагая подвезти къ Лаврѣ. Ошеломленный этимъ гамомъ, путникъ со всѣхъ ногъ бросається изъ середины толпы, и радъ-раденекъ, если ему хоть черезъ четверть часа удастся выбраться наружу, т. е. на шоссе, потому что лавировать между тысячами лошадей, направляемыхъ возницами не вѣсть куда, довольно затруднительно.

Наконецъ вотъ она, Лавра. По шоссе, вьющемуся подъ горю змѣйкой, тянутся разныя таратайки, бредутъ странники. Все это старается поспѣть ко всенощной. На минутку забѣжавъ въ номеръ какого-нибудь постоялаго двора, чтобы переменить сюртукъ или умыть лицо, черезъ четверть часа всѣ уже стоятъ въ церкви. Звонъ утихъ. Въ посадѣ безлюдно и безмолвно: слышно даже какъ ласточки и стрижи вьются и ныряютъ въ воздухъ около лаврской колокольни.

Подъ горой у блинницъ разложены огоньки, но огоньки весьма умѣренные, ясно свидѣтельствующіе, что теперь не до блиновъ.

Пойдемъ и мы въ Лавру.

Вотъ за оградой, противъ памятника побѣдѣ Донскаго, расположилось что-то много народа. Напротивъ, въ галереѣ трапезной церкви, богомольцевъ биткомъ набито; изъ церкви доносится пѣніе. Тысячи головъ заколыхались и закивали. По двору тянутся къ разнымъ храмамъ ковры, и

въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга стоятъ монахи, ожидая владыку.

Долго, часовъ до десяти, до темной ночи идетъ служба. Есть что-то особенно поэтическое въ звонѣ колокола ночью, особенно такого звучнаго и гармоническаго, какъ лаврскій; звуки его слышатся еще долго послѣ окончанія всенощной, когда богомольцы, воротившись въ номера и постоялыя дворы, принимаются за самовары и тутъ начинаются долгіе-долгіе чай, такъ что, не смотря на сильное желаніе какъ можно пораньше завтра подняться, чтобы не проспять заутреню, богомольцы укладываются на боковую часу въ первомъ и позднѣе. И тогда-то ужъ въ посадѣ тишина и безмолвіе непроходимыя. Только лаврскіе часы бьютъ съ переливами.

2.

Часовъ въ пять утра снова гудитъ лаврскій колоколъ и снова посадъ оживленъ,—впрочемъ на очень короткое время: толпы богомольцевъ, оживляющіе посадъ, скоро скрываются въ лаврскихъ стѣнахъ и посадъ пусть опять; часамъ къ десяти, къ одиннадцати, замѣтно небольшое движеніе противъ лаврскихъ воротъ на площади: здѣсь про-

исходить кой-какая торговля; въ часъ пополудни служба церковная оканчивается, и богомольцы, отдохнувъ на постоялыхъ дворахъ, и напившись чайку (впрочемъ только очень немногіе)—отправляются въ скитъ. Живописные виды, открывающіеся то тамъ, то сямъ въ продолженіе всей дороги, дѣлають прогулку въ скитъ необыкновенно пріятною. Сначала идешь кустарникомъ, который мало-по-малу превращается въ свѣженькій странный лѣсокъ; между деревьями неширокая просѣка для одного экипажа; въ сторонѣ блеститъ, въ просвѣтахъ вѣтвей, широкій прудъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе начинаетъ ухо различать ровный шумъ воды. Съ мостика дорога поднимается нѣсколько въ гору и скоро упирается въ монастырскія ворота. За ними, черезъ монастырскій дворъ и широкій прудъ съ узенькимъ мостомъ, на полугоркѣ возвышаются какія-то маленькія деревянныя строенія: это скитъ. Кругомъ непроходимый дремучій лѣсъ. Между деревьями виднѣются приступочки, врытыя въ землю тропинки; богомольцы молча и тихо ходятъ по двору, а иные съ зажженными свѣчами приготовляются идти въ пещеры.

— Помедлите, помедлите, говоритъ монахъ, высовывая голову въ дверь и не поднимая глазъ.— Увидите все.

И дверь запирается.

А богомольцы принимаются отъ нечего-дѣлать

разсматривать картинки, которыми, увѣшанъ небольшою корридорчикъ при входѣ въ скитъ.

Просить въ пещеры.

Съ двухъ часовъ движеніе въ скитъ увеличивается, а посадъ поэтому пустѣетъ... Въ тотъ разъ, когда удалось быть мнѣ у Сергія, пребываніе въ скиту не могло быть особенно продолжительнымъ, потому что въ небѣ собирался дождь. Съ утра день былъ прелестный, но къ полудню воздухъ накалился, -- не было ни вѣтерка, ни тѣни; и вдали не умолкая, чуть внятно, начиналъ гудѣть громъ; къ двумъ часамъ надвинулись тучи и повѣяло дождемъ. Чтобы какъ нибудь укрыться отъ непогоды, мы, богомольцы, толпой вошли въ харчевню, помѣщавшуюся въ самомъ концѣ посада.

Нарѣду въ харчевнѣ было мало. Въ сторонѣ у столика сидѣла жена цѣловальника, здоровая баба, съ маленькими глазами и какою-то напухлостію вмѣсто бровей. Передъ ней стоялъ трактирный пузатый чайникъ съ цвѣтками по бокамъ.

— Долго ты дудить-то будешь? спрашивалъ ее мужъ, помѣщавшійся на лавкѣ въ промежуткѣ между перевернутою порожнею бочкою и окномъ.

— Долго.

— А какъ, примѣрно? Разъ пятокъ за кипяточкомъ сбѣгаешь?

Супруга почти закрыла глаза и молча про-

должала хлебать кипятокъ, закусывая засохшимъ кренделемъ.

— Ты ужъ такъ до десяти и гони.

— Для праздника-то не дасть!

— Нѣтъ, съ чаво жъ! Я говорю молю до десяти бы.

— И да ну!

— Право! А то сбѣгай.

Жена молчала.

У стойки шумѣло нѣсколько мужиковъ, окруживъ бойкаго мѣщанина, продающаго срубъ. Мѣщанинъ поминутно клялся и въ подкрѣпленіе сбрасывалъ на полъ картузь, опять клялся и опять шлепалъ только-что поднятымъ картузомъ, и увѣренія въ такомъ родѣ продолжались до безконечности.

— Ми-иронъ! Эй, братъ, не божись!

— Чаво не божись? Чаво не божись? Да мнѣ, сейчасъ издохнуть, микулинскіе шестьдесятъ цѣлковыхъ даютъ. Вся причина — статья неподходящая, народъ-жуликъ, — мнѣ и не понутру. Вижу: добрый человѣкъ, ну тутъ моя утроба лежитъ въ акуратѣ, а когда народъ жуликъ, то видѣть я его не могу. Вишь ты вотъ!

Мѣщанинъ сплевывалъ, сбивалъ картузь на головѣ козырькомъ въ бокъ и спускалъ чуйку до полъ-спины, сложивъ руки назадъ.

Покупщикъ, упершись спиною въ стойку и спа-

чительно подгулявший, мутно смотрѣлъ на торговца, придумывая какой-либо отпоръ въ видахъ хозяйственной прибыли.

Одинъ изъ слушающихъ вступилъ въ разговоръ:

— Миронъ! Милай человекъ! Насчетъ иструба вы такъ; но я теперь, какъ сейчасъ разрази мня громъ, потому къ Троицы-Сергію кольки вѣковъ измышлялъ...

— Вы никакъ ужъ очень далеко заѣзжаете-то, трунили цѣловальникъ, пощелкивая подсолнушки

— Подальше твоего ѣзжали.

— Стало быть не впервой?

— И подальше ѣзжали!

— Ну да что жъ, съ Богомъ.

— И съ Богомъ!

— А теперича сталъ - быть опять въ путь - до-рогу?

— А это видѣлъ?

— Мы сдачи дадимъ. Нонѣ много можемъ.

— Миронъ! Пойдемъ отседа!

— Фролычъ, — вступалась жена, — перестань! Только народъ отбиваешь.

— А ты это который чайникъ-отъ?

— Чайникъ онъ чайникъ и есть, а народъ-то вотъ отшибаешь, — вотъ!

— Ты пей, коли это твое дѣло, а мы промежду себя поведемъ по-своему.

Между супругами начинается что-то въ родѣ

семейной стычки,—ее перебиваетъ новая личность. Въ кабакъ входитъ мужикъ съ кошолкой, довольно молодой, стройный, но весь въ лохмотьяхъ, босикомъ и въ изорванной барашковой шапкѣ, изъ которой лѣзутъ какіе-то клочья и мохры. Прпшедшій, повидимому, вовсе не обращаетъ вниманія на свой нищенскій видъ; всѣ пріемы и движенія его исполнены достоинства и самоувѣренности. Сначала онъ какъ-то небрежно кланяется хозяйкѣ, протягиваетъ руку хозяину: не снѣжна снимаетъ кошолку, ставитъ въ уголь палку и тащитъ изъ-за пазухи божаный кошель, въ которомъ позвякиваетъ нѣсколько мѣдяковъ. Изъ всѣхъ его выраженій и вообще разговора можно вывести, что это особенный типъ деревенскихъ бобылей, бобыль граціозный, сознающій собственныя достоинство и силу, нисколько не унижающійся изъ какого-нибудь гроша, бобыль прогрессивный, современный.

Отсчитавъ изъ кошелька довольно звучно какую-то сумму и предполагая распорядиться ею, бобыль вынимаетъ изъ кошолки красную четвертку табаку и принимается вить папиросу.

— Это у васъ какой? спрашиваетъ цѣловальникъ иронически.

— Дюбекъ.

— А! Отъ этого-то чортъ убѣгъ?

— Онъ.

— Ишъ вы какой нониче!

— Праздникъ.

— Ты бы, Прохорычъ, яичекъ, что ли бы, принесъ,—произносить хозяйка.

— Онъ яйцами не собираетъ.

— Я яйцами не собираю, съ достоинствомъ подтверждаетъ Прохорычъ, и, закуривъ папиросу, садится на скамейку, закинувъ ногу на ногу.

— Былъ я нонче у Константинова, начинается онъ. Чортъ ихъ знаетъ что за народъ! Никакого въ немъ этого разсудку нѣту: такъ на-обумъ лазаря пялить! Я говорю: «Продай ты гнѣдаго и купи у Скарнѣева кобылку. Куда тебѣ съ нимъ вожжаться; тебѣ, говорю, не Богъ знаетъ куды ѣздить и кого удивлять.» Запороль такую дичь видимо-невидимо! Плюнулъ я.

— Гм! А долго-ль нонче простоять-то?

— Развѣ я стою?

— А то скажешь, къ тебѣ сами будутъ ходить?

— Ну-ка-съ, поди посмотри къ воротамъ-то. Стою, молъ, я, или нѣтъ; конючу: подайте, Христа ради?

— Гдѣ конючить! Я говорю: къ тебѣ ходять. Вишь баринъ!

— Экій чудакъ! Дай-ка лучше шкальчикъ.

— Ты нонче богатъ: подавай деньги.

— На, на, бери; я нешто не даю: у меня, слава Богу, чего-чего нѣтъ, а на это-то хватить.

— У тебѣ хватить! Миръ риза нетлѣнная.

— Нетлѣнная! Украсть у тебя развѣ огурчикъ?

— Э-э! Огурцы на счету! Нѣтъ, братъ, нѣтъ!

— Да что ты нѣтъ? Вѣдь деньги отдаю.

— Впередъ. Вашему брату вѣрить я пробывалъ: безъ головы останешься.

— Да бери, тфу ты! Вонъ онѣ на столѣ-то.

Загушивъ папирску и запасшись увеселительными снарядами, бобыль садится чиннымъ порядкомъ за столикъ и, проговоривъ:

— Ну-ка, попробуемъ какая это новая-то четырехкопѣчная! молча уничтожаетъ шкальчикъ и огурецъ, выкуриваетъ папирску, спрашиваетъ отъ нечего-дѣлать у какого-то посѣтителя, въ которомъ часу отходятъ сегодня поѣзды, повидимому вовсе не имѣя въ этомъ нужды, и продолжаетъ балагурить. Между тѣмъ, дождь усиливался, и скоро въ небѣ раскатился громъ... Богомольцы столпились къ стекляннымъ дверямъ харчевни, крестились и говорили: Святъ! святъ! святъ! эко непогодь!..

— Пожалуй, на машину не попадешь!..

— Пройдетъ! эта туча пройдетъ!.. Ничего!..

— То-то, кажись, стороной?..

— И дѣ-же это стороною-то? Какъ есть прямо на насъ идетъ... Эво крыло-то сизое! Это какъ есть... Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ!.. эко грохнулъ!..

— Исполнь небо и земля...

— Близко гдѣ-нибудь?

Раздался снова ударъ грома, — и дождь хлынулъ какъ изъ ведра.

— Пустите, родимые! охъ, отъ-дожжа-то!.. заговорила новая толпа богомольцевъ, врываясь съ улицы въ двери харчевни. Скоро маленькая комнатка харчевни наполнилась народомъ до тѣсноты. Какъ только цѣловальникъ замѣтилъ тѣсноту, онъ тотчасъ же подошелъ къ нищему балагуру и сказалъ:

— Ступай братъ, помаленьку!

— Степанъ Фролычъ! умоляющимъ тономъ произнесъ нищій.

— Ступай, ступай съ Богомъ...

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ?..

— Я знаю, что я: говорю, ступай... Чтожъ тутъ раздабарывать-то?.. Тутъ зубы чесать нечего, — мы это довольно хорошо понимаемъ... Ступай-ко! Нищій нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ въ глаза цѣловальнику, словно собирався что-то сказать, — но, не сказавъ ни слова, вдругъ плюнулъ, схватилъ мѣшокъ, съ сердитой поспѣшностью протолкался сквозь толпу и выскочилъ на улицу, хлопнувъ дверью. Въ стеклянныя двери видно было, какъ онъ трозилъ кулакомъ и что-то бормоталъ, о чемъ свидѣтельствовало энергическое движеніе губъ и дрожаніе бороды. Но никто не слышалъ, что такое онъ говорилъ.

— Что-же это вы, хозяинъ, такъ обижаете человека, — заступился одинъ изъ богомольцевъ:—въ этукую пору и, напимърь, по мокротъ... это не порядокъ...

— Мы, другъ любезный, знаемъ порядки-то.

— Да мнѣ чтожъ, конечно... Хозяйскій глазъ...

— То-то. Знаемъ-сь. Мы, можетъ, объ васъ радѣя это сдѣлали... Потому мы видимъ человекъ насквозь. Какой онъ проходимецъ.

— Изъ такихъ нечто?

— Изъ такихъ-сь. Ежелибъ ему малость повадку дать,—онъ бы вамъ не одному карманы протеръ.

— Ну,—ежели это...

— А вотъ то-то и есть... Мы знаемъ. Ужъ на этотъ счетъ повѣрьте.

Цѣловальникъ стоялъ у стойки, заложивъ руки за спину, и во время разговора выставлялъ впередъ то одну ногу, то другую, переваливаясь, такимъ образомъ, съ боку на бокъ.

— Здѣшній народъ упаси Господи! продолжалъ онъ:—здѣшній народъ прожженный... Онъ не нашъ братъ простота, деревенщина, нѣтъ, — этотъ народъ особенный: онъ, братъ, всякую штуку понимаетъ, а не то что... Ты послушай-кось, что въ нашихъ мѣстахъ разговариваютъ? Тамъ лошадь свели, тамъ поджогъ,—тамъ буйство... Особливо привередливъ по здѣшнимъ мѣстамъ народъ фа-

бричный; такъ надо сказать, что совсѣмъ этотъ народъ растравленный. Гдѣ ни посмотри, а отчаяннѣе этого народа нѣту...

— Нѣту?

— То-есть этакое отчаяніе, кажется и сказать... Да вотъ, къ слову, какая въ нашихъ мѣстахъ исторія случилась... За Москвою дѣло случилось, туды, въ ту сторону къ Подольску. Трое этакихъ же вотъ непутевыхъ... фабричные они. Увидали они гдѣ-то, на гуляньи что-ли, или тоже люди рассказываютъ, на свадьбѣ... Свадьба вишь была, — ну народъ обыкновенно подъ окнами подсматриваетъ, такъ увидѣли они дѣвушку. Отличная пріотличная дѣвица! Увидали они, да и того, и влюбись. И одинъ влюбился, и другой и третій... Стали они промежду собой толковать: одинъ говоритъ: я женюсь, другой—я,—а третій—и я, говорятъ. Что дѣлать?.. Потолковали они, потолковали тутъ, подрались еще никакъ да и порѣшили...

— Какъ же порѣшили-то? спросилъ одинъ изъ богомольцевъ.

— Вотъ погоди!.. Порѣшили они, — и сейчасъ всѣ трое дружелюбно идутъ къ одной женщинѣ—старая ужъ, сказывали, женщина-то,—ну только не порядочная... всякими тоись этакими дѣлами пробавлялась.

— А-а...

— Д-да! Вотъ пришли они къ ней.—«Хочешь,

говорять, деньги нажить?»—Какъ не хотѣтъ!.. «Обхлопочи такое дѣло!..»—Какое такое, дескать, дѣло?—«А вотъ какое: сдѣлай ты такъ, чтобы тебѣ можно было вотъ съ эдакой-то дѣвушкой въ роцу отлучиться погулять. (Эту самую дѣвицу и называютъ) и чтобы,—просить старуху—увѣрить эту дѣвицу въ ихней любви. Намъ, говорятъ, ради одного свиданія...» Хорошо.—Старуха эта смегнула въ чемъ штука.—Хорошо, говоритъ, ладно. И задомила съ нихъ что-то много... денегъ-то-есть. Тѣ дали.—«Приходите, говоритъ старуха, тогда-то.» Сказала имъ время когда придти.—«Я говоритъ, для васъ приму всѣ силы.» Подходить время,—ребята пришли.—«Ну, что?»—«Да подарковъ просить; ежели, говоритъ, подарятъ они мнѣ десять рублей денегъ да платье кисейное, я, говоритъ, выйду на свиданіе.» Ребята подумали подумали,—дали что требуется. Во второй разъ, тѣмъ-же самымъ порядкомъ докладываетъ имъ старуха, что, молъ, требуетъ эта дѣвица шаль, въ третій—опять денегъ:—«тогда, говоритъ, придду... А безъ этого никакъ!..» И почала эта старуха все дальше да больше оттягивать; то того, то другаго приноси... Все это ребята исполняли; носили они ей носили, и денегъ, и ситцевъ всякихъ,—съ полгода мѣста протянулось и такъ, рассказываютъ, что болѣе чѣмъ на двѣсти серебра они подарковъ этой дѣвицѣ передали... Наконецъ, того, пришло имъ

не въ могуту; пришли къ старухѣ: «Ну говорятъ, вѣдьма, ежели ты насъ еще будешь воловодитъ,—мы тебѣ, шельмѣ, въ минуту голову съ плечъ долой!» И сказали ей, что ежели къ такому-то сроку не устроишь она этого, то-есть, свиданія въ рошѣ,—то не жить ей ни минуты... Тутъ-то старуха спохватилась: она, други милые, ни разу къ дѣвицѣ-то этой и не ходила...

— Не ходила?

— Ни единого разу не сходила,—и подарки-то, и деньги-то эти себѣ прикарманила... Что тутъ дѣлать? Какъ сказали ей реблты-то, что молъ нежить,—старуха испугалась: потому, первое дѣло, убьютъ, это ужъ безсумнѣнія; а второе дѣло—подарковъ жаль,—отдать-то не хочется; да опять и дѣвица-то попалась изъ хорошаго дому,—тоже жаль: дѣвушка, сказывали, лучше не надо,—всего одна и была у отца-то!.. Какъ тутъ быть? Думала она пойти начальству объяснить, — такъ и такъ молъ,—ну опять же: дознаются до всего дѣла—подарки отымутъ. А жаль отдать-то!.. Вотъ старуха и порѣшила подманить эту дѣвицу въ лѣсъ, — какимъ ни на есть манеромъ. Хорошо. Стала она къ этому купцу (отцу то дѣвушкину) похаживать, да подмазываться тары да бары, чай да блины,—да такимъ манеромъ и вошла къ нему въ довѣріе, такъ что считали ее въ томъ дому ровно бы матерью,—такъ въ душу влѣзла. Подхо-

дить время,—эта старуха и говоритъ:—«Сѣмъ мы съ дочерью вашей пройдемся, погуляемъ, авось, говоритъ, какой молодчикъ, московскій сынокъ миліонщикъ, наглядитъ да влюбится, и станетъ тогда ваша дочка миліоншей...» Развѣда турусы подколесы,—отпустили! Она, не долго думая,—прямохонко съ этой дѣвушкой въ рощу... А ребятамъ ужь былъ сигналъ пущенъ: въ которомъ, къ примѣру, часу,—и все этакое... Ладно. Приходятъ въ лѣсъ, старуха эта такъ и вздрагиваетъ, такъ и вздрагиваетъ...

— Что это вы, ровно бы пужаетесь? дѣвушка-то пытается.—«А такъ, говоритъ старуха, что-то, милый другъ, неможется, нездоровится... Погулий-ко ты, свѣтъ, одна здѣсь минуточку, — а я только вотъ до ручья дойду, водицы хлебну... отъ дурноты.» Стара вишь стала, — такъ дурнота ее все расхватываетъ... Та дѣвица захотѣла было съ ней идти, однако же уговорила ее старуха, — осталась она.. А старуха первоначально потпхонечкушла, да вдругъ какъ припуститъ бѣжать. Дѣвица испугалась, за ней.—а тутъ хватъ,—молдцы-то эти ей поперекъ дороги.—«Куда, моль, бѣжать изволите»...

— Господи помилуй!

— Стала ей поперекъ дороги и не пуцаюгъ.

—«Дозвольте намъ, говорятъ, у васъ ручку поцѣловать?» Та дѣвушка испугалась, себя непомнитъ, кли-

четь старуху-то, плачетъ, — «пустите,» говоритъ. — Тѣ, иѣтъ-сь! «Намъ, говорятъ, только ручку поцѣловать... Ужь когда, говорятъ, вышли, пятиться не слѣдъ.. Опять-же, — упоминаютъ, — мы для васъ все дѣлали, всякія подарки по вашему желанію доставляли, а вы на попятный!..» Та совсѣмъ обезумѣла; голоситъ на всю рощу: — «никакихъ я подарковъ не принимала!» — «Какъ не принимали, — да чмокъ въ губы! — а шаль, а деньги, а платья?..» И почали ей все выщитывать... Та отпирается. Это ребятъ раскуражило:

— «А, говорятъ, — такъ и тутъ обманывать? Сколько времени водила, — да и теперь хочешь провести!» Накинулись на нее ровни звѣри, — да первое дѣло ротъ платкомъ и заткнули... Та, обнаковенно, безъ памяти... Гдѣ ужь!..»

Слушатели въ ужасѣ качали головами, и вздыхали.

— Ахъ, тираны! ахъ, изувѣры! гдѣ же это Богъ то у нихъ былъ... А — ахъ, ахъ, ахъ, — слышалось отовсюду...

— Ну и что же, какъ потомъ? попыталъ кто-то..

— А потомъ такъ и пропала дѣвица-то... Отецъ зыскался гдѣ-гдѣ, туда, сюда. Видитъ время позднее, ужь пора бы домой быть давно, — къ старухѣ: «Гдѣ дочь?» — Да она, говоритъ, домой давно пошла, я ее до воротъ проводила. — «Врешь, старуха!» — Забожилась заклалась: провалиться на

семь мѣстѣ...—Однако же отецъ-то поналегъ на нее, да никакъ въ шлыкъ хорошенечко пуганулъ. Нечего дѣлать, призналась... Отецъ-то въ ту пору, сказываютъ, совсѣмъ обезумѣлъ....

— Какъ не обезумѣть-то! этакое ли дѣло!..

— Принялись шарить... Объявили по начальству. Шарили, шарили—нѣтъ нигдѣ, такъ и пропала... Опосля того,—прошло мѣсяцовъ почитай восемь или девять, — подошла весна; въ самое половодье, какъ погнало воду-то,—анъ она и оказалась... Баринъ какой-то на баркасѣ, сказывали, съ семействомъ проѣзжалъ; видить, что-то въ водѣ бѣлѣется; онъ хватъ рукой, — платье, потянулъ къ себѣ,—анъ глядь — мертвая женщина. Ну дали знать начальству.

И что же, милые мои, они сдѣлали съ нею? а? Стали осматривать,—первое дѣло нашли: шея веревкой али ремнемъ затянута...

— Удушили?..

— Удушили. Чтобы, значить скрыть... А второе дѣло — коль; то есть, привязали они этотъ ремень къ колу, а коль-то въ рѣчку, загнали на самое дно,—рѣчка тамъ неглубокая... Черезъ это самое она и не всплывала-то... Любо, ай нѣтъ?

— Д-да! задрожитъ земля, коли пятеро такихъ заведутся!...

— И,—застонеть!..

— Ахъ, народъ пошолъ! Ахъ пошло племя распутное!

— Вотъ черезъ это-то и опасаемся—заклучилъ цѣловальникъ, входя за стойку.

Дождь не переставалъ лить съ прежнею силою. Былъ уже четвертый часъ въ исходѣ. Многие собирались въ Москву. На всѣхъ постоянныхъ дворахъ шли суматоха, возня и суетня. На шоссе по всему протяженію сновали тарантасы, дрожки необыкновенно уродовской конструкціи и разныя другіе экипажи-калеки, которымъ черезъ годъ-другой, вѣроятно, придумаются имена. Гомонъ, происходившій на улицѣ и на постоянныхъ дворахъ изрѣдка покрывался колокольнымъ звономъ.

ПРОВЗДОМЪ.

Разъ я снова былъ въ Москвѣ провздомъ. Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось отыскать на Живодеркѣ одного изъ знакомыхъ студентовъ. Я постучалъ въ дверь подъѣзда; черезъ нѣсколько времени внутренняя дверь заскрипѣла петлями и зашумѣла рогожей; показался свѣтъ и послышался шопотъ:

— Иди ты, говоритъ шопотомъ кто-то.

За тѣмъ послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія и потомъ громкѣй возгласъ:

— Кто здѣсь?

— Отворите, пожалуйста...

— Вы кто такіе?

— Пріѣзжій..

Снова шопотъ; потомъ минута раздумья, и свѣчи, и люди исчезаютъ. Дверь снова шумитъ рогожей, скрипъ петлями и я остаюсь въ полномъ невѣденіи.

Я стучу опять. Свѣтъ является въ двухъ-трехъ окнахъ, выходящихъ на улицу. Открывается форточка и выдѣзаетъ бабья голова въ бѣловатомъ повойникѣ:

— Кто здѣсь?..

— Не знаете ли: тутъ живетъ такой-то, или нѣтъ?

— Да вы кто такіе?..

— Пріѣзжій.

Повойникъ всовываетъ голову назадъ и передаетъ кому-то: «пріѣзжій!»

— Здѣсь? спрашиваю я, когда повойникъ показывается снова.

— Да у васъ какъ въ адресѣ сказано?

— Сказано, что въ этомъ домѣ...

— Господина Бѣлякова?

— Бѣлякова...

Повойникъ качаетъ головой и говоритъ про себя:

— Точно, что это господина Бѣлякова домъ. Между тѣмъ, домъ незамѣтно освѣщается, на дворѣ кто-то шлепаетъ по лужамъ и говоритъ: «Кто тамъ такой?»

Повойникъ все смотритъ въ форточку и говоритъ:

— Какъ его фамилия-то?

— Такъ-то.....

Повойникъ съ трудомъ втягиваетъ въ комнату свои жирныя плечи; сквозь форточку слышенъ разговоръ, въ концѣ котораго разговаривающіе вышаютъ голоса.

— А я почему знала! кричитъ повойникъ.

— Такъ гляди!

— Что ты орешь-то?.. Какъ еще глядѣть на него! Слава Богу, ни картина какая..

— Что ужъ, вывалются глаза-то... Шкура!

— Да кто, кто здѣсь? говоритъ голосъ на дворѣ, приближаясь по лужамъ къ калиткѣ и озлобленными руками грохоча замкомъ.—Шарикъ, молчи! Погоди, любезный...

Въ фортку высовывается, вмѣсто повойника, мужская голова съ бакенбардами, въ рубашкѣ перекрещенной помочами, и свирѣпо произноситъ:

— Тебѣ чего?

— Кто ты такой? раздражается голосъ, только что говорившій за калиткой...

Я поспѣшно сажусь въ сани и, держась за извозчика, говорю:

— Здѣсь такой-то?

— Кто ты самъ-то?

— Приѣзжій..:

— Нѣту здѣсь никого! коего жь тебѣ дьявола?...

Между тѣмъ народъ собирается кругомъ; на противоположной сторонѣ улицы слегка освѣщены свѣтомъ изъ оконъ дома г. Бѣлякова нѣсколько фпгуръ:

— Иванъ Прохорычъ! произноситъ голова изъ форточки, обращаясь къ человѣку, явившемуся со двора:— побудьте около него (т. е. меня) малость, я самъ выйду.

Голова быстро влѣзаетъ въ комнаты и произносить:

— Гдѣ тутъ я палку поставилъ, бабы, эй вы?..

— Пошолъ! говорю я извощику.

Извощикъ сразу трогаетъ съ мѣста и говоритъ:

— Уйдти отъ грѣха!

—

На другое утро я отправился въ контору дилижансовъ и, сходя съ лѣстницы Чельшовской гостиницы, увидѣлъ, что два или три человѣка, спокойно шедшіе по театральной площади, вдругъ бросились впередъ, начали, что есть мочи, орать что-то,

махали руками, какъ машутъ, съ цѣлью остано-
вить вырвавшуюся лошадь; извозчики бросились въ
разныя стороны; въ ту же минуту раздались чьи-
то неистовые голоса сбоку, сверху, снизу... Я не-
доумѣвалъ, растерялся и попятился въ дверь, на-
задъ. Въ это время произошло что-то въ родѣ
всеобщаго разрушенія: невообразимой величины
глыба снѣга летѣла съ крыши, заставъ на нѣко-
торое время всю картину, которая раскрывалась,
начиная отъ театра до зубчатой стѣны, идущей
параллельно Никольской улицы. Глыба шлепнулась
о землю, занявъ пространство въ нѣсколько са-
женъ и засыпала все крыльцо.

Черезъ нѣсколько минутъ извозчикъ, перего-
вариваясь съ дворникомъ, помѣщавшимся на кры-
шѣ, между прочимъ, говорилъ:

— Этакъ, любезный, недолго человѣка и до смер-
ти пришибить...

— Это что говорить! соглашался дворникъ и
прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Хорошо, баринъ, убѣгъ ты... Если-бъ ты
чуть помѣшкаль, мы-бъ тебѣ голову пришибли...
истиннымъ Богомъ!.. Да долго-ли! рѣшилъ онъ и,
поплевавъ на ладони, схватился за лопату и, вмѣ-
стѣ съ другими товарищами, которые, повиди-
мому, были очень довольны происшедшей сценой,
принялся снихивать другой такой же комъ снѣгу,
налегая грудью на рукоятку лопаты. Скоро народъ

бросился отъ другаго крыльца и послѣдовалъ чуть ли не такой же самый разговоръ...

Мѣсто въ дилжансѣ было взято, и до отъѣзда оставалось не болѣе двухъ часовъ. Дорожа этимъ маленькимъ промежуткомъ времени, остававшимся у меня, я рѣшился употребить его на прогулку по Прѣсенскому зоологическому саду. Я успѣлъ только мелькомъ взглянуть на эту превосходную московскую новинку, и при всемъ томъ, кажется, не ошибусь, если скажу, что эта новинка не на столько еще считается здѣсь полезною и даже пріятною, чтобы ей предпочесть исконныя московскія развлеченія: щелканіе орѣховъ и подсолнечниковъ, питіе чаевъ въ Марьиной рошѣ и проч., и проч.

Въ задней части сада находится обширное зданіе: здѣсь собраны отборные представители животнаго царства. Прежде всего бросается въ глаза громадная фигура слона, спокойно провожающаго къ себѣ въ ротъ куски бѣлаго хлѣба; потомъ слѣдуютъ: рысь, дикобразъ, левъ, барсъ, клѣтка съ обезьянами (мартышки); въ углу помѣщается носорогъ; уткнувшись въ уголъ головой, онъ что-то упорно и не переставая жуеть, переступаетъ постоянно съ ноги на ногу и слегка подергиваетъ

складками своего непрошибаемаго плаща. На солнечной сторонѣ, въ стеклянномъ павильонѣ, вдвинута большая клѣтка съ довольно рослыми обезьянами, между которыми бросается въ глаза старикъ павіанъ съ синей фізіономіей. Обитатели этой клѣтки хранили невозмутимое спокойствіе, сидя на солнечномъ припекѣ. Нѣкоторые искали другъ у друга въ головахъ, другіе просто смотрѣли въ окно, не шевелясь ни однимъ членомъ. По временамъ только одинъ изъ юныхъ жильцовъ этой клѣтки, безъ всякихъ обстоятельныхъ причинъ, мгновенно взбирался на самый верхъ, цѣплялся за желѣзныя палки клѣтки и изъ всѣхъ силъ толкалъ ихъ туда и сюда; въ эти минуты онъ обнаруживалъ крайнюю степень оживленія, и потомъ, точно также неожиданно, вдругъ бросался сверху внизъ и сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало; черезъ минуту вскакивалъ опять, хватаясь за одну изъ поднимающихся деревянныхъ клѣтокъ пола, и, подскакивая вмѣстѣ съ нею, производилъ ужаснѣйшій трескъ и шумъ. Разбуженный этимъ шумомъ левъ, поворачивался на другой бокъ и вздыхалъ; барсъ, лежа на спинѣ, царапалъ лѣнливою лапой желѣзную стѣну своего жилища и тоже какъ-то особенно горько вздыхалъ; какимъ-то металлическимъ рѣзкимъ голосомъ пищали маленькіе *Ай-Ай*; потомъ снова наставала мертвая тишина и слышалось шуршанье ногъ посорога въ соломѣ. Тишина и скука,

кажется, надоѣли одному изъ служителей, потому что онъ подошелъ къ вѣткѣ, гдѣ находится рысь, и принялся дразнить ее, хлопая рукой по желѣзнымъ спицамъ тамъ, гдѣ лежитъ самка. Самецъ злился и замахивался на врага своею обрубленною канканомъ ташой. Та же исторія продолжалась со всѣми обитателями слѣдующихъ кѣтокъ. Только левъ не отвѣчалъ на разные заигрыванья и любезности служителя; онъ еще плотнѣе закрылъ свои глаза и старался казаться крѣпко-спящимъ, когда увидалъ, что къ нему приближаются зрители. Служитель этого отдѣленія, повидимому, былъ въ большой дружбѣ съ животными, потому что величалъ ихъ разными фамильярными именами: Ванька, Петька или что-то въ этомъ родѣ. — Послѣ этого дароваго спектакля, устроеннаго служителемъ, тишина воцарилась снова.

Посреди комнаты шлеялся какой-то двухлѣтній мальчикъ, съ отдувшимся брюхомъ и замазанной около ворота рубашкой; въ одной рукѣ у него была котелка, обглоданная и заслюнявленная; другой рукой онъ придерживалъ подъ мышкой маленькую гармонку. Видъ этого мальчика былъ самый суровый и серьезный. Увидавъ, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ, купецъ или мѣщанинъ, въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, тыкалъ пальцемъ въ какого-то звѣрька, свернувшася и плотно притиснувшася къ спицамъ кѣтки, мальчуганъ надулъ губы и забрюзжалъ:

— Ни пугайте звилей.... Николай не велѣлъ.... Я Николаю скажу....

— Ай, батюшки, пробормоталъ какъ-бы съ пугомъ кунецъ.—Сдѣлайте вашу милость, не жальтесь....

— Не пужайте....

— Не буду, ей Богу не буду.... Эта гармоника-то ваша?

Мальчикъ не говорилъ и тупо смотрѣлъ на купца.

— Я у васъ на минуточку возьму.

Кунецъ осторожно взялъ у мальчика гармонику и, помѣстившись около клѣтки съ обезьянами, началъ трогать понемногу одинъ клапанъ. Звукъ привлекъ вниманіе обитателей клѣтки; изъ-за желѣзной рѣшетки высунулись руки обезьянъ и начали щупать гармонику; кунецъ приутихъ и обезьяны успокоились, сидя у рѣшетки. Воспользовавшись этимъ спокойствіемъ, онъ сразу давнулъ гармонику, налягая на всѣ клапаны. Испугъ былъ до того великъ, что одна изъ обезьянъ оскалила зубы, начала какъ-то визжать, смотря необыкновенно скорбными и проворно бѣгающими глазами. Другая, сдѣлавъ такую же фізіономію, визжала и болтала усленно по воздуху кпстью руки, какъ будто неожиданно обожгла эту руку....

Кунецъ помиралъ со смѣху.

— Отдайте!... забрюзжалъ слова мальчишка. Отдайт-я-а,—повторялъ онъ, готовый плакать.

Купецъ съ сердцемъ сунуль ему гармонику, при-
совокуивъ:

— Н-на, чортова волынка!... и вознамѣрившись
еще поразвлечься, направился къ другой клѣткѣ,
гдѣ былъ навіанъ. Тутъ онъ прежде всего, чтобы
обратить на себя вниманіе обезьянъ, началъ гро-
мышать желѣзными спицами клѣтки; потомъ про-
сунуль между ними конецъ бѣлаго платка, и таки
добился, что жильцы клѣтки, оставивъ искать блохъ
и проч., подошли къ рѣшеткѣ. Тогда купецъ про-
ворно вынулъ сигару, бросилъ ее имъ, а самъ плот-
но запахнулъ и, осмотрѣвшись, не видѣль ли кто,
отпрянулъ въ сторону и наблюдалъ издали, что
будеть? Угощеніе не пришлось по вкусу, — всѣ при-
нялись пробовать сигару на зубъ, фыркали, плева-
ли, чихали; вслѣдъ за ними фыркаль потихоньку
и купецъ.

— Это что вы дѣлаете? раздался вдругъ голосъ
служителя. Развѣ — такъ можно? Николай! вотъ они
обезьяновъ табакомъ кормятъ.

Купецъ оробѣль и, еще болѣе закутываясь, го-
ворилъ чуть слышно:

— Это не я...

— Вамъ сказано, не кормить папиросками? за-
говорилъ и Николай, принимавшій это дѣло горячо
къ сердцу, и другой служитель. — Вѣдь у насъ на-
чальство-то — вонъ оно!... Возьму да доложу ся-
часъ.... Нѣшто за это похвалятъ?

Купецъ сробѣлъ значительно, плотнѣе запахивалъ свою шубу, такъ что, при послѣднихъ словахъ Николая, изъ плотно сдвинутыхъ концовъ воротника выглядывалъ только одинъ испуганный глазъ; купецъ старался въ воротникѣ спрятаться совсѣмъ и, запустивъ въ мѣхъ свой носъ, чуть внятно говорилъ:

— Это не я...

— Кто-жь, окромя васъ?

— Это вотъ онъ, произнесъ купецъ, ткнувъ пальцемъ на мальчишку съ гармоникой:

Раздался общій смѣхъ; купецъ мгновенно исчезъ.

Небольшой домикъ, гдѣ помѣщаются наиболѣе замѣчательныя птицы, заканчиваетъ собою всѣ прелести зоологическаго сада. Исчезнувшій купецъ былъ уже здѣсь, когда я вошелъ, и всѣми мѣрами старался раздражить и спугнуть орла. Для этого въ щелку сѣтки, отгораживающей птицъ, онъ просунулъ свой толстый палецъ и, дергая его туда и сюда, приговаривалъ: кшъ, кшъ!... тюгга!... и пр. Не удовольствовавшись этимъ, онъ началъ всей пятерней шаркать по проволокамъ, изъ которыхъ сплетена сѣть: потомъ пробовалъ было махать руками, какъ утромъ махали мнѣ, въ предостереженіе отъ падающаго сверху снѣгу. Но орлы стали что-то серьезно трактовать между собою, гордо сидя на грудѣ камней, изображавшихъ, по всей вѣроятности, скалы: какъ видно, они видѣли, что

это только ихъ пожизненный и притомъ весьма незначительный пенсіонъ.

— Будетъ вамъ,—сказала наконецъ купцу женщина, прислуживавшая здѣсь и подтиравшая полъ.

— Тебѣ-то что?

— Какъ что? не вельно.

— Нѣтъ, тебѣ-то какого рожна надо? Плевать я на него хотѣлъ! Тфу!

Купецъ вскинулъ съѣхавшую съ плечъ шубу; и, хлопнувъ рукавами о полы, вышелъ.

Несмотря на краткость моей прогулки, я все таки опоздалъ десятью минутами въ контору дилижансовъ,—и карета уѣхала безъ меня. Что было дѣлать? Мнѣ присовѣтывали тотчасъ-же взять хорошаго извозчика, утверждая, что при быстрой ѣздѣ можно еще догнать экипажъ. Я тотчасъ-же послѣдовалъ этому совѣту и выскочилъ на улицу. У подъѣзда стояла толпа извозчиковъ; всѣ они знали, что карета ушла, и что я нахожусь въ полной ихъ зависимости. Въ такихъ соображеніяхъ, вмѣсто того, чтобы бросится ко мнѣ на встрѣчу, — что составляетъ привычку всѣхъ извозчиковъ въ мірѣ, и московскихъ въ особенности, — они напротивъ,—нетрогалсь съ мѣста, и какъ будто не обращали на меня вниманія... На мое предложеніе—догнать,

они отвѣчали нехотя, — «Да что-же... догнать!.. отъ чаго не догнать... да нѣтъ... что-жь! Положите пять рубликовъ догонимъ...» Я согласился. Но и тутъ мученія мои не кончились. Извозчикъ поминутно останавливался среди дороги, откидывалъ верхъ, поправляя дугу, собирался кажется перепрячь лошадь, и во время моихъ просьбъ ѣхать скорѣй — не упускалъ случая вставить фразы: «прибавьте два рублика, ужъ вотъ какъ,—стрѣлой долѣтимъ.»

Я согласился и на это...

— Давайте деньги! бодро проговорилъ послѣ этого извозчикъ, торопливо садясь на козлы, и по видимому собираясь гнать лошадь во всю прыть. Едва я отдалъ ему всѣ требуемыя деньги, — какъ извозчикъ съ громомъ и трескомъ повернулъ пролетку за уголъ, и мы наткнулись на длижансъ...

— Пожалуйте! сказалъ извозчикъ улыбаясь. Доставлены, кажется вполне?...»

Это обстоятельство, быть можетъ, было причиною того, что выѣхавъ за городъ, я съ удовольствіемъ сказалъ:

— Прощай Москва!

О Г Л А В Л Е Н І Е:

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВСТРѢЧИ.

	стр.
I. Вступительныя замѣтки	3.
II. Первая квартира	18.
III. Товарищъ	63.
IV. Фокусникъ	78.

БУДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ.

I. День и ночью	103.
II. Супруги	110.

СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ.

I. Хлопоты	145.
II. Ночь и увеселенія	161.
III. Воскресенье въ деревнѣ	180.

ПОДМОСКОВНЫЯ СЦЕНЫ

I. У Троицы Сергія	203.
II. Проѣздомъ	230.